

ЧУМНЫЕ

РИЧАРД АДАМС

ПСЫ

Ричард Адамс

Чумные псы

«Азбука-Аттикус»

1977

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Адамс Р.

Чумные псы / Р. Адамс — «Азбука-Аттикус», 1977

ISBN 978-5-389-18480-0

Ричард Адамс покори́л мир своей первой книгой «Обитатели холмов». Этот роман, поначалу отвергнутый всеми крупными издательствами, полюбился миллионам читателей во всем мире, был дважды экранизирован и занял достойное место в одном ряду с «Маленьким принцем» А. Сент-Экзюпери, «Чайкой по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха, «Вином из одуванчиков» Р. Брэдбери и «Цветами для Элджернона» Д. Киза. Из исследовательского центра, что расположен в самом сердце живописного Озерного Края, бегут два приятеля – фокстерьер Надоеда и черный косматый Рауф, огромная дворняга. Оставив позади лабораторию, где над ними ставились жестокие эксперименты, Надоеда и Рауф устремляются к свободе – но окружающий мир таит новые опасности и испытания... Перевод выполнен Марией Семёновой – автором легендарного «Волкодава», стоявшей у истоков жанра «славянского фэнтези». «Если после Адамса останется только одна книга, пусть это будут „Чумные Псы“» (Observer).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18480-0

© Адамс Р., 1977
© Азбука-Аттикус, 1977

Содержание

Предисловие	7
Чумные псы	9
Приступ[7] I	9
Приступ II	38
Приступ III	66
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ричард Адамс

Чумные псы

Роман

*Посвящается Элизабет, с которой я впервые открыл для себя
Озерный Край*

*τῆς τε γὰρ ὑπαρχούσης φύσεως μὴ χεῖροσι γενέσθαι ὑμῖν μεγάλη
ἡ δόξα καὶ ἧς ἂν ἐπ' ἐλάχιστον ἀρετῆς πέρι ἢ ψόγου ἐν τοῖς ἄρσεσι κλέος
ἦ¹.*

Фукидид. История (кн. II, гл. 45, § 2)

Королева: *Хочу изведать
Всю силу снадобий твоих на тварях,
Не стоящих повешенья (не людях)...*

Корнелиус: *Заняться
Такие лишь ожесточат вам сердце.*

Шекспир. Цимбелин, акт I, сцена 5, перев. А. Курошевой

В этом пассаже нет ничего особо примечательного, и все-таки я не могу не привлечь к нему внимание². Мысль, высказанная в нем, прозвучала бы с еще большей силой, доживи наш автор до позднейших времен, когда он был бы наверняка потрясен известиями еще и не о таких опытах. Ими занимается особая порода двуногих, которые безо всякой жалости учиняют пытки и без малейшего зазрения совести печатают их описания, и при всем том им позволено называться людьми.

Доктор Джонсон

Richard Adams
The Plague Dogs

* * *

Copyright © Watership Down Enterprises Ltd., 1977

All rights reserved

© М. В. Семёнова, перевод, примечания, 2013

© С. А. Антонов, примечания, 2020

© А. Питчер, примечания, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020 Издательство ИНОСТРАНКА®

¹ ...И та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу (Перев. Г. Стратановского).

² В этом пассаже нет ничего особо примечательного, и все-таки я не могу не привлечь к нему внимание. – Примечание английского писателя и лексикографа Сэмюэля Джонсона (1709–1784) к вышеприведенным строкам из «Цимбелина» в подготовленном им издании (1765) пьес Шекспира.

* * *

Предисловие

Входная штольня Ситуэйтской медной шахты была завалена несколько лет назад, зато пещера в Браун-Хо цела и поныне. В остальном топография данной истории, смею утверждать, вполне реальна.

Что касается названий конкретных мест, народная топонимика в некоторых случаях отличается от зафиксированной на картах. Сталкиваясь с подобными расхождениями, я предпочитал варианты, которые приняты у местных жителей. Так, в моем повествовании вы найдете перевал Рейнес вместо перевала Райноус, Буттерилкет вместо Братерилкелда и Лоу-Дор вместо Лодора. (Поэт Роберт Саути придал обычному местному названию весьма романтический колорит.)³

Я также постарался сохранить колоритные особенности местного произношения – иначе персонажи этой книги заговорили бы на несвойственном им диалекте.

Еще хочу заметить, что почти все симпатичные персонажи здесь – реальные лица, а вот несимпатичные являются сугубо вымышленными. Например, доктор Бойкотт, Дигби Драйвер, Энн Мосс и замминистра – суть плоды моего воображения, ничем не напоминающие кого-либо из известных мне граждан. Однако Деннис Уильямсон, Роберт Линдсей, Джек и Мэри Лонгмайр, Филлис и Вера Доусон, равно как и некоторые другие обитатели Ситуэйта и его окрестностей, – реальны не менее, чем гора Скэфелл-Пайк. Другое дело, что в реальной жизни ни Деннис, ни Роберт с Рауфом не пересекались и Филлис Доусон не обнаруживала его ранним утром у себя на заднем дворе.

Работая над книгой, я также постарался «не заметить» некоторые безрадостные перемены, случившиеся в дорогих мне местах. Так, в Ньюфилде вы больше не найдете Джека и Мэри Лонгмайр. Железный старик Билл Рутледж из Лонг-Хауса все-таки умер. Долина в его лице потеряла человека, при мысли о котором на ум невольно приходят строки Мильтона, посвященные Хобсону, университетскому вознице:

Вот живчик был, друзья! Когда я прав,
Не ликовала даже Смерть, его забрав⁴.

Джеральд Грей больше не живет в Бротоне, хотя «Мэнор» по-прежнему стоит на своем месте; и Рой Гринвуд некоторое время назад переехал, покинув дом священника в Ульфе. Что касается Джона Одри, он вправду был отважным парашютистом-десантником, но не сегодня, а в дни Второй мировой.

Если уж на то пошло, все эти люди мало пересекались по жизни и в совместной деятельности замечены никогда не были. Я просто включил их всех в свое повествование, описав каждого так, как он запомнился окружающим.

Еще замечу, что в Озерном Крае нет учреждения под названием «Животная опытно-научная и прикладная апробация». Честно говоря, в реальности ни один центр биологических испытаний не занимается столь широким спектром вопросов, как Ж.О.П.А. Тем не менее каждый отдельный «эксперимент» над животными из числа описанных в этой книге в свое время действительно был осуществлен. В этой связи хочу с благодарностью упомянуть две книги,

³ ...*Лоу-Дор вместо Лодора. (Поэт Роберт Саути придал обычному местному названию весьма романтический колорит.)* – Роберт Саути (1744–1843) – английский поэт-романтик, яркий представитель Озерной школы, автор «фигурного» стихотворения «Лодорский водопад» (1820).

⁴ *Вот живчик был, друзья!* – Цитата из стихотворения английского поэта Джона Мильтона (1608–1674) «Эпитафия университетскому вознице» (1645).

из которых я почерпнул материал: это «Жертвы науки» Ричарда Райдера и «Освобождение животных» Питера Сингера.

Что же касается особенностей диалекта, распространенного в верховьях Тайна, тут мне оказали неоценимую помощь мистер и миссис Скотт Добсон.

Автором рисунков и чертежей является мистер Альфред Уэйнрайт, известный сериями прекрасных иллюстрированных путеводителей по Приозерным холмам. Правду вам сказать, сомневаюсь, был ли какой другой писатель удостоен столь великодушной помощи и сотрудничества со стороны иллюстратора!

И конечно же, как нельзя более реальны сэры Питер Скотт⁵ и Рональд Локли⁶, которые самым отважным и рыцарственным образом согласились войти в мое повествование под своими подлинными именами, за что я несказанно им благодарен. Сразу замечу, что суждения, вложенные в уста этих персонажей, получили со стороны их прототипов полное и горячее одобрение.

И наконец, я просто обязан сказать спасибо мисс Маргарет Эппс и миссис Дженис Нил, которые в высшей степени тщательно и добросовестно перепечатавали эту рукопись.

⁵ ...сэр Питер Скотт... – Сэр Питер Маркхэм Скотт (1909–1989) – британский орнитолог, учредитель и поборник заповедников, удостоенный рыцарского звания, известный художник, морской офицер (воевал в Северной Атлантике во время Второй мировой войны) и спортсмен, лауреат множества научных степеней и наград; в 1962 г. стал одним из основателей Бюро по расследованию лох-несского феномена.

⁶ Рональд Локли (1903–2000) – британский натуралист и орнитолог, автор книги «Жизнь кроликов», на которую Адамс неоднократно ссылался в самом знаменитом своем романе «Обитатели холмов» (1972).

Чумные псы

Приступ⁷ I

Пятница, 15 октября

Вода в огромном металлическом баке слабо плеснула. Вдоль бортика пробежала медленная волна, добралась до угла и затихла. В свете электрических ламп беспокойная поверхность напоминала то ли разбитое зеркало, то ли лоскутный шутовской балахон из подвижных ромбиков и квадратов. Тусклые блики чередовались с острыми, как лезвия скальпелей, блестками. В течение двух минувших часов вода в баке была основательно загрязнена, там и сям в ней угадывались желтоватые струйки мочи и плавали пузырьки слюны, сбившиеся в крепкую пену. Будь в помещении какой-нибудь впечатлительный наблюдатель, ему могло бы показаться, что бак наполняет не вода, а какая-то более плотная жидкость. Что-то вроде смеси варенья и несвежего пива, которую подвешивают в стеклянных баночках в качестве приманки для ос, или темных лужиц на бетоне, по которым шлепают резиновые сапоги и копыта в любом хлеву Озерного Края.

Вот только впечатлительных наблюдателей здесь не было.

Мистер Пауэлл протер очки рукавом и, держа наготове блокнот, перегнулся через наклоненный внутрь бортик, чтобы заглянуть в бак. Поверхность воды колыхалась тремя футами ниже.

– Похоже, шеф, он готов... Хотя погодите-ка! – Мистер Пауэлл слегка помедлил, потом засучил рукав белого халата, уберегаясь от очередного, еще более слабого всплеска, и вновь склонился к воде. – Нет, шеф, что я говорю... Он и вправду готов. Прикажете вытаскивать?

– Только после того, как объект окончательно скроется под водой и полностью прекратит двигаться, – не отрываясь от бумаг на столе, отозвался доктор Бойкотт. Хотя в помещении не было никаких сквозняков и воздух оставался неподвижным, он счел нужным на всякий случай понадежнее прижать листы с таблицами и кривыми, используя в качестве груза тяжелые часы-секундомер. – По-моему, – продолжал он ровным и вежливым тоном, – я еще в начале опытов исчерпывающе объяснил, в какой момент должно произойти извлечение...

– Но вы ведь не хотите, чтобы он утонул? – не без некоторого беспокойства в голосе переспросил мистер Пауэлл. – Если объект...

– Нет! – быстро перебил доктор Бойкотт, словно торопясь прервать подчиненного, пока тот не наговорил лишнего. – Дело не в том, чего я хочу или не хочу, – продолжил он чуть погодя. – Объект *не предназначен* для утопления, по крайней мере не в этот раз. Полагаю даже, что и не в следующий, хотя, конечно, все зависит от результатов...

Из бака опять послышался плеск, но уже совсем слабый – призрачное эхо, блуждавшее между металлическими бортами, – словно некий дух безуспешно пытался сойти в земной мир и потревожить поверхность воды. Безуспешно – потому что «объекту» в баке не следовало рассчитывать ни на какие чудеса, если они не содействовали науке.

И вот наконец с одышливым звуком лопнули последние пузыри, и в лаборатории воцарилась тишина.

⁷ Приступ – в оригинале части названы словом «fit», которое в староанглийском означало «глава» или «песнь» в поэме, а его омоним в современном английском значит «судороги, припадок»; это же слово использует Льюис Кэрролл в своей абсурдной поэме «Охота на Снарка».

Снаружи, со склона холма, отчетливо донесся крик черной падальщицы-вороны...

Поднявшись, мистер Пауэлл прошагал по цементному полу и снял с деревянного гвоздя загнутый пастуший посох. После чего уселся на бортик бака и стал машинально отбивать концом посоха ритм популярной песенки.

– Э-э-э... Стивен, я бы вас попросил, – с легкой улыбкой произнес доктор Бойкотт.

– Ой, простите.

Крупная дворняга в баке еще продолжала загребать передними лапами, но совсем вяло, так что тело от шеи до крупа повисло в воде почти вертикально. Висячие уши всплыли и распластались по сторонам головы наподобие крыльев, но глаза уже ушли под воду, и над нею виднелся лишь черный нос с изящным изгибом ноздрей. Мистер Пауэлл молча наблюдал за тем, как этот нос погрузился, снова высунулся на мгновение и опять ушел вниз. Тело, зрительно укороченное преломлением, казалось, слегка переместилось – и вскоре бесформенной массой упокоилось на металлическом дне, подняв облачка илистой грязи. Доктор Бойкотт щелкнул кнопкой секундомера. Мистер Пауэлл украдкой оглянулся, желая убедиться, что начальник не заметил ила на дне (шеф всегда скрупулезно следил за чистотой оборудования), и мысленно положил себе на память Тайсону, сторожу и смотрителю вивария, чтобы тот к завтрашнему дню непременно опорожнил и вычистил бак.

После этого мистер Пауэлл запустил в воду посох. Сделав поправку на искажение в толще воды, он ловко (сказывалась практика) подцепил крюком ошейник дворняги и стал поднимать ее к поверхности. Но не дотащил – его руки дрогнули, он выронил палку и, морщась, выпрямился, а мохнатое тело снова опустилось на дно.

– Господи, до чего тяжелый-то, – вырвалось у него. – В смысле, шеф, он, конечно, тяжелее не стал, просто я руку вчера вечером потянул, и она, зараза, болит. Ну ничего, жить буду, как говорится...

– Сочувствую, – сказал доктор Бойкотт. – Разрешите, я помогу. Стоит ли вам мучиться, если можно этого избежать!

Они вдвоем взяли за посох, подняли со дна тяжеленное тело, облепленное густой мокрой шерстью, совместным усилием перевалили его через бортик и опустили на коврик из вспененной резины. Более всего пес сейчас напоминал утонувшую муху – непроглядно-черный и какой-то сплюснутый, словно растекшаяся капля. Четвероногий утопленник казался несколько меньше, чем в жизни, – обмякшие мышцы, впалое брюхо, слипшаяся шерсть.

Мистер Пауэлл начал делать ему искусственное дыхание. Спустя некоторое время из пасти пса хлынула вода, он судорожно втянул в себя воздух, но глаз так и не открыл.

– Ну что ж, хорошо, – деловым тоном проговорил доктор Бойкотт. – Теперь, Стивен, займитесь обычными тестами. Пульс, анализ крови, температура тела, рефлексы... в общем, все, над чем мы работали. Потом, пожалуйста, нанесите результаты на график. Я вернусь минут через двадцать, только схожу в крыло Кристиана Барнарда⁸, посмотрю, что там с операцией на мозге, которую делали после обеда. – И добавил тихо, но строго: – Только, пожалуйста, не курите тут в мое отсутствие. Вы же понимаете, это может сказаться на результатах исследований.

– Можно я на него намордник надену? – спросил мистер Пауэлл. – Этот, как там его, семь-три-второй – больно уж непростой парень. Очнется, не ровен час, цапнет еще...

– Конечно надевайте, я не против, – сказал доктор Бойкотт, забирая со стола секундомер.

– Кстати, шеф, а что там со временем? – поинтересовался мистер Пауэлл. Тон у него при этом был довольно подхалимским, словно доктору Бойкотту предстояло озвучить личное достижение.

⁸ ...схожу в крыло Кристиана Барнарда... – Крыло учреждения носит имя южноафриканского кардиохирурга Кристиана Нитлинга Барнарда (1922–2001), первым в мире совершившего успешную пересадку сердца.

– Два часа двадцать минут пятьдесят три целых и четыре десятых секунды, – ответил доктор Бойкотт. – Навскидку могу сказать, что это минут на шесть с половиной больше, чем в среду, и примерно на двенадцать минут больше, чем при позапрошлом испытании. Пока что вырисовывается почти линейная зависимость, хотя, без сомнения, со временем прирост покажет тенденцию к уменьшению. Рано или поздно будет достигнута точка, в которой сверхвыносливость, питаемая надеждой объекта на избавление, будет нейтрализована пределом его естественных физических возможностей. – Он ненадолго умолк, а затем продолжил: – Кстати, мистер Пауэлл, я попросил бы вас позаботиться еще кое о чем. Утром я совсем забыл сказать вам, что в Кембридже от нас ждут не дождутся результатов эксперимента по социальной депривации. У нас ведь уже приготовлена для этого обезьянка, не так ли?

– А как же, – ответил мистер Пауэлл. – Всяко найдем.

Доктор Бойкотт переспросил чуточку резче:

– Помнится, вы мне говорили со всей определенностью, что животное приготовлено?

– Да, точно, шеф, – торопливо поправился мистер Пауэлл. – Несомненно, приготовлено.

– Ну и отлично. Значит, пускай сегодня же вечером отправляется в цилиндр. Полагаю, вы обеспечите там полное отсутствие света?

– Так точно, шеф, обеспечим. И свет, и все прочее. Ограничение подвижности, необходимая вентиляция и сетчатый металлический пол, чтобы моча и фекалии сразу проваливались вниз. Все как положено.

– Стало быть, приступайте безотлагательно. Наблюдайте животное два раза в день и, конечно, заносите все необычное в журнал. Не забудьте регулярно отмечать общее количество дней на доске возле цилиндра. Это для удобства директора, если тот захочет посмотреть, как идут дела.

– А где разместить цилиндр, шеф?

– Не имеет особого значения, лишь бы вы не забывали приглядывать вовремя, – ответил доктор Бойкотт. – Предлагаю устроить его вблизи вашего обычного рабочего места, только, естественно, подальше от других животных. Нужно по возможности обеспечить тишину и отсутствие органических запахов. Вы же понимаете – все должно работать на депривацию.

– Шеф, а как насчет центрифуги в четвертой лаборатории? – спросил мистер Пауэлл. – Там сейчас полно места и тишина стоит как в могиле!

– Да, это подойдет, – сказал доктор Бойкотт. – Не забудьте проинструктировать Тайсона насчет кормления и держите меня в курсе, как все пойдет. Предполагаемая длительность опыта, допустим... ну... к примеру, сорок пять дней.

Он уже держался за ручку двери, и мистер Пауэлл спросил:

– Пока все, шеф?

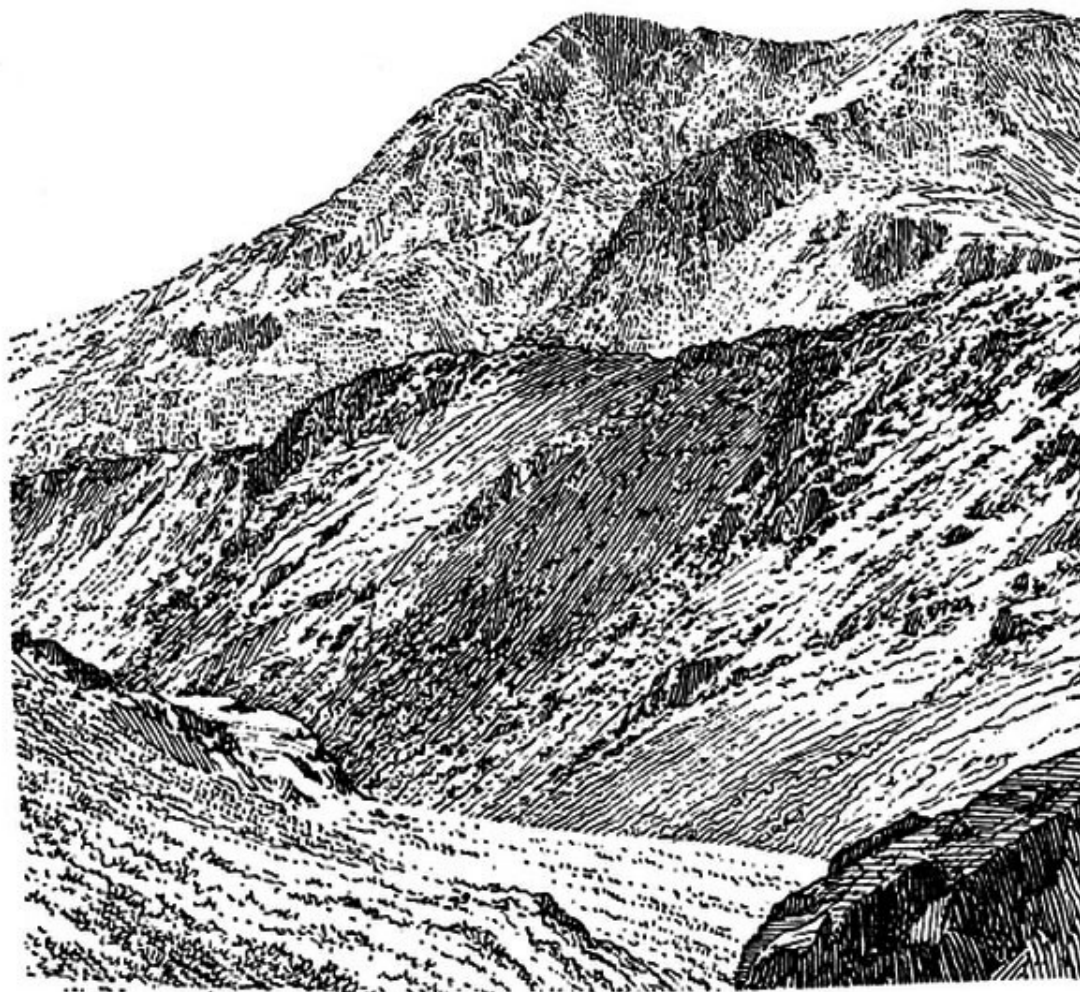
– Почти, – ответил доктор Бойкотт. – Пожалуй, вот еще что. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы в баке спустили воду и все как следует вычистили. Там, знаете ли, ил на дне появился, а это недопустимо.

* * *

Участок земли под учреждение, называвшееся «Животная опытно-научная и прикладная апробация» (Ж.О.П.А.), был отведен после серьезных административных и даже политических баталий. В конце концов исследовательский комплекс разместили на территории Лоусон-парка, бывшей фермы на восточном берегу озера Конистон-Уотер. Проект находился в ведении министерства, то есть был изначально снабжен всеми необходимыми разрешениями, но и совет графства, и Комитет по надзору за национальным парком яростно воспротивились, ссылаясь на циркуляр № 100. Судя по всему, ответственный за проект заместитель министра по охране окружающей среды успел представить, как ему придется отдуваться перед

оппозицией, если дело дойдет до Уайтхолла. И он решил, что в сложившихся обстоятельствах самым правильным будет провести общественные слушания. Последние продолжались около двух недель, и за это время государственный инспектор, в свободные от службы часы увлекавшийся английской историей семнадцатого века, не раз успел пожалеть о том, что, в отличие от мистера Брэдшо, председательствовавшего на так называемом суде над Карлом I, не запасся пуленепробиваемой шляпой⁹. Клерк, выступавший со стороны графства, подверг министерских экспертов жесткому перекрестному допросу, настойчиво допытываясь, в чем заключается «жгучая необходимость» размещения очередной правительственной стройки на территории национального парка. Местный полномочный секретарь, вызванный в суд Комитетом по строительству, фактически был вынужден свидетельствовать против того самого ведомства, в котором он надеялся однажды занять место заместителя. А Совет по защите сельских зон Англии, наоборот, весьма помог делу строительства, эмоционально заявив, что никому, никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах не следует разрешать что-либо строить. Далее выступил мистер Финуорд, отставной офицер торгового флота, живший в домике на холме неподалеку от спорного участка. Он не придумал ничего лучше, чем пригрозить инспектору физической расправой, если тот немедленно не выскажется за отмену строительства. Его превзошел только мистер Прэнсбоди, заявивший, помимо прочего, что исследовал древние захоронения на территории Дербишира и нашел в них материальные подтверждения теории, согласно которой в Англию переселились выходцы из Святой земли. Он обосновал свою позицию, почти полностью зачитав доклад в шестьдесят три страницы. В конце концов многострадальный инспектор вынужден был прервать выступающего, объявив его доводы ничтожными и не относящимися к делу. Брызгавшего слюной мистера Прэнсбоди под руки вывела из зала полиция.

⁹ ...в отличие от мистера Брэдшо... не запасся пуленепробиваемой шляпой. – Имеется в виду реальный исторический факт: Джон Брэдшо (1602–1659), английский юрист, политический деятель и судья, назначенный в 1649 г. лорд-президентом парламентской комиссии, присудившей английского короля Карла к смертной казни, присутствовал на заседании суда в доспехах под мантией и в широкополой фетровой шляпе, под которой скрывался стальной шлем.

Конистонский Старик

На тех слушаниях вообще не приходилось скучать. Пожалуй, следует особо отметить выступление представителей Королевского общества защиты животных. Они высказались в пользу строительства, исходя из того, что эксперименты и хирургическая практика учреждения Ж.О.П.А. окажутся благом для всего животного мира.

Когда все отгремело, инспектор, которому министерство приказало как можно скорее выдать отчет для печати (и кому какое дело, что эта работа требовала вдумчивой неспешности), высказался против размещения комплекса в Лоусон-парке и, соответственно, против покупки там участка земли. Министр Уильям Манкинс (из-за своей нерешительности и малодушия известный в департаменте как Размазня Билл) в конце концов вынес вопрос на рассмотрение кабинета, который решил одобрить проект, невзирая на рекомендации инспектора. Подобное решение явилось результатом тайной сделки с министрами труда и внутренних дел – в обмен на новую тюрьму «открытого типа» в Вустершире, отставку главного инспектора Комиссии химического контроля... и, скажем так, домашние тапочки некоей молодой леди, мисс Мэнди Прайс-Морган, закрутившей роман с одним из представителей «теневого кабинета».

После публикации отчета и окончательного решения министра из парламента градом посыпались депутатские запросы. Газета «Гардиан» разразилась передовицей, выдержанной в весьма резких тонах. Стряпчие Конистонского общества протеста призвали мистера Джеймса Чаффанбрасса, королевского адвоката и – без шуток – праправнука того самого Чаффан-

брасса, о котором писал в своих романах Энтони Троллоп¹⁰, досконально изучить решение и отчет на предмет самомалейших зацепок, которые позволили бы довести дело до Верховного суда. Угодив таким образом под огонь, Размазня Билл держался непоколебимо и тщательно следил за тем, чтобы на все устные запросы (в отличие от письменных) отвечал его доверенный парламентский секретарь мистер Бэзил Форбс (именовавшийся в кулуарах Шашки Наголо из-за непредсказуемых приступов безрассудства). По ходу дела загнанный в угол мистером Бернардом Багуошем, королевским адвокатом и парламентским представителем от центральных областей Озерного Края, собиравшимся продолжить обсуждение на следующем заседании, мистер Манкинс просто блеснул своим отсутствием, изящно смывшись под важнейшим и неотложным предлогом: на восточном побережье Англии произошел большой оползень, обрушение песчаного холма оставило без крова сколько-то семей и им срочно требовалось соболезнование и участие высокопоставленного лица. Шашки Наголо произнес шестиминутную речь, а уже появилась куда более действенная дубинка против правительства. Был опубликован долгожданный отчет Саблонского комитета, ведавшего расходом денег налогоплательщиков на биологические и медицинские исследования. В отчете уделялось особое внимание Национальной службе здравоохранения и указывалось, что вышеупомянутые исследования требуют большего внимания, равно как и больших вложений. Представитель правительства, отлично знавший о твердом нежелании Министерства финансов лишиться раз открывать кошелек, в основном бекал и мекал, рассуждая о необходимости всестороннего изучения проблемы и опасности поспешных решений. Он и правда не мог в то время сказать, будет ли принят отчет. Оппозиция тотчас накинулась на него, точно стая азартно лающих гончих. А поскольку поддержка Саблонского комитета была несовместима с дальнейшими нападками на строительство в Лоусон-парке, Размазня Билл благополучно пережил еще одну остросюжетную главу в своей бурной карьере.

Местному оценщику было поручено выяснить стоимость бывшего фермерского дома и земельного участка и провести переговоры. После чего тендер на строительство выиграла известная и почтенная архитектурная фирма «Сэр Конэм Гуд, сын и Хоу».

Позже все согласились с тем, что новые здания очень хорошо вписались в окрестности – открытый склон, дубовые рощицы, более темные пятна сосен и лиственниц, каменные межи и зеленые квадраты полей и сверкающее, как лезвие, озеро внизу с отраженными в нем облаками...

Сэру Конэму удалось сохранить и фермерский дом, и хозяйственные постройки. Он лишь превратил их в столовую, конференц-зал и офисы для постоянных сотрудников. На стены и кровли лабораторий, стойла и хирургического крыла (имени Кристиана Барнарда) пошел местный камень и аспидный сланец, а что касается вивария, то известный фотограф и специалист по содержанию животных лорд Плинлимон отвел для него одно большое здание, под крышей которого уместилось более двадцати отсеков и комнат, заставленных клетками.

Новый центр торжественно открыли в середине лета, под проливным дождем, обычным для Озерного Края. Ленточку перерезала баронесса Хилари Блант, бывший постоянный заместитель министра. С этого момента бурный поток писем в «Таймс» начал мелеть и редеть, пока не иссяк окончательно.

Когда три ярко-синих фирменных фургона, принадлежавших Ж.О.П.А., подвезли по гладкой асфальтовой дорожке первую партию собак, морских свинок, кроликов и крыс, вновь назначенный директор сказал доктору Бойкотту:

¹⁰ ...праправнука того самого Чаффанбрасса, о котором писал в своих романах Энтони Троллоп... – Королевский адвокат Чаффанбрас упоминается в романах английского писателя Энтони Троллопа «Три клерка» (1858), «Ферма Орли» (1861) и «Возвращение Финеаса» (1874).

– Теперь, будем надеяться, нас на какое-то время оставят в покое и дадут заниматься полезным делом. На это место было потрачено столько эмоций – пора уже переходить к беспристрастной науке!

* * *

Черный беспородный кобель лежал на куче соломы в решетчатой клетке, находившейся в дальнем углу собачьего отделения. Его длинная шерсть почти высохла, намордник был уже снят, возле полуоткрытой пасти дышал кислородом гибкий шланг. Табличка на двери клетки содержала те же цифры, что были выдавлены на зеленом пластиковом ошейнике, – 732. Под номером шла надпись: «Инстинкт выживания и физическая форма (погружение в воду). Доктор Дж. Р. Бойкотт».

Всего здесь было около сорока клеток, составлявших два двухэтажных ряда. Почти во всех, за исключением нескольких отсеков, сидели собаки. В основном стенки клеток представляли собой толстую проволочную сетку. Таким образом, если смежные отсеки были населены, у каждой собаки оказывалось сразу трое соседей. Однако у клетки семьсот тридцать второго, размещенной в самом конце четвертого ряда и притом в конце помещения, имелась одна кирпичная стенка, являвшаяся внешней стеной самого здания. А поскольку смежная клетка четвертого ряда пустовала, сосед у семьсот тридцать второго был только один – пес из ряда номер три, чья клетка примыкала тыльной стороной к отсеку 732, а боковой – к кирпичам наружной стены. В данный момент этот пес, вероятно, прятался в будке (ибо каждая клетка была оснащена будкой), но признаки обитаемости были налицо. В одном углу – основательно погрызенный резиновый мячик, в другом – желтеющая, лишенная мяса говяжья лопаточная кость, несколько свежих царапин на кирпичач, полупустая поилка, какашки на полу и, конечно, табличка на дверце, гласившая: «815. Нейрохирургия. Группа С. Мистер С. У. К. Фортеस्कью».

Повсюду в помещении витал неистребимый запах псины, который разбавляли острые ароматы свежей соломы и бетона, обработанного водой с фирменным антисептиком «Джейз». Однако сквозь открытые фрамуги, расположенные под самым потолком, задувал свежий ветер, который нес дыхание папоротников и болотного мирта, коровьего и овечьего навоза, дубовых листьев, крапивы и озера на закате. Уже темнело, и под электрическими лампами, установленными по одной в конце каждого ряда, стали возникать островки желтоватого света – казавшегося настолько резким в стекавших снаружи мягких сумерках, что собаки в ближайших клетках отворачивались и прикрывали глаза.

В помещении, битком набитом животными, было на удивление тихо. Лишь здесь и там слышалась возня собак, устраивавшихся поудобнее в соломе. Один из псов, бурый ретривер с огромным шрамом поперек горла, время от времени тихо подвывал во сне. Другой, помесь уиппета, на трех лапах и с забинтованной культей, неуклюже бродил по своей клетке, время от времени натываясь на стены. Проволочная сетка издавала негромкий звук, отдаленно напоминавший голос джазового барабана, когда его касаются кисточкой. И это было все – не лаяла ни одна из тридцати семи собак, сидевших здесь взаперти. Наверное, у них было все хорошо. А может, просто сил не хватало. Так или иначе, здесь царствовали тихие звуки сельского вечера, вливавшиеся снаружи, точно последний солнечный свет – сквозь березовую листву в кроватку засыпающего ребенка. Вот издали донесся голос пастуха, вот проехала машина по Конистонской дороге... Еле слышно, так что лишь собачий слух способен был уловить, плескала о камни вода в озере, да ветер шевелил жесткие стебли травы, да кричала в кустах вереска куропатка, быстро повторяя: «Поди прочь, поди прочь...»

Спустя некоторое время, когда снаружи почти окончательно воцарилась темная октябрьская ночь, из конуры восемьсот пятнадцатого отсека раздался резкий скрип когтей и шорох соломы. Казалось, обитатель клетки пытается выкопать норку в бетонном полу. Потом стало

слышно, как зубы впиваются в трещащее дерево. Затем примерно на минуту все смолкло. И наконец из конуры высунулась черно-белая голова гладкошерстного фокстерьера. На несколько мгновений пес замер, наострив уши и вскинув принимающийся нос. Потом вышел наружу весь, отряхнулся, поплакал из миски воды, задрал ногу у кирпичной стены... И направился к сетке, отделявшей его от соседа.

Вид у терьера был, мягко говоря, странный. На голове у него красовалось что-то вроде черной шапочки, отчего он напоминал зверюшку со страниц детского комикса. Художники наделяют эти создания головами кошек, собак, медведей, мышей или кого-то еще, но при этом непременно снабжают одеждой – и нимало не заботятся об анатомическом правдоподобии, так что у рисованных зверьков смещаются локти, появляются кисти рук и так далее. Ну а этот терьер и в самом деле носил черную шапочку, то есть хирургическую повязку из прочной клеенки, накрепко приклеенную к голове перекрестными полосами пластыря – с тем, чтобы собака не стала чесаться и не содрала антисептический тампон, прикрывавший рану. Все сооружение имело форму скругленного ромба и было кокетливо надвинуто на правый глаз. В результате, чтобы посмотреть прямо перед собой, песик был вынужден наклонять голову вправо, что придавало ему хитровато-осведомленный вид.

Добравшись до сетки, терьер потерся об нее ухом, словно пытаясь избавиться от повязки, но тотчас, вздрогнув, оставил свое намерение и уселся на пол против соседа – огромного черного косматого пса.

– Рауф! – позвал терьер. – Рауф, прикинь, они утащили все рододендроны, оставив только червяков. Вертится, вертится шар го... Ой, а темно-то как! Лишь одинокая звезда светит мне прямо в глотку, вот и все. Прикинь, Рауф, мой хозяин...

Черный пес вскочил на лапы, и это движение автоматически перекрыло подачу в шланг кислорода. Скаля зубы и пригнув уши, кобель подался назад, прикикая к соломе. Глаза у него горели яростью, он принялся лаять так, словно на него со всех сторон наседали враги:

– Рауф! Р-р-рауф! Гр-р-рауф!

Он поворачивал голову из стороны в сторону, выискивая, в кого запустить зубы.

– Гр-р-рауф! Рауф! Рауф!

Остальные псы в помещении немедля откликнулись:

– Я бы тебе задал, если бы мог только добраться!

– Эй ты там, заткнись!

– Думаешь, тебе одному не по нраву эта поганая дыра?

– Слушайте, дадут нам хоть немного поспать, а?

– Ау! Ау! Это, верно, тот паршивец, который хотел быть волком?

– Рауф! – быстро вставил терьер. – Рауф, быстро ляг и затихарись, пока грузовик не приехал... то есть пока листья не загорелись! Я-то уже падаю со всей скоростью! Если замолчишь, я сумею до тебя дотянуться...

Рауф рывкнул еще раз, затравленно огляделся, потом медленно понурился, подошел к сетке и обнюхал прижатый к ней черный носик соседа. Еще несколько мгновений, и он улегся и начал тереться черной лохматой головой о вертикальную стойку.

Шум в помещении постепенно затих.

– От тебя железной водой пахнет, – сказал терьер. – Ты опять в железной воде плавал, ну и дух, говорит мой нюх, ух, ух...

После долгого молчания Рауф ответил:

– Угу. Вода.

– Вот-вот. Пахнет, как у меня в поилке. Я угадал? Кстати, там дно грязное. Я все чую, хоть у меня в голове и устроили загончик для кур...

– Что?

– Я говорю, в голове у меня устроили загончик для кур. Те, в белых халатах, все проволокой заплели.

– Когда это они? Я что-то не вижу...

– Еще бы, – сказал терьер таким тоном, словно отмахивался от совершенно бессмысленного вопроса. – Ну конечно же, *видеть* этого ты никак не можешь!

– Вода... – снова пробурчал Рауф.

– Слушай, а как ты выбрался? Ты ее всю выпил, или солнышко ее высушило, или как?

– Не помню, – ответил Рауф. – Выбрался... – Он уронил голову на солому и стал лизать и покусывать подушечку передней лапы. Потом сказал: – Выбрался... Я никогда не помню, как вылезаю оттуда. Наверно, они вытаскивают меня. Короче, отвяжись, Надоеда.

– А может, ты вовсе и не выбрался, – сказал терьер. – На самом деле ты утонул. И вообще все мы уже умерли. То есть даже и не рождались. Живет на свете мышка, певунья – лучше нет... Меня укусили за самые мозги, и все время идет дождь. По крайней мере, в этом глазу.

– Надоеда, ты спятил! – зарычал Рауф. – Хорош болтать, я очень даже живой! Если не веришь, просто не отдергивай голову...

Терьер отскочил прочь. И весьма вовремя – там, где только что был его нос, лязгнули челюсти.

– Верно, я спятил. В голове сдвиг, летит грузовик... я очень извиняюсь. Дорога – ну, где все это произошло – она была черная и белая. Прямо как я, понимаешь?

Он замолчал, потому что Рауф перекатился в соломе и опять замер, словно выбившись из сил.

– Вода, – пробормотал большой пес. – Что угодно, только не в воду... опять... завтра... – Тут он приоткрыл один глаз и взвился, точно ужаленный: – Белые халаты! Белые халаты идут!..

На сей раз всеобщего протестующего лая не последовало. Такой клич в виварии раздавался слишком часто и внимания уже не привлекал.

Надоеда вернулся к стенке вольера. Рауф сидел по ту сторону и смотрел на него. Он сказал:

– Всякий раз, когда я ложусь и закрываю глаза, то внезапно оказываюсь в воде. А потом вскакиваю – и ее нигде нет!

– Прямо как радуга, – ответил Надоеда. – Она плавится и тает. Я видел разок, как это бывает. Мой хозяин бросил палочку, и я побежал за ней вдоль берега, и там... Ух ты! – Терьер помолчал немного и продолжил: – А почему *ты* не таешь? Тогда уже никто не смог бы тебя в воду засунуть...

Из соседней клетки послышалось рычание.

– Вечно ты твердишь про своего хозяина, – буркнул Рауф. – У меня вот никогда хозяина не было. Но при всем том я не хуже тебя знаю, что это значит – быть собакой!

– Рауф, послушай, нам непременно надо через дорогу. Мы должны перейти через дорогу, прежде чем...

– Собака не отступает, – резко проговорил Рауф. – Собака никогда не отказывает человеку в его просьбе. Она для этого на свете живет. Поэтому, если мне скажут – лезь в воду, я... я должен... я... – Он содрогнулся и замолчал. Потом проговорил: – И все равно я не могу больше выносить эту воду...

– А кстати, куда потом сливают воду? – спросил Надоеда. – Не могу понять, почему она вся никак не вытечет? Наверно, весь слив забит палыми листьями. А лапа уиппета... они ее, наверное, съели. Знаешь, я как-то спросил его во дворе, но он не мог точно сказать. Говорит, они ее забрали, пока он спал. Ему как раз снилось, что его привязали у каменной стенки, а та взяла да и обрушилась. Прямо на него.

– Собаки живут для того, чтобы делать, что говорят им люди. Я это и без всякого хозяина нюхом чую. А значит, у людей должны быть свои причины, ведь так? Это нужно им на какое-то доброе дело, просто они о нем знают, а мы – нет.

– Какая досада, здесь даже косточку не зароешь, – сказал Надоеда. – Я пробовал, честно. Земля слишком твердая. И голова еще болит... ничего удивительного, у меня ведь садик в ухе, чтоб ты знал. Я и теперь слышу, как там листья шуршат.

– Я все равно не могу больше выносить эту воду, – пожаловался Рауф. – С ней ведь даже подражаться нельзя. – Он поднялся и принялся расхаживать вдоль сетки. – Этот запах... Запах железного пруда, в котором...

– Слушай, всегда есть вероятность, что они его потеряют. Они уже разок потеряли целое небо облаков. Утром их было полным-полно, а к вечеру – глядь! – и ни одного нету. Все улетели прочь на крыльях барашков...

– Посмотри-ка сюда, – позвал вдруг Рауф. – Вот здесь, возле дна, сетка отстала. Если ты подойдешь и засунешь под нее нос со своей стороны, то сможешь ее приподнять!

Надоеда с готовностью подошел. Кусок сетки длиной около восемнадцати дюймов действительно отстал от горизонтального металлического ребра, разделявшего клетки.

– Должно быть, моя работа, – сказал фокстерьер. – Гнался я однажды за кошкой и... Хотя нет. Кошка тут когда-то и вправду была, но ее выключили, я полагаю... – Он налег на сетку и некоторое время упирался в нее головой, потом хитро посмотрел на дворнягу. – Слушай, Рауф, лучше не будем ничего трогать, пока у нас не побывал человек-пахнувший-табаком. А то он увидит меня на твоей стороне и посадит обратно на место, и веселью конец. Так что обождем, старина.

– А ты соображаешь, – проворчал Рауф. – Слушай, Надоеда, а это, часом, не он стоит у двери снаружи?

– У меня в голове все бурлит, как в канаве под ливнем, – сказал Надоеда. – Я все падаю и падаю, голова отваливается, а я следом... И листья падают, унюхал, а? Дождь пойдет. Помнишь дождь?

На зеленой двери посредине длинной стены негромко лязгнул засов. Рауф тут же вернулся в свою будку и залег там, неподвижный, словно черный сугроб. Реакция остальных собак была весьма буйной и шумной. Обитатели блока забежали по вольерам, взлаивая и подывая от возбуждения и выбивая когтями дробь по сетке. Надоеда три или четыре раза подскочил на месте и подбежал к дверце. Слюна капала у него с языка, в прохладном воздухе из пасти шел пар.

Зеленая дверь, открывавшаяся внутрь, иногда застревала на полпути. Так произошло и на этот раз. С той стороны ее наподдали плечом, но она не сдвинулась с места, только верхняя часть немного прогнулась. Было слышно, как снаружи поставили на пол металлическое ведро, а потом дважды пнули упрямую дверь резиновым сапогом, заставив ее распахнуться. В помещение ворвался ночной ветер, напоенный резким запахом горелого кустарника. На пороге стоял человек-пахнувший-табаком. Во рту – трубка, в каждой руке – по ведру. И табаком от него действительно пахло, как от сосны – смолой. Этим запахом он был пропитан весь сплошь, от матерчатого кепи до резиновых сапог.

Лай тотчас усилился. Собачье неистовство лишь оттеняло молчаливую медлительность, с которой человек внес внутрь два ведра, поставил их на пол, внес и поставил еще два и наконец вернулся с двумя последними. Сделав это, он закрыл дверь, потом встал около ведер, вытащил спички, чиркнул, прикрыл ладонями трубку и не спеша, старательно ее раскурил. До лая и нетерпеливых прыжков обитателей вивария ему не было никакого дела.

– Эта трубка никуда не годится. Совсем никуда, – пробормотал Надоеда.

И, положив передние лапы на решетку, стал наблюдать за тем, как человек-пахнувший-табаком вытащил из угла пятигаллонную канистру для питьевой воды и, неспешно шар-

кая резиновыми сапогами, понес ее к водопроводному крану. Поставил, открыл кран и, чуть отступив, стал ждать, пока в нее не наберется вода.

Старик Тайсон когда-то был моряком. Потом пас овец. Потом еще несколько лет исполнял обязанности дорожного рабочего на службе у совета графства. Эту работу он променял на должность смотрителя вивария в Ж.О.П.А., ибо здесь, как он сам говорил, не приходилось вкалывать под дождем – в основном все происходило под крышей. Высшее руководство исследовательского центра во главе с самим директором неплохо относилось к нему, можно сказать, даже ценило. Старик был суров, однако вполне вежлив, надежен, поручения исполнял добросовестно – и не питал ненужных сантиментов по отношению к животным (как, впрочем, и остальные обитатели Озерного Края). В его пользу говорило и то, что для своего возраста Тайсон был отменно здоров, то есть работал стабильно, не отпрашиваясь по болезни. И семейные проблемы не отвлекали его, поскольку все их он уже давным-давно решил. Кроме того, он неплохо понимал собак, и его отношение к ним – обычное для фермеров – вполне устраивало Ж.О.П.А. Для Тайсона животные были чем-то вроде необходимого технического оборудования, которое следовало знать, обеспечивать должным уходом и использовать по назначению. Вот собаки туристов и приезжих его раздражали: никчемные существа, не приученные ни к какой полезной работе и вдобавок часто непослушные, то есть потенциально опасные для овец!

Действия Тайсона казались собакам невыносимо медлительными, хотя на самом деле старик всячески стремился как можно скорее разобраться с делами и отправиться домой. Был вечер пятницы, ему уже выдали зарплату, и его ждала встреча с приятелем из Торвера, назначенная в «Конистонской короне». Этот самый приятель обещал сосватать ему подержанный холодильник – в очень хорошем состоянии и недорого. Поэтому Тайсон торопился как только мог. Другое дело, что примерно так торопится черепаха, перед которой положили на землю любимый корм. Нет, мы совсем не хотим сказать, что в действиях Тайсона сквозила какая-то рассеянность или, боже сохрани, придурковатость. Если уж на то пошло, черепахи исполнены достоинства и самодостаточности и, пусть медлительные, гораздо надежней, чем... ну... погодите, давайте подумать... ага! – чем некоторые безумные принцы, что дают дикие обещания устремиться к мести со скоростью мысли¹¹ или страстной мечты.

Тайсон входил в один вольер за другим, выплескивал миски для воды в слив и заново наполнял их из канистры. Потом он опорожнил саму канистру, вернул ее на штатное место в углу и занялся ведрами. Четыре из них были наполнены кровавой смесью конины и легких, должную порцию коей – большую или поменьше, исходя из размера собаки, – в свой черед получили все пребывавшие на «обычной диете». Чем дальше продвигался старик, тем тише становился возбужденный лай в виварии. Раздав конину, Тайсон приступил к оставшимся ведрам. В них лежали бумажные пакеты, помеченные номерами собак, которым эти рационы были предписаны исходя из условий того или иного конкретного опыта.

Тайсон вытащил из кармана футляр, открыл его, вынул очки, повернул их к свету, подышал на линзы, вытер о рукав, снова посмотрел на свет, после чего надел, вывалил пакеты на цементный пол и разложил в два ряда. Прделав это, он взял первый пакет и поднес к свету ближайшей лампы. Прочитал номер – и не мешкая направился к нужному вольеру. Он знал каждого пса, как охотник знает каждую гончую в своей стае.

Содержимое любого пакета предоставляло, как выразился бы сэр Томас Браун¹², лакомую пищу любознательному уму, *privatim et seriatim*¹³. Вот бы исследовать, какие порошки, пилюли,

¹¹ ...безумные принцы, что дают дикие обещания устремиться к мести со скоростью мысли... – Парафраз строк из трагедии У. Шекспира «Гамлет»: «Скажи скорей, чтоб я на крыльях быстрых, / Как помысел, как страстные мечтанья, / Помчался к мести» (акт I, сцена 5, перев. М. Лозинского).

¹² Сэр Томас Браун (1605–1682) – английский врач и писатель, автор философско-аллегорической барочной прозы, в частности трактата «Вероисповедание врачей» («Religio Medici», 1643), содержащего вольные размышления на темы религии, алхимии и астрологии, впоследствии запрещенного Католической церковью.

заговоренные травы и заклятые корешки лежали в каждом из них! Скажем прямо, внутри были заключены редкостные чудеса. Здесь был ливер с подмешанными в него стимулирующими средствами, достаточно мощными, чтобы напрочь лишить сна или заставить реципиента проявить наутро поистине невероятную выносливость: сражаться насмерть, голодать, терзать себя в клочья, пить уксус, поедать крокодила...¹⁴ Другие вещества оказывали избирательное парализующее воздействие. Они, к примеру, изменяли восприятие звуков и запахов, цветовые и вкусовые ощущения. Третьи были анальгетиками, лишавшими способности чувствовать боль: объект опыта продолжал беззаботно вилять хвостом, в то время как ему прижигали каленым железом ребра. А еще здесь были такие галлюциногены, что съешь их – и увидишь больше чертей, чем может поместиться в аду. От них сильные превращались в слабаков, храбрые – в трусов, а умные и осторожные очертя голову предавались немислимим глупостям. Некоторые снадобья причиняли болезнь, сводили с ума или поражали отдельные части тела; иные, наоборот, могли, если повезет, исцелить либо облегчить ранее приобретенные немощи. Другие вещества уничтожали плод во чреве, убивали саму способность зачинать и вынашивать. Рас чудесна ДЖО и благословите, Анания, Азария и Мисаил, Господа¹⁵, ибо воистину – еще чуть-чуть, и по мановению доктора Бойкотта и подобных ему начнут разверзаться могилы и мертвые воспрянут к свету дневному!

Возможно, тут мы немного преувеличиваем и забегаем вперед – натягиваем длинный лук, как говорят местные. Но как бы то ни было, нам доподлинно известно, что доктор Бойкотт не преминул бы заняться оживлением мертвых, если бы существовал хотя бы малейший шанс на успех. Он был высококлассным специалистом, от него ждали смелых инициатив, а те, на ком он ставил опыты, не имели перед законом никаких прав. Научное любопытство – такая же человеческая страсть, как и все прочие. Будучи в здравом уме, можно ли ждать, чтобы доктор Бойкотт спросил себя, а в своем лице – и все человечество: «Отмерено ли то количество знаний, коих мне позволено будет взискать?» – вместо обычного: «Ну и что я могу узнать еще?» Экспериментальная наука есть последний цветок на древе аскетизма, и в этом смысле доктор Бойкотт был подлинным аскетом. Он наблюдал события, не вынося им оценки, и поистине являл собою ходячий парадокс. Его цель была благородна, его действия – безукоризненны, его сердце билось во благо всего рода человеческого. Пожалуй, билось даже чересчур сильно.

Работая, Тайсон обращался, хотя бы кратко, к каждой собаке:

– Ну вот, держи свою пайку, приятель... Ешь давай. А ты, старина, чего разлежся-то? Вставай, парень, бока отлеживать – никакого толку не будет...

Подобное у жителей Озерного Края было, прямо скажем, не слишком распространено. Здесь редко напрямую обращались к собаке – разве только затем, чтобы подзвать ее или выругать. Еще удивительнее, что Тайсон иной раз дружески похлопывал пса по боку, а то и вовсе наклонялся почесать ему за ушами. Зачем он это делал, он и сам не смог бы объяснить. Спроси его, и он, скорее всего, просто передернул бы плечами, показывая тем самым, что подобный вопрос не стоит серьезного размышления и членораздельного ответа. Истина состояла в том, что Тайсон – естественно, на доступном ему уровне – очень хорошо понимал характер работы экспериментального центра и ее обычные последствия для подопытной живности. Другое дело, что даже сам доктор Фрейд, вооруженный наидлиннейшим и самым символическим пастушьим посохом психоанализа, не сумел бы вытащить из недр подсознания Тайсона никакого

¹³ По отдельности и в целом (лат.).

¹⁴ ...сражаться насмерть, голодать, терзать себя в клочья, пить уксус, поедать крокодила... – Парафраз строк из трагедии У. Шекспира «Гамлет»: «Нет, покажи мне, что готов ты сделать: / Рыдать? Терзаться? Биться? Голодать? / Напиться уксусу? Съесть крокодила? Я тоже» (акт V, сцена 1, перев. М. Лозинского).

¹⁵ Рас чудесна ДЖО и благословите, Анания, Азария и Мисаил, Господа... – Ради усиления комического эффекта автор объединяет фразу из письма Пипа (Ч. Диккенс. «Большие надежды», гл. VII, перев. М. Лорие) и библейскую цитату (Дан. 3: 88).

чувства личной вины за происходившее в Ж.О.П.А. Директор и его продвинутые коллеги уж точно куда лучше Тайсона представляли себе и медицинские нужды этого мира, и способность животных терпеть страдания. В любом случае он, директор, отдавал здесь приказы. И платил жалованье. А если бы каждый из нас, прежде чем исполнять распоряжения начальства, еще задавался вопросами и взвешивал все за и против, имея в виду возможные неудобства для ближних, будь они двуногими или четвероногими, – мир остановился бы в самом прямом смысле слова. Ну а жизнь, как правильно говорят, и так слишком коротка...

Эта старинная мудрость была, как никогда, справедлива нынче вечером применительно к номеру четыре-два-семь, нечистокровному керну, которого Тайсон, заглянув в будку, обнаружил умершим. Четыреста двадцать седьмой был одним из трех псов, задействованных в серии экспериментов по заказу фирмы-производителя аэрозолей. Фирма пыталась разработать спрей, безвредный для собак, но губительный для вшей, блох и иных паразитов, прячущихся в шерсти. Несколько дней тому назад обнаружилось, что конкретная тестируемая формула, проходившая под кодовым названием «КГ 2», имела вредоносное свойство впитываться в кожу и сказываться на здоровье собак. Однако лаборатория фирмы, которой сообщили об этом факте, не спешила его принимать. Дирекция фирмы слишком боялась, что проницательные конкуренты опередят их и первыми выставят на рынок аналогичный продукт. Вот доктор Бойкотт и решил, что лучшим ответом на их расточительное (в смысле времени) упрямство будет продолжить применение аэрозоля вплоть до логического и предсказуемого завершения опытов. В соответствии с его указанием четыреста двадцать седьмого накануне в очередной раз опрыскали препаратом – и, как и следовало ожидать, сегодня твердолобые приверженцы формулы «КГ 2» оказались полностью и окончательно повержены. Пес же обрел свободу и – что, несомненно, было гораздо важнее – сберег драгоценное время сотрудников Ж.О.П.А., которые отныне могли переключиться на иные, более перспективные направления.

– Эх ты, бедолага, – пробормотал Тайсон, переправляя четыреста двадцать седьмого в холодильник, чтобы мистер Пауэлл завтра осмотрел тело и, может быть, отправил на вскрытие.

Сверток с едой вернулся в ведро неразвернутым. Придется Тайсону, прежде чем идти домой, нести его обратно на кормокухню, да еще и вычеркивать из бумаг... Очередная задержка!

Теперь, кажется, ему оставалось раздать всего лишь три упаковки еды. Рабочий день вплотную приблизился к реальному завершению – настолько, что Тайсон даже принялся насвистывать сквозь зубы «Наш старшина запаслив был», причем не вынимая изо рта трубки.

Эти три упаковки он намеренно отложил напоследок. Каждый был в ярко-желтой обертке, помеченной черепом и скрещенными костями. Это означало, что собачий рацион содержал либо яд, либо болезнетворную бактерию или вирус, потенциально опасный для человека. Тайсон аккуратно опорожнил пакеты один за другим в устроенные особым образом, неопрокидывающиеся миски, и собаки с жадностью набросились на еду. Старик же незамедлительно отнес обертки в кремационную печь и проследил за тем, чтобы они полностью сгорели. После чего вымыл руки со специальным обеззараживающим мылом...

...И заметил возле двери четвертый – хорошо хоть не желтый – пакет с кормом. На бумаге просматривался номер 732. Тайсон едва не упустил эту порцию из виду.

Смотритель вивария ощутил глухое раздражение. Оплошность была совсем незначительной. Тем не менее в данный момент он очень спешил – насколько это вообще было возможно при его темпераменте. Кроме того, семь-три-второй ему очень не нравился, так как уже несколько раз пытался напасть на него. Тайсон даже намекал начальству, что строптивца не мешало бы посадить внутри вольера на цепь. Однако работник центра, выслушав просьбу, тут же о ней забыл. Естественно – ему ведь не надо было входить в клетки к собакам, да еще и иметь дело с семьсот тридцать вторым. Поэтому кобель так и не попал на привязь.

– Вот проходимцы, цепи и той пожалели, – проворчал Тайсон, поняв, что его пожелание проигнорировали. – Скорее бы тебя уже утопили, что ли, черный ублюдок!

И с тех пор, заходя в клетку к семьсот тридцать второму, он обычно прихватывал с собой крепкую палку. Обычно – но не в этот раз; от того места, где он мыл руки под краном, идти за дубиной было далековато.

Развернув пакет, Тайсон положил его на ладонь, прошел вдоль клеток в самый дальний конец, приоткрыл дверцу вольера и попросту закинул содержимое внутрь.

В это время снаружи его окликнули:

– Эй, старина!

Тайсон приподнял голову:

– Да?

– Ты, что ли, просил до Конистона подбросить? А то я как раз уезжаю!

– Сейчас, сейчас... – Отвернувшись от вольера, Тайсон торопливо зашагал обратно мимо клеток, вытирая руки о штаны. – Я тут малость завозился, вишь ты, одна собачка возьми да и сдохни, туда-сюда, пока к холодильнику отволоч... Уже иду!

Постепенно человеческие голоса отдалились, и наконец их сменил шум мотора отъезжавшего автомобиля. Вернувшаяся тишина не была абсолютной – ее пронизывали шорохи, как звездный свет – тьму ночного неба. Вот в дубовой рощице, ярдах в пятистах от наружной стены, дважды прокричала сова. Вот звякнула сетка под тяжестью тела, привалившегося к стенке вольера, и неплотно натянутая проволока некоторое время продолжала вибрировать. Вот шевельнулась потревоженная солома, по бетону сточной канавки пробежала мышь, остановилась, высунулась, прислушалась, отправилась дальше.

Ветер успел отойти к западу, с Ирландского моря нанесло тучи, и по крыше едва слышно зашуршал мелкий дождик. Изможденный ретривер, так и не притронувшийся к еде, заскулил во сне и с трудом повернулся на другой бок.

Бдительный Надоеда, чья голова под клеенчатой «шапочкой» поворачивалась туда и сюда, отчетливо слышал и иные, менее внятные звуки. Журчание далекого ручейка, еле уловимый стук шишек, падавших с лиственницы, чьи-то осторожные шаги в зарослях папоротника, сонное шевеление птиц на древесных ветвях.

Спустя некоторое время сквозь фрамугу в восточной стене заглянула поднявшаяся луна. Сперва косые лучи снизу вверх освещали потолочные балки, затем, постепенно смещаясь, озарили ближние клетки. В одном из вольеров начала взлаивать и подвывать на луну эльзасская овчарка. Быть может, ей хотелось стать римской овчаркой¹⁶, пусть даже замарав лапы подкупом. Надоеда, которому теперь положительно не сиделось на месте, принялся бродить из стороны в сторону по клетке, чуткий и шустрый, точно форель в пруду. Нутряное чутье подсказывало ему: что-то не так. Произошло нечто вполне обыденное, но вместе с тем исполненное значения. Ткань повседневности разорвала некая мелочь, однако мелочь беспокоящая, словно моча чужака, оставленная у тебя на заборе.

Что же произошло?

Когда лунный свет достиг его клетки, терьер вскинулся на задние лапы, опираясь передними о сетку, что отделяла его от Рауфа. Вглядываясь и приносясь, он вдруг напрягся – и оставался в таком положении добрых полминуты. Однако ноздри, уши и глаза подтверждали: там ничто не изменилось, все было на месте. Разве только табачный запах, оставленный пальцами Тайсона на двери клетки Рауфа, едва заметно менялся, становясь то сильнее, то слабей, приближаясь и удаляясь. Затем слух терьера уловил почти неслышное – еле различимый,

¹⁶ В одном из вольеров начала взлаивать и подвывать на луну эльзасская овчарка. Быть может, ей хотелось стать римской овчаркой... – Эльзасская овчарка – так в годы Второй мировой войны в угоду антинемецким настроениям стали называть немецких овчарок; римская овчарка – английская порода пастушьих собак, восходит к сторожевым псам, сопровождавшим легионы Юлия Цезаря во время завоевания Британии (I–IV в. н. э.).

тоньше попискивания летучей мыши, скрип металлических петель, вращаемых сквозняком туда и обратно.

И наконец Надоеда сумел подметить движение. Легкое, как подергивание нити у паука в паутине.

Слабенький сквозняк едва ощутимо шевелил дверцу Рауфова вольера.

Надоеда опустил на все четыре лапы. Немного помедлил, напрягая обоняние и слух, ища признаки близкого присутствия человека за пределами вивария. Затем он принялся тереть неплотно прилежавшую сетку между вольерами и довольно быстро сумел приподнять ее настолько, чтобы просунуть в смежную клетку сперва мордочку, а потом и всю голову. Торчащие концы проволоки расцарапали терьеру плечи и спину, но он не обращал на это внимания, усердно расширяя дыру. И наконец его усилия увенчались успехом – он вылез в соседний вольер, отделавшись узкой ссадиной на крупе.

Оказавшись на той стороне, Надоеда тотчас побежал к будке:

– Рауф! Рауф, давай просыпайся! Человек-пахнувший-табаком оставил мою голову нараспашку. Я сейчас объясню...

Мгновением позже его снесло с ног – Рауф прыжком вылетел наружу и сразу бросился к дверце. Мощные челюсти рванули и сотрясли проволочную сетку, и небрежно задвинутый шпингалет (который Тайсон, отвлекшись на оклик приятеля, второпях не задвинул до конца) с лязгом выскочил из проушины. Рауф же шархнул прочь, тараща глаза, точно его разбудили посреди очень скверного сна.

– Что?.. – спросил он затем. – Человек-пахнувший-табаком?.. Или те, в белых халатах?.. Нет, только не они, ведь еще совсем темно, правда? Еще не время лезть в воду, нет, только не вода, я драться буду, правда, я их укушу, я их порву, я их... р-р-р-р... – Тут он замолчал и с удивлением оглянулся на Надоеду. – Эй, а ты-то здесь как оказался?

– Оказался... показался... сетку поддел, всего-то делов. А знаешь, через два участка от нас жила престарелая дама, так у нее в двери была специальная дверца для кошек. Захотят – войдут, захотят – выйдут, так и шастали днем и ночью. Но попробовали бы они заглянуть ко мне в садик, уж я-то их бы...

– Надоеда, у тебя кровь течет!

– Рауф, лунный свет, дверь... Я же тебе сказать шел – у меня в голове запиралка выскочила, и все нараспашку. А человек-пахнувший-табаком и не заметил. Ну как объяснить, чтобы ты понял? Дверь была как стена. А теперь она как одна сплошная дырка. Ой! Голова болит!..

Надоеда вдруг сел и принялся ожесточенно скрести «шапочку», но она была сделана крепко и не поддавалась когтям.

Рауф хмуро смотрел на него при свете луны, но помалкивал.

– Моя голова, – пробормотал наконец фокстерьер. – Человек-пахнувший-табаком поджег ее своими спичками. Чувствуешь, воняет паленым?

– Это когда же он?

– А все пока я спал. Белые халаты положили меня на стеклянный стол, и там я заснул... Мухи что-то разлетались сегодня, прямо удержу нет. Это из-за жары, даже в саду дышать нечем... Пойду-ка я спать. Но, Рауф, если вдруг появится грузовик...

Надоеда зевнул и улегся на пол.

Рауф, поднявшись, начал обнюхивать фокстерьера и лизать его мордочку. Удивительное дело, но Надоеде словно поднесли нюхательную соль – прикосновение и запах друга тотчас вернули пса к реальности.

– Сетка качается! – сказал он, резко вскидываясь и садясь. – Дверь, Рауф! Дверь! Вот зачем я к тебе пролез! У тебя в вольере дверь не закрыта!

Эльзасец прекратил выть. Некоторое время единственным звуком в виварии был редкий стук капель, срывающихся из водопроводного крана и падавших на выпуклый край перевернутого ведра под ним.

– Мы можем выйти в эту дверь, Рауф!

– А зачем?

– Рауф, но нам, может, удастся отсюда выбраться!

– Они все равно поймают нас и притащат обратно. Собаки должны слушаться людей. У меня никогда не было хозяина, но я все равно...

– Рауф, вспомни свои мучения! Все, что ты перенес!

– Все собаки рождаются на мучение. Этот мир вообще скверное место для животных.

– Рауф, мы им ничем не обязаны! Мы им ничего не должны! Они нам не хозяева!

– Но природа собаки... законы нашего племени...

– Дерьмо небесное, дай мне терпения! – рассердился Надоеда. – Меня уже обнюхивает псина с раскаленным докрасна носом! Грузовик, сюда едет грузовик!.. – Зашатавшись, пес свалился в солому, но тотчас поднялся. – Рауф, нам надо бежать! Нам обоим! Наружу! За дверь!

– Там, за дверью, нас может ждать еще что похуже, – пробормотал Рауф, вглядываясь в сумерки бетонного застенка.

Надоеда конвульсивно стискивал челюсти. Ему требовалось отчаянное усилие, чтобы заставить покалеченный разум соображать в заданном направлении.

– Рауф, вода! Железная вода, в которой тебя принуждают плавать! Ты можешь вообразить что-нибудь хуже? Раз за разом ты часами барахтаешься в этой воде, теряя последние силы... а кончится тем, что рано или поздно тебя просто утопят! Белые халаты, Рауф! Вспомни, ты же сам мне рассказывал! Белые халаты стоят у бортика и смотрят сверху вниз, наблюдая за твоими страданиями! Они не хозяева тебе, поверь, я-то уж знаю, ведь у меня был хозяин! Если мы удерем, как знать, может, мы сумеем отыскать себе хозяина... настоящего вожака стаи... Рауф, неужели даже попытаться не стоит?

Большой пес стоял в напряженной позе, не зная, на что решиться. Внезапно снаружи, со склона холма, долетел далекий, еле слышный плеск воды на камнях – это овечка из местного стада перебиралась через ручей. Рауф коротко рывкнул и резким толчком распахнул дверь. Надоеда выскочил следом, и вдвоем они тихо – только когти постукивали о бетон – пробежали вдоль ряда вольеров и оказались перед распашными дверями, замыкавшими собачье отделение вивария.

Надоеде понадобилось некоторое время, чтобы приноровиться к этим дверям. Они были легкими, без труда снимались с петель и представляли собой толстые асбестовые листы на деревянных рамах, выкрашенных белой краской. Проектируя виварий, лорд Плинлимон позаботился о том, чтобы обширное помещение без лишних хлопот разгораживалось на отсеки требуемого размера. Если уж на то пошло, здесь с минимальными усилиями можно было как угодно поменять положение не только дверей, но и самих внутренних стен. Правда, двери оказались оснащены довольно тугими возвратными пружинами и весьма чувствительно били идущего следом когда по коленке, а когда и по физиономии, если вечно спешившие сотрудники центра не удосуживались их придержать.

Когда Рауф в первый раз сунулся в эти двери, правая створка приоткрылась от толчка дюймов на шесть, но потом решительно встала на место, отбросив кобеля прочь. Загорчав, Рауф снова бросился в атаку, ударив сильнее и выше, чем прежде. Дверь опять поддалась, но стоило Рауфу просунуть голову в открывшийся проем, как упрямая створка захлопнулась и зажала его шею, точно в капкане. Кое-как он вырвался и хотел уже взять дверную раму на зуб, но Надоеда остановил приятеля:

– Рауф, она все равно не живая! Она... ну... как бы... в нее надо типа поскрестись, чтобы тебя пустили, только человека там нет.

– За ней сидит какая-то тварь и все время захлопывает створку! Тварь надо убить! Или прогнать! Вот только дай доберусь...

– Да погоди ты, погоди... Давай сначала принюхаемся!

И Надоеда прижал влажный пяточок к узкой вертикальной щели между створками. Тянувшийся оттуда сквозняк был, естественно, полон всяческих запахов. Фокстерьер уловил близкое присутствие птичьего пера, помета, зерна, отрубей... то есть ничего особо тревожного. Слух также доносил лишь сонные шорохи птиц, чуть слышно возившихся на насестах.

– Там никого нет, кроме птиц, Рауф, если только тварь напрочь не лишена запаха!

В это время у них за спиной послышалось тонкое, отрывистое гавканье. Надоеда обернулся и увидел обитателя ближайшего вольера, помесного пекинеса. Тот стоял в пятне лунного света, разбуженный шумом, и смотрел на двоих друзей с нескрываемым удивлением. Надоеда торопливо подбежал к сетке.

– Только не поднимай шум, Плоскомордый, – сказал он пекинесу. – А то как бы человек-пахнувший-табаком не вернулся!

– Что это вы делаете? – прижимая нос к решетке, спросил пекинес. – Как вы оказались снаружи? А что это такое у тебя на голове? Оно пахнет той штукой, которой белые халаты все смазывают...

– Это чтобы мороз не добрался, – ответил Надоеда. – Ты знаешь, из моей головы соорудили кормушку для птиц. Белые халаты каждое утро кладут туда хлеб, а потом смотрят, как его клюют птицы...

– А-а-а, вот оно что, – понимающе отозвался пекинес. – А как они делают, чтобы ты не вертелся?

– С помощью проволоочной сетки, – сказал Надоеда. – Честно говоря, мне даже нравится. И моему приятелю тоже нравится. Он работает кормушкой вместо меня, когда я устаю. Так и кормим птичек, то он, то я, то он, то я... Слушай, а как белые халаты ходят то туда, то сюда? Через двери, я имею в виду? Как у них получается?

Вид у пекинеса сделался озадаченный.

– Они сделали так, что мне получилось, – сказал он затем. – Сперва они сделали, чтобы мне поплохело, а потом – чтобы получилось. Знаешь, я и правда болел...

– Да я уж чую, – сказал Надоеда. – От тебя пахнет, как от собачьей подстилки, которую оставили под дождем. Слышишь, Плоскомордый, а человек-пахнувший-табаком тоже в эти двери проходит?

– Ну да, чтобы покормить птиц. Там сидит уйма птиц, я все время их чую. А когда дверь открывается, я могу их видеть...

– То туда, то сюда, – напомнил ему Надоеда. – Что он делает, чтобы пройти?

– Обычно он что-то несет в руках, поэтому он толкает створку плечом, а иногда и ногой и протискивается боком. Давай лучше я расскажу тебе, что со мной было, когда я болел! Перво-наперво белые халаты...

Но фокстерьер уже не слушал его. Вернувшись к двери, он аккуратно прижал влажный блестящий нос к вертикальной щели и надавил. Правая створка, у которой пружина была послабее, начала постепенно подаваться. Надоеда просунул в отверстие сперва морду, а потом и всю голову, принаравливаясь к давлению створок. Как только его голова оказалась на той стороне, он переменял положение тела и стал налегать плечом и боком на створку.

– Давай за мной, Рауф! Не отставай! Видишь, в этом заборе доска неплотно прибита? Не надо прыгать на нее со всей дури, надо потихоньку давить! Ух ты, какая туча мух! Да это и не мухи вовсе, а пичуги...

Он постепенно целиком протиснулся наружу. Рауф следовал за ним, буквально уткнувшись носом в хвост, и дверь пропустила их, чтобы затем вернуться на место. Привычные запахи собачьей шерсти, соломы и мясной пищи тотчас сменились совершенно иными.

Примерно так чувствуют себя пассажиры скоростного авиалайнера, прибывшего из северной страны куда-нибудь в тропики. Открывается люк, и все наваливается одновременно – чужое солнце, незнакомый воздух, непривычное окружение...

Здесь и в самом деле было полным-полно птиц. Отовсюду исходил легкий острый запах помета, и, конечно же, из темноты доносились голоса, звучавшие гораздо быстрее и тише собачьих речей. Вот завозился в клетке голубь, вытянул крыло, сонно проворковал: «Руу-руу-руу-тук!» – и снова замолк. Судя по всему, пернатых здесь было неисчислимое множество. Звуки и запахи создавали у обоих псов впечатление леса, в котором каждый лист был голубем – ветвь за ветвью, сколько можно разобрать впотьмах. Только поскрипывали тут и там провололочные сучья этого леса да иногда падало зернышко из кормушки, легкое, словно сосновая иголка или буковая шишечка, слетающая на травяной покров.

Сами того не зная, собаки вторглись на территорию одного из наиболее важных и амбициозных проектов Ж.О.П.А., которому уделялось исключительное внимание. Здесь, на этой голубятне, пытались наконец-таки установить, каким образом работает у сизарей знаменитый инстинкт, приводящий их к дому. Воистину новаторский эксперимент – ведь сами птицы от века пользовались этой своей способностью, нимало не задумываясь о ее механизме. Опыты разработал и со всей тщательностью проводил мистер Лаббок, друг и соратник доктора Бойкотта. Размах впечатлял: разделенные на группы и подгруппы, здесь обитали многие сотни птиц. Так сказать, отдельные кораллы в составе великого рифа познания, воздвигаемого мисте-ром Лаббокком ради блага, просвещения и прогресса человеческой расы (за точность формулировки не ручаюсь, но смысл ясен). Птиц выпускали на том или ином расстоянии от голубятни, причем один глаз, а то и оба заклеивали специальной нашлепкой. Некоторых оснастили малюсенькими контактными линзами для искажения зрительного восприятия. У других перед полетом была нарушена или вовсе уничтожена чувствительность перьев, лапок, клювов, глоток и легких. Третьих определенным образом выдерживали, с тем чтобы обычные погодные условия сбивали их с толку. Так, в клетке номер девятнадцать круглые сутки моросил дождь. В клетке номер три, отделенной от остального помещения светонепроницаемым колпаком, ни на мгновение не меркнул «солнечный» свет, а в клетке номер одиннадцать, наоборот, царила постоянная тьма. В клетке номер восемь источник света, имитировавший солнце, двигался против часовой стрелки. В двадцать восьмой клетке поддерживался аномально жаркий искусственный климат, в шестнадцатой «А» (названной так во избежание путаницы с изначальной шестнадцатой, все обитатели которой однажды ночью замерзли) климат был аномально холодным. В тридцать второй днем и ночью тянул, не меняя направления, легкий ветерок... Птицы, рождавшиеся в этих клетках, никогда не знали иных условий обитания – до того момента, когда им предстояло быть выпущенными в полет и затем вернуться домой. В клетке номер девять имелся особый потолок, имитировавший ночное небо, вот только созвездия на нем были намеренно перепутаны. А в самом конце птичника находился ряд одноместных клеток, где сидели голуби со специальными магнитными устройствами на головах. Ну и наконец, здесь можно было найти птиц, которых искусственно лишили слуха, оставив в неприкосновенности другие органы чувств. Все ради науки!

Эксперименты оказались в высшей степени плодотворны. Одни птицы благополучно возвращались домой, другие – нет. Многие пернатые, повинуясь искаженному восприятию, улетели прямо в море и мчались над волнами, пока не ослабели и не погибли в воде. Несомненно, это были очень интересные факты, которые наводили исследователей на весьма нетривиальные выводы. Во-первых, птицы, подвергшиеся тому или иному воздействию, при возвращении домой выказали меньше сметливости и проворства, нежели те, над которыми опыты не про-

водились. Во-вторых, в каждой группе и подгруппе кто-то успешно прилетал в голубятню, а кто-то пропадал без вести, предположительно погибая. Полгода назад мистер Лаббок принял участие в телепередаче, посвященной проекту. Он рассказал об общем замысле экспериментаторов и о системе, по которой они «отключали» у птиц те или иные природные способности. С тех пор появились очевидные свидетельства в пользу теории, гласившей, что птицы обладают инстинктом, не вполне объяснимым в терминах современной науки. В Лоусон-парке эта теория получила шутивное прозвище ШИЗ-версии – по первым буквам слов Тайсона, заявившего однажды мистеру Лаббоку: «А шут их знает, как у них это получается!»

Надоеда и Рауф опасливо пробирались между птичьими клетками, в любой момент ожидая напоротья в этом странном месте на какого-нибудь врага. Например, на одного из белых халатов – из тех, что ходили быстрым шагом, целеустремленно постукивая каблуками. Вдруг такой человек неожиданно распахнет дверь, поднимет к стене пахнущую мылом руку – и сотворит жест, после которого повсюду загорается свет?! Однако все было тихо, и двое друзей осторожно крались вперед, бок о бок продвигаясь к дальнему концу голубятни.

Здесь им преградили путь такие же распашные двери, что и на входе в отсек. Надоеда уже привычно просунул нос в створки, и Рауф молча и беспрекословно последовал за ним.

Они оказались в помещении, очень похожем на предыдущее. Во всяком случае, стены здесь были сделаны из тех же самых материалов. Но вот что касается звуков и запахов... перемена была поразительной – примерно так же удивились бы люди, если бы свет ламп из привычного желто-оранжевого стал зеленоватым. Обоих собак сразу охватило охотничье возбуждение, и пасти мгновенно наполнились слюной. Псы затряслись и заскулили, царапая когтями пол, а Рауф даже прыгнул вперед и дважды коротко гавкнул.

Повсюду в этом помещении были крысы! Мириады крыс, которые то сидели смирно, то бегали взад-вперед внутри бесчисленных клеток. Запах подсказывал, что где-то здесь лежат и дохлые зверьки. Еще он говорил о каких-то странных крысах, большинство которых находилось в отдаленном углу. Это был черный запах, тяжелый и жуткий. Тлетворные и смертоносные токи сочились сквозь слабый запах здоровых крыс, да так, что кровь стыла в жилах и шерсть порывалась встать дыбом. Даже Рауфа проняло. Он тотчас перестал лаять и, охваченный ужасом, вернулся к Надоеде, который, насторожив уши и склонив голову, стоял в тени под металлическим столом.

Они не знали, что их занесло в тот отдел вивария, где исследовали рак. У здешних крыс так или иначе вызывали злокачественные новообразования, после чего давали им разнообразные паллиативные средства¹⁷ и препараты. Умерших зверьков отправляли на вскрытие, дабы изучить действие медикаментов. Всего здесь насчитывалось шестьдесят две клетки и еще одна большего размера, где располагалась контрольная группа, она же – рассадник здоровых крыс, которых по мере необходимости забирали отсюда ради того или иного эксперимента.

В различных клетках можно было наблюдать все мыслимые формы рака, поражавшего ухо, нос, горло, внутренности; опухоли от доброкачественных или почти доброкачественных до самых что ни на есть смертоносных; всевозможные саркомы, разраставшиеся, подобно морским анемонам, в сокровенных полостях тела. Такой вот зловещий, пропитанный скрытой смертью питомник, посреди которого стояли сейчас два озадаченных пса. Крысы безостановочно сновали по клеткам, лишь мертвые тела – урожай завершеного дня – неподвижно лежали на стеклянном столе, распластанные прозекторскими ножами, выставив на обозрение опухоли – белые, бугристые, сморщенные, похожие на ядра орехов с ободранной скорлупой...

В одном из углов помещения виднелась выгородка, наподобие отдельной палаты в больнице. На запертой двери висела табличка, гласившая: «Доктор У. Гуднер. Без особого допуска НЕ ВХОДИТЬ!» Здесь тоже сидели крысы – черные норвежские крысы. Естественно, у них

¹⁷ Паллиативные средства – медикаменты, снимающие симптомы, но не излечивающие болезнь.

не было никакого «особого допуска»; в Лоусон-парке, как, впрочем, и решительно повсюду, допуск считали исключительной привилегией человеческих особей (что подтверждалось не только всевозможными должностными инструкциями, но и даже – только не смейтесь – некоторыми молитвами и гимнами, в частности: «Все служащие, как семья, предстаньте Господу с хвалой»¹⁸).

Проект, которым занимались в отгороженном помещении, был строго секретным. Доктор Гуднер никогда и ни с кем не обсуждал его – разве что с директором. Впрочем, непричастные к проекту сотрудники Ж.О.П.А., в том числе мистер Пауэлл, предполагали, что заказчиками (как водится при подобной работе) являлись военные.

Рауф помедлил возле запертой двери, пригнувшись к щели внизу и напряженно прислушиваясь.

– Там что-то не так, но вот что? – спросил он наконец. – Что это за запах?

– Листья гниют... – пробормотал Надоеда. Из-под двери тянуло чем-то неисповедимо ужасным. – Они облетают по осени, ты же знаешь... И забивают сточные канавы. Там заводятся личинки и вылупляются мухи. Личинки и мухи, личинки и мухи... Есть хочешь?

– Нет пока.

– Тогда пошли. Мы все-таки выбраться отсюда хотим. Если мы сумеем влезть туда и съедим то, что так пахнет, к рассвету нам будет уже ни до чего, и человек-пахнувший-табаком найдет нас здесь совершенно беспомощными, если не хуже. Там, внутри, обитает какая-то жуткая болезнь. О ней и говорит запах. Хватит нюхать, пошли, а то у тебя нос отвалится! Где новый возьмешь?

И Надоеда, повернувшись, первым побежал в дальний конец крысиного питомника и взял штурмом очередную дверь.

Дальнейшие странствия по исследовательскому центру слились для двоих друзей в бесвязную мешанину из запахов формалина и медицинского спирта, меха, перьев и волос; краски, стекла и дезинфектантов; соломы, сена и ваты; всяческих выделений; карболки и ржавчины, засохшей крови и влажной слизи; пыли, пота и сточных вод; негромких быстрых тревожных вскриков неведомого зверья и одышливого, трудного дыхания в темноте. Они забрели в отсек мелких птиц, где на воробьях и зябликах изучались болезни, поражающие птиц при содержании в клетках, а также воздействие на них различных препаратов, которыми перед посевом обрабатывают семенное зерно. Обитавшие здесь воробьи обошлись Ж.О.П.А. куда дороже, чем по два ассария за пяток¹⁹, – естественно, большую часть наценки к себестоимости составили накладные расходы. Участью воробьев повелевал особый промысел, правда осталось неизвестным, случилось это по воле Отца вашего, моего и доктора Бойкотта (тот, однако же, Его не признавал, хотя Отец Небесный един для всех нас, любезный читатель) или без оной.

Псы быстро проскочили небольшое отделение, где содержались носухи и мангусты. Там пахло буйными тропиками и представителями семейств енотовых и виверровых, которые не слишком боялись змеиного яда. Эту их особенность исследовал мистер Пауэлл, делавший зверькам ежедневные инъекции различной степени ядовитости. Потом Рауф и Надоеда попали в отдел, где разрабатывались тесты на беременность. Здесь моча молодых женщин вприскивалась мышам, чтобы те (разумеется, молодые женщины, а не мыши) могли по реакции подопытных зверьков чуточку раньше понять, что не проявили должной осмотрительности и «залетели». Понятно, что в Ж.О.П.А. не собирались дублировать деятельность женской консультации, но директор исследовательского центра был, помимо прочего, медиком с ученой

¹⁸ ... «Все служащие, как семья, предстаньте Господу с хвалой»... – Пародия на известный англиканский гимн «Воскликни Богу, вся земля», стихотворное переложение псалма 88 (перев. Д. Ясько).

¹⁹ ... воробьи обошлись Ж.О.П.А. куда дороже, чем по два ассария за пяток... – Парафраз и компиляция двух евангельских цитат: «Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога» (Лк. 12: 6) и «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего» (Мф. 10: 29).

степенью, питавшим специфический интерес к проблемам гинекологии. Поэтому он с готовностью занялся испытанием новых, более быстрых методов раннего определения беременности, не предполагавших использования животных. И конечно, для этих исследований тут же понадобилась контрольная группа мышей, дабы действенность новых методов можно было сравнить с эффективностью старых.

В этом отделении Рауфу не повезло. Снедаемый нетерпением, он чувствовал себя не в своей тарелке и потому двигался неуклюже. Он перевернул небольшой столик, на котором стоял целый ящик с мышами: каждый зверек в отдельной секции со стеклянной дверцей. Эти дверцы сразу разбились, и те мыши, что еще не успели сдохнуть, тотчас разбежались по столам. Некоторые из них сумели проникнуть в сточные желоба и покинуть здание центра.

Рауф еще обнюхивал стеклянные осколки, усеявшие пол, когда Надоеда снова принялся его торопить.

– Оставь, старина, – сказал маленький терьер. – Пусть утекают. Пол здесь стал острым, смотри, нос себе раскровянишь. Давай лучше помоги мне следующую дверь толкнуть, а то я что-то устал!

Очередная дверь привела их в отделение, где исследовались различные способы доставки животных в багажных отсеках авиалайнеров. Эти опыты сообщая заказали центру несколько авиаперевозчиков, которые нуждались в оправданиях на случай гибели транспортируемых животных – например, мелких обезьянок, лемурув-лори и мадагаскарских руконожек, схваченных в Африке и предназначенных... нет, не для рабского труда на плантациях Каролины, а для прозябания за решетками зоопарков. Этим созданий, сотворенных Господом, затворяли в ящики-переноски, где редкие зверьки жестоко страдали от скученности, или испуга, или жажды, или недостатка ухода – а зачастую от всех четырех факторов разом. Понятно, что разработка удобных и гуманных переносок никакой технической сложности не представляла, вопрос заключался только в цене и в том, чтобы во время самого перелета обеспечить четвероногим невольникам компетентный присмотр (это тоже стоило денег). Учитывая общий недостаток знаний, внимания и добросовестности у персонала авиалиний, требовалось точно знать, какие именно неудобства то или иное животное может вынести. Будущих обитателей зверинцев проверяли на устойчивость к стрессам от неожиданных падений и столкновений коробок, от выхлопных газов и шума работающих двигателей, от тревожных запахов табака и человеческого пота. Контрольные группы животных подвергались этим воздействиям в течение различных периодов времени, и доктор Бойкотт тщательно фиксировал показатели. Всего лишь три месяца опытов позволили ему достигнуть впечатляющих результатов, а именно: главными факторами, которые приводили к массовой гибели мелких млекопитающих, перевозимых воздушным транспортом, являлись скученность, грубое обращение и длительная жажда.

Далее Рауф и Надоеда угодили в крольчатник. Здесь люди в белых халатах вели разработку особого корма, чем-то напоминавшего крысиный яд, чтобы кролики, не подверженные слизистой дистрофии, охотно поедали его – и немедленно гибли. Здесь тоже все упиралось в цену продукта. Уже был успешно испытан корм, охотно потребляемый кроликами и достаточно едкий, чтобы в течение суток разрушить внутренности с последующим летальным исходом. Увы, массовое производство этого вещества оказалось нерентабельным. Еще одну разновидность прикормки доктор Бойкотт недавно демонстрировал перед телекамерами. Она была достаточно дешева и к тому же безопасна для человека. В той телепередаче доктор Бойкотт сделал инъекцию сперва своему коллеге, затем кролику. Две минуты спустя кролик в конвульсиях умер на глазах у тысяч заинтересованных зрителей, тогда как ученый продолжал стоять на ногах и улыбаться. Проблема заключалась в том, что никак не получалось придать этой отраве вкус, который был бы привлекательным для животных. Соответственно, пока вещество удавалось вводить кроликам только путем уколов.

Поэтому доктор Бойкотт возлагал большие надежды на другой препарат, лишавший кроликов возможности размножаться. Именно его сейчас в основном и испытывали, вводя в различных дозах и концентрациях как самкам, так и самцам.

Рауф попытался было вломиться в одну из клеток крольчатника. Вскинувшись на задние лапы, он уперся передними в сетку, но оставил свое занятие после того, как сидевший внутри кролик взмолился, чтобы ему дали умереть спокойно. Рауф уважил просьбу зверька и присоединился к Надоеде, который обшаривал периметр отсека в поисках какого-нибудь выхода, не перекрытого распашными дверями. Ничего подходящего не обнаружилось, и собакам пришлось протиснуться в следующий круг ада.

За дверьми оказалось отделение, где размещались кошки. Здесь практически отсутствовали шум и движение, поскольку на всех кошках были плотные колпачки, прикрывавшие глаза и уши. Опыты проводились с целью изучить последствия постоянного содержания в таких колпачках.

Внимание Рауфа привлек одинокий голосок, без конца повторявший: «Ой, да как же это, ой, да как же это, ой, да как же это...» – причем интонация не свидетельствовала о страдании, а лишь выдавала беспокойство. Рауф собрался доподлинно выяснить, кто это там бормочет. Надоеде пришлось ждать, пока приятель удовлетворит свое любопытство, и лишь после этого они продолжили путь.

В какой-то момент они увидели аквариумы. Сидевшие там осьминоги (подвергшиеся нейрохирургическому вмешательству и избежавшие оногo) получали электрический удар, если пробовали взять предложенную им пищу. Таким образом в Ж.О.П.А. изучали способность головоногих обучаться, запоминая предыдущий удар, дабы избегать последующего. Сейчас электроды были выключены, аквариумы затемнены, а их обитатели то ли пребывали в ступоре, то ли попросту спали. Тем не менее где-то что-то негромко журчало, булькало и плескалось. Звуки воды быстро привели Рауфа на грань истерики, и, пока Надоеда пытался отыскать доступное и незапертое окошко, черный пес, не мудрствуя лукаво, первым толкнул следующие двери.

Друзья оказались в окружении множества морских свинок всех разновидностей и мастей. Рыжие, черные, белые, черные с белым, рыжие с черным, длинношерстные, короткошерстные, с умильными мордочками и не очень, они содержались здесь в качестве резерва для каких-нибудь опытов. У некоторых было ампутировано по одной лапке, а у иных и больше. Таким образом было подтверждено отсутствие у морских свинок способности к адаптации – зверьки не меняли характера своих движений, продолжая вести так, словно им по-прежнему исправно служили все четыре лапки.

Здесь Надоеда, по обыкновению живо обшарив всю комнату, наконец-то остановился в самом дальнем углу и жадно припал носом к щели под дверью. Оказалось, что это не очередная распашная дверь. Это была самая обычная тяжелая дверь, выкрашенная в зеленый цвет, плотно закрытая и надежно запертая, прочнее аравийских деревьев²⁰.

– Чую дождь, – объявил Надоеда. – Влажную грязь, листья в сточной канаве... Понюхай, Рауф!

Тот немедленно опустил нос. Какое-то время оба сосредоточенно внюхивались в запах дождя, деловито моросившего снаружи. Рауф попробовал сдвинуть дверь, но та не поддавалась.

– Не получится, – сказал Надоеда. – Это дверь почтальона. Паренька, который приносит газеты... Не бери в голову, – добавил он, поскольку Рауф молчал, явно не понимая, о чем речь. – Мы вычистили миску до последнего кусочка, вот и все.

– В смысле, нет выхода? А как насчет подраться с этим, как его... почтальоном?

²⁰ ...прочнее аравийских деревьев. – Отсылка к цитате из трагедии У. Шекспира «Отелло»: «...в жизни слез не ведав, // Он льет их, как целебную смолу // Роняют аравийские деревья (акт V, сцена 2, перев. Б. Пастернака).

– Когда ты загоняешь кошку на дерево, она лезет вверх, пока ветки не начинают гнуться. А потом что? Только повиснуть на облачке и думать, как быть дальше. Давай, а я рядом повисну... – Словно в поисках уверенности, Надоеда задрал лапу у двери, побрызгал немного, потом уселся, ежась на сыром сквозняке; снаружи сквозь щель проникали тонкие струйки тумана. – Холодно, – пожаловался он. – У меня лапки мерзнут.

– Горит, – сказал вдруг Рауф.

– Что?

– Там что-то горит. Золой пахнет. Пошли, там должно быть теплее.

И в самом деле, откуда-то явственно тянуло жаром. Не сильно, но вполне ощутимо. Тепло шло с противоположной стороны отсека, из-за клеток с морскими свинками, наставленных посередине. Повернув голову туда, куда смотрел Рауф, Надоеда не только учуял угли и золу, но и увидел в скудном свете порхающие пылинки. Их несло вверх воздушным потоком, который был явно теплее воздуха в комнате. Вслед за Рауфом терьер обошел нагромождение клеток и увидел, что большой пес уже обнюхивает квадратную железную дверцу, вставленную в кирпичную кладку и выступавшую из стены над самой его головой. Дверца была слегка приоткрыта. Запрокинув голову, Надоеда смог рассмотреть уходившие вверх стены довольно обширной железной пещеры. О ее размерах можно было судить по теплomu сквозняку, увлекавшему частицы золы, и по легкому звяканью и потрескиванию, гулко отдававшимся от металлических стен.

– Что это такое? – спросил Рауф. Шерсть у него стояла дыбом, словно он собирался сражаться.

– Это не животное, так что можешь спрятать клыки, – сказал Надоеда. – Просто какая-то дверца... Не откроешь ее пошире?

Рауф хотел привычно толкнуть створку, но Надоеда остановил его:

– Нет, так ты ее только захлопнешь. Нужно сунуть туда нос или лапу... Дай покажу!

Поднявшись на задние лапы, он положил передние на выступавшую часть кладки, просунул мордочку в щель и резко повернул вбок, отодвигая железную створку. Правда, что-то заставило его тотчас отпрянуть и ошестиниться почти так же, как Рауф несколько мгновений назад. Оба пса прижались к полу у ближнего ряда клеток, напряженно глядя в открывшийся проем.

– Что это такое? – повторил Рауф. – Там что-то горело. Что-то мертвое... кости... шерсть... смерть...

– Твари, – сказал Надоеда. – Какие-то твари. Те же, что в клетках, только мертвые и сгоревшие. Запах тот же самый, просто горелый. Наверно, это белые халаты кого-то сожгли. Ну да, так и есть, – добавил он, подумав. – Со мной тоже так было. Они сожгли мою голову. И человек-пахнувший-табаком все время жжет ту штуку, которую держит во рту. А здесь они просто сжигают животных...

– Зачем?

– Не говори глупостей. – Надоеда медленно приблизился к раскрытой дверце. – Смотри-ка, там еще тепло. Вот ведь как. Мертвые твари – но не холодные. Горячие кости, горячие кости... Сунуть, что ли, туда голову? – И он снова поднялся на задние лапки, заглядывая в квадратное устье железной пещеры.

Потом у него неожиданно вырвался взвизг возбуждения.

– Свежий воздух! – воскликнул Надоеда. – Овцы! Дождь! Запах пробивается сквозь пепел! Точно тебе говорю!

Железный, обложенный кирпичами дымоход проходил под углом сквозь стену здания, присоединяясь к расположенной снаружи небольшой печи, сходной с теми, которыми обогревают теплицы. В ней сжигали всякий мусор, вроде использованных хирургических повязок, грязной соломы и подстилок из клеток. Сюда же отправляли трупы морских свинок и

иных животных, размеры которых позволяли избавляться от них подобным образом. В тот конкретный вечер печь полыхала жарко и весело. Помимо прочего, огонь поглотил искалеченные останки примерно двадцати морских свинок, отслуживших свое на благо науки, а также двух котят и одного мангуста. Сегодня печкой занимался Том, молодой парень, помогавший Тайсону управляться с виварием. Ему было велено вычистить топку к пяти часам, но Том знал, что Тайсону не терпится уйти домой и вряд ли он станет проверять, насколько тщательно все сделано. Поэтому парень всего лишь наскоро пошуровал внутри кочергой, перемешав угли, недогоревшие кости, солому и шерсть, и решил отложить основательную чистку на утро понедельника. Кроме того, Тайсон не дал ему прямого указания перекрыть и дверцу печи, и выюшку дымохода, расположенную в двенадцатом блоке, – а Том определенно не относился к числу людей, склонных делать подобные умозаключения самостоятельно. Да и куда уж ему было думать о выюшках – его мысли всецело занимали шансы «Манчестер юнайтед» на победу в ближайшей игре и характеристики новинок фирмы «Ямаха», не говоря уже о прелестях некой мисс Наны Мускури²¹.

В итоге после ухода Тома огонь в печи ненадолго ожил на сквозняке, заполнив отсек с морскими свинками легким дымком и запахом горелых костей. Потом все погасло, с наступлением темноты печь постепенно остыла, и только сквозняк по-прежнему перебирал тихонько шуршавшие угольки.

– Свежий воздух, – снова пробормотал Надоеда. – Запах желтоватый такой... Колючки, пчелы... очень слабый... А еще где-то там – мокрые рододендроны. Представляешь, Рауф, рододендроны...

– Чего-чего?

– Утесник. Желтый. Мы могли бы свалиться туда! Мы могли бы! Могли!..

Надоеда широко раскрыл пасть, показывая зубы, тронутые у десен бурым налетом, – зубы собаки, выздоровевшей после чумки. Он принялся карабкаться в топку, цепляясь передними лапами за край, и повис было, но потом свалился обратно на бетонный пол.

Рауф молча наблюдал за приятелем.

– Там горячо? – спросил он затем.

– Не горячее, чем у мамки под брюхом, когда ты был щенком и лежал с ней в корзинке. Помнишь? Я помню. Только вот до соска никак не добраться...

– То есть влезть не можешь?

– Рододендроны, понимаешь?! Там! Снаружи! Оттуда входит запах, значит собака может выбраться...

Рауф задумался.

– Запахи, – сказал он, – иногда проникают в крохотные щели. Ну, как мыши. Собакам туда не пролезть. Что, если там всего лишь щелка? Узкая трещина? Ты застрянешь в ней и умрешь. Даже обратно не выберешься.

– Ты, бродяга блохастый! – рассвирепел Надоеда. – Это тебе не за сучками по переулкам ухлестывать! С чего ты взял, будто я наобум туда лезу? Стоит всунуть голову, и там ветер чувствуется! Широкий, шире твоей задницы! И дождем пахнет! – Надоеда снова рванулся вверх и свалился, мокрая мордочка поседела от прилипшей золы. – Горите, косточки, горите! И моя голова с вами...

Он сел и принялся вытирать лапой нос.

Рауф, будучи гораздо крупнее, легко закинул передние лапы на край печного устья и заглянул внутрь. Некоторое время он стоял неподвижно, вглядываясь и вслушиваясь. Потом, так ничего и не сказав, полез в топку. Задние лапы оторвались от пола и, дергаясь в воздухе,

²¹ *Нана Мускури* (р. 1934) – известная греческая эстрадная певица, пик всемирной популярности которой пришелся на 1960–1970 гг.

начали царапать когтями кирпичи в поисках опоры. Рауф подтягивался буквально дюйм за дюймом, передние лапы скользили по гладкому металлу. В какой-то момент его кобелиное достоинство зацепилось за порожек топки. Почувствовав боль, Рауф извернулся боком и одновременно попал задней лапой на выступающую петлю дверцы. Используя подвернувшуюся точку опоры, Рауф сделал еще одно усилие и стал медленно исчезать из поля зрения Надоеды. Последними скрылись задние лапы и хвост между ними.

Маленький фокстерьер вне себя метался туда и сюда перед печью. Он совершил еще несколько прыжков, пытаясь последовать за Рауфом, но наконец сдался и лег на пол, высунув язык и тяжело дыша.

– Рауф?

Из темного тоннеля не донеслось ни звука в ответ.

Поднявшись, Надоеда медленно попятился от зияющей дверцы, словно пытался рассмотреть происходившее внутри:

– Рауф!

Ответа по-прежнему не было. Не удавалось и заглянуть за порог.

– А кто сахарку хочет?! – громко пролаял вдруг Надоеда.

Стремительно разбежался – и прыгнул вверх и вперед, прямо в отверстие, как цирковая собачка сквозь обруч. Задние лапы больно ударились о металлический край, и фокстерьер взвизгнул от боли. Однако тело его почти целиком оказалось внутри. Повиснув, Надоеда принялся извиваться, почти как Рауф, но, будучи намного меньше, с легкостью подтянул заднюю часть. Несколько мгновений он неподвижно лежал в золе, силясь отдышаться и дожидаясь, когда утихнет боль в лапах. Потом поднял голову и принялся.

Сквозняка больше не чувствовалось – мохнатое тело Рауфа впереди перекрывало дымоход. И пахло только Рауфом и железной водой, в которой белые халаты заставляли его плавать. Надоеда ощутил страх. В тоннеле было не развернуться, Рауф явно не слышал его... И, что хуже всего, тело Рауфа, кажется, не шевелилось.

Надоеда пополз вперед. Когда его морда уткнулась в задние лапы приятеля, он заметил, что Рауф все-таки двигается, хотя и мучительно медленно – медленнее, чем улитка по мокрому гравии! Фокстерьер обонял мочу Рауфа, растекающуюся по железному полу тоннеля. От нее так и разило страхом. Надоеду затрясло, он беспомощно заскулил, лежа на брюхе в тесной, темной дыре, усыпанной тонким порошком пепла...

Тоннель был до того узким, что, когда фокстерьер попробовал встать, его круп уперся в потолок и лапы выпрямить не удалось. Удержаться в подобном положении тоже не получилось, и Надоеда почти сразу завалился вперед, врезавшись головой в мохнатое охвостье приятеля. Когда они столкнулись, терьер вдруг ощутил, что тело Рауфа подалось и сдвинулось. Совсем чуть-чуть, на длину зуба или коготка, но все-таки сдвинулось! Надоеда принялся отчаянно бодать лбом пушистый зад друга, с каждым ударом слегка пропихивая тяжелое туловище вперед...

При этом Надоеда понятия не имел, удастся ли Рауфу достичь дальнего конца трубы и тем более выскользнуть из него на свободу. Он понимал только, что большой пес еще жив. Тычась мордой, он при каждом толчке чувствовал биение его пульса и осязал судорожное напряжение мышц. Этого ему было довольно.

Он не считал времени и не знал, как долго продолжались его беспорядочные толчки и тычки. Воздух в тоннеле, где больше не было сквозняка, скоро стал зловонным и спертым, пар от дыхания Надоеды оседал на железных стенах каплями влаги. Может быть, спрашивал он себя, там, снаружи, уже и день наступил?..

Преодоленный ими отрезок трубы медленно увеличивался, но никаких признаков того, что Рауф близок к выходу, по-прежнему не наблюдалось. Но как раз когда Надоеда полностью выдохся и даже его терьерского упрямства было уже недостаточно для дальнейших усилий,

круп Рауфа вдруг заскользил вперед, мягко и гладко, точно кашка в хорошо работающем заднем проходе... и скрылся из виду.

Первым делом Надоеда с наслаждением набрал полную грудь чистого воздуха. И только потом увидел перед собой пустой квадрат темноты, расчерченной дождевыми каплями, от которого веяло восхитительной свежестью. Это была дверца по ту сторону стены, открывавшаяся в зольник. Надоеда перевалился через край и с высоты примерно двух футов свалился в целый сугроб мягкого пепла, в котором таились крохотные, острые осколки костей. Под пеплом обнаружилась толстая железная решетка. Это была внешняя топка печи.

Надоеда кое-как поднялся и начал принюхиваться. Место, где они оказались, было не больше собачьей будки: лежа бок о бок, две собаки занимали весь пол. Их падение подняло целую тучу пыли, но воздух здесь все равно показался Надоеде куда лучше того, которым приходилось дышать все последние дни. Прохладный ветерок, кружившийся между стенами, нес множество запахов, среди которых были и совсем незнакомые. Сквозняк тянул снизу, обдувая Надоеда живот. Это удивительным образом ободряло его и вселяло надежду. После мученических усилий в тесном тоннеле живительное дуновение приносило такое блаженство, что пес закрыл глаза, свесил язык и перекатился на бок, наслаждаясь чудесным прикосновением ветерка.

В действительности наружный мусоросжигатель открывался на все четыре стороны. Внизу, под решеткой, располагалось поддувало; шедший через него поток воздуха регулировался железной заслонкой, определяя силу огня. Растяпа Том оставил заслонку полуоткрытой, так что влагу дождливой ночи ровным потоком затягивало сквозь поддувало в топку, а из нее – в дымоход над собачьими головами. А поскольку Том и главную дверцу печи бросил абы как, воздушный поток перетекал по восходящему ходу через вспомогательную камеру сжигателя прямо в отсек с морскими свинками.

Печь успела остыть примерно до температуры живого тела, поэтому отдыхать в ней для двух измученных псов было сущим блаженством.

Однако спустя некоторое время Надоеда приподнял голову и толкнул мордой мохнатую неподвижную спину приятеля:

– Рауф, старина! Ты как там, не ушибся?

– Страху натерпелся пуще некуда, а так ничего, – ответил большой пес. – Уже думал, так там и останусь. Устал жутко. Спать хочу...

Надоеда учуял длинную кровавую царапину на боку Рауфа. Он дотянулся и вылизал ее, ощутив во рту привкус железа и горелого праха морских свинок со стен дымохода. Дыхание Рауфа постепенно стало размеренным и спокойным. Фокстерьер чувствовал, как под его языком расслабляются напряженные мышцы приятеля. Скоро и его самого одолела сонливость, навеянная теплом и облегчением оттого, что миновала опасность. Перестав лизать, он уронил голову и вытянул лапы, упершись ими в еще теплую боковину печи. Через несколько мгновений его сморил крепкий сон.

Часа три, не меньше, мохнатые беглецы отсыпались в мусоросжигателе, восстанавливая физические, а главное – душевные силы, отнятые решительным побегом из вивария и ужасом путешествия по тесному дымоходу. Дождь снаружи меж тем усиливался, тучи опустились совсем низко и легли на самые вершины холмов. Луна пропала из виду, и почти непроглядная тьма укрыла бескрайние пространства мшистых камней, папоротника, черничников и торфяных болот, окруженных рябинами, – пейзаж, очень мало изменившийся со времен завоевательных вылазок скоттов, чьи войска некогда прошагали к разгрому и гибели в битвах при Флоддене и Солуэй-Моссе, в сражениях у Престона, Вустера и Дерби²². Места здесь были дико-

²² ... в битвах при Флоддене и Солуэй-Моссе, в сражениях у Престона, Вустера и Дерби. – Перечисляются битвы между шотландцами и англичанами, в которых шотландские войска терпели сокрушительное поражение; битва при Флоддене (1513)

ватые, хорошо помнившие беглецов от чужого и несправедливого закона, отчаянных одиночек, которые без укрытия и поддержки сражались против бесчисленных врагов, тяжелых обстоятельств и самой судьбы. Другое дело, что нынешней ночью никто не прятался от ливня в неприютных холмах. От Бловиса до Эстуэйт-Уотера, от Саттерсуэйта до Гризидейла и далее до самого Конистона всякая живая душа сидела под крышей. Непогожий простор был безлюден, точно пустынный океан. Так что, случись самому Томасу Рифмачу из Эркельдуна покинуть прекрасную страну эльфов и вернуться спустя не семь лет, а семь столетий обратно на грешную землю²³, он не распознал бы среди этих затянутых дождевым мраком холмов, в каком веке оказался.

Однако в конце концов печь, по кирпичной кладке которой полночи молотил холодный дождь, остыла совсем. Ветер тем временем задул в юго-западном направлении и нагнал свежего дождя из устья реки Даддон, так что сквозняк, веявший из поддувала и полуоткрытой топочной дверцы, вместо приятной прохлады стал вызывать нешуточный озноб.

Надоеда, которому упрямо впивались в ляжку обломки уцелевших после кремации ребер морской свинки, первым зашевелился во сне. Когда острый конец кости проколол кожу, фокстерьер вздрогнул и проснулся:

– Рауф! Ты со мной?

Ответа не последовало, и Надоеда ткнул большого пса мордой:

– Вылезай из листьев, Рауф! Выныривай из воды! Хватит спать, пора двигаться дальше!

Рауф сонно приподнял голову:

– Не хочу никуда идти. Я лучше тут полежу.

– Нет! Нет! Там, снаружи, большой мир! Там свобода! Там дождь!

– Здесь лучше. Сухо... тепло...

– Нет, Рауф! Нет! Оставаться нельзя! Белые халаты придут! Железная вода! Человек-пахнувший-табаком! Грузовик! Грузовик!.. Надо выбираться отсюда...

Рауф поднялся на лапы и потянулся – насколько это было возможно в тесной печи.

– И вовсе нет никакого большого мира, – сказал он.

– Есть! Еще как есть! Принюхайся – и сам поймешь!

Надоеду так и трясло от нетерпения. Интуиция подсказывала ему, что время на исходе.

Рауф постоял неподвижно, словно что-то соображая.

– Нету никакого большого мира. И свободы тоже никакой нет. Вообще ничего и нигде нету, кроме разве что... Говорю же, этот мир – скверное место для нас, животных. Уж я-то знаю...

– Рауф, прекрати! Чем это от тебя пахнет, аж нюхать противно! Уксусом, парафином, еще кое-чем похуже... Я ведь жил там, снаружи! И у меня правда хозяин был! Если я говорю, что ты не прав, значит так оно и есть!

– Не вижу разницы...

– Есть разница! Лезь давай, говорю! Вон в ту дырку! А я – за тобой!

Рауф толчком распахнул дверцу печи во всю ширину и выглянул в мокрую темноту.

– Вот что, – сказал он, – ступай-ка ты один. Мне туда все равно не пролезть.

– Давай, Рауф, давай, все получится! Я следом!

завершилась гибелью шотландского короля Иакова IV; в битве при Солуэй-Моссе (1542) войско короля Иакова V было разбито кавалерией Генриха VIII; у Престона силы шотландцев были разбиты дважды – в 1648 г. армией Оливера Кромвеля и в 1715 г. в ходе неудавшегося якобитского восстания; сражение у Вустера (1651) было решающим в кампании Оливера Кромвеля по завоеванию Шотландии.

²³ ...случись самому Томасу Рифмачу из Эркельдуна покинуть прекрасную страну эльфов и вернуться спустя не семь лет, а семь столетий обратно на грешную землю... – Имеется в виду Томас Лермонт (ок. 1220 – ок. 1290), полупоэтический шотландский бард, персонаж кельтского фольклора, прославившийся непревзойденным поэтом, певцом и музыкантом. В посвященной ему старинной балладе рассказывается, как Томас пленил сердце королевы эльфов и на семь лет попал в волшебную страну, где обрел дар предвидения.

Дверца была расположена не вровень с полом, а на некоторой высоте. Втянув голову обратно, Рауф попятился, подобрался – и подпрыгнул, выпростав наружу морду и передние лапы. Черный, как сама темнота, он полностью перекрыл своим телом проникавший в топку свет. Надоеда слышал, как его когти скребут и царапают по наружной стене.

– Давай, Рауф, давай!

Ответ Рауфа донесся с неправильной стороны – снизу, из-под лап фокстерьера, сквозь открытое поддувало.

– Не могу... Слишком узко...

– Дерись, Рауф! Укуси ее, эту дыру!

Рауф беспомощно извивался. Он навалился брюхом на стальной порог и едва мог дышать. Его брыкавшаяся в воздухе задняя лапа шлепнула фокстерьера по голове.

– Давай, Рауф, чтоб тебя, давай же!

Рауф тяжело дышал, ловя раскрытой пастью воздух и дождевые капли. Надоеда с ужасом понял, что его друг барахтается все слабее, совершенно не продвигаясь вперед. Истина – столь же печальная, сколь и непостижимая для разума маленького терьера – состояла в том, что чем дальше Рауф высовывался наружу, тем труднее ему было упираться передними лапами в вертикальную стену. И вот, на две трети свесившись под струи дождя, он застрял самым безнадежным и беспомощным образом, не имея никакой точки опоры, чтобы подтянуться или толкнуться.

Позади него, в замкнутом пространстве топки, Надоеда дошел до последнего градуса отчаяния, и прооперированная голова отозвалась пронзительной болью. Несчастного фокстерьера охватила совершенно волчья ярость, – казалось, металлические стены и сгоревшие кости и те принялись лихорадочно пульсировать.

– Проклятье вам, белые халаты! – взвыл бывший домашний любимец, и из пасти у него пошла пена. – Будь ты проклята, Энни! И вы, полисмены! И ты, белая машина с сиреной! Нет вам никакого прощения во веки веков! Вы убили моего хозяина!!!

И за неимением более подходящей мишени взбеленившийся пес со всей силы запустил зубы в ляжку Рауфа. От боли и неожиданности тот вскрикнул и извернулся самым непредставимым образом. Железная дыра жестоко стиснула его бедра, но судорожное усилие сделало свое дело: Рауф кувырком вывалился в грязную лужу, собравшуюся под устьем мусоросжигателя. Надоеда последовал за ним едва ли не быстрее, чем большой пес успел как следует набрать в измученные легкие воздух и ощутить боль в ребрах.

Фокстерьер восторженно облизывал морду приятеля, а по спинам обоих вовсю молотил дождь.

– Как ты, Рауф? В порядке?

– Ты, чучело, ты же меня укусил!

– Я? Тебя?.. – в неподдельном изумлении воскликнул Надоеда. – Укусил? Да ты в своем уме, Рауф?..

Рауф не без труда поднялся и обнюхал его.

– Ну ладно... По запаху вроде как и не ты... Но кто-то же укусил... – Рауф постоял еще, потом улегся обратно в грязь. – Я помят весь...

– Вставай! И пошли! – Голосом Надоеды ответила влажно шуршавшая темнота. Знакомый запах фокстерьера уже удалялся.

Рауф запрыгал следом на трех лапах. Подушечки осязали гравий, грязь, щепки... Все было не очень знакомым, но некоторым образом вселяло надежду. Мир за стеной все-таки оказался реальным, и от этого даже боль в укушенной лапе начала утихать. Рауф попробовал прибавить шаг, потом неуклюже побежал.

Возле угла здания он догнал Надоеду:

– Куда теперь?

– Все равно куда, – ответил фокстерьер. – Лишь бы к рассвету оказаться подальше отсюда!

Они быстро миновали бойню для кроликов, потом проскочили яму, в которой негашеной известью засыпали котят, чуть помедлили у газовой камеры для обезьян... а потом псов и след простыл, они исчезли в белой мгле... Хотелось бы нам поведать читателю, что доктор Бойкотт всю ночь ворочался в постели, а его людей в белых халатах всякие черти и ведьмы во сне тащили в черноту могил, к червям голодным. Вот бы еще для полноты картины и старика Тайсона паралич разбил...²⁴ Так ведь нет же. Нам еще предстоит убедиться, что ничего из этого не произошло. Просто понемногу иссяк ночной дождь, серое одеяло туч унесло ветром через Уиндермир, а небо постепенно налилось светом.

Для прочих обитателей Лоусон-парка наступил новый день служения науке и человечеству.

²⁴ ...псов и след простыл, они исчезли в белой мгле... его людей в белых халатах всякие черти и ведьмы во сне тащили в черноту могил, к червям голодным. Вот бы еще для полноты картины и старика Тайсона паралич разбил... – Парафраз последней строфы из поэмы английского поэта-романтика Джона Китса (1795–1821) «Канун святой Агнессы» (1819): Они исчезли в белой мгле метели Давным-давно – и след давно простыл. Барон всю ночь ворочался в постели; Гостей подпивших буйный пляс томил Чертей и ведьм – и в черноту могил Тащили их во сне к червям голодным. Анджелу тяжкий паралич разбил; С раскаяньем, на небе неугодным, Почил монах, склонясь над очагом холодным. (Перев. С. Сухарева)

Приступ II

Суббота, 16 октября

Свобода!

Всепоглощающая, безусловная цель, превыше любых сомнений и вопросов! Она влечет нас, как мотыльков влечет пламя свечи, как эмигрантов – далекий континент, готовый сгубить их жаждой в своих пустынях, свести с ума своими лютыми зимами. Свобода! Страна, где на каждом углу ждут мошенники, готовые лживыми посулами заморочить не в меру храбрых овечек, вздумавших отказаться от водительства пастуха. Взмахни своим знаменем, Свобода! Призови меня звуками трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей, симфонии и всякого рода музыкальных орудий – и я паду на колени, чтобы поклоняться тебе, ибо кому же захочется быть брошенным в печь, раскаленную огнем презрения соседей и ближних своих?²⁵ И я поспешу к тебе, как самец-паук спешит к самке, как исследователь – к истокам великой реки, зная, что там его ждет гибель и назад к устью он уже не вернется. Как не ответить мне на твой зов, о царица, чьи возлюбленные бесследно исчезают на исходе ночи, о принцесса, чьи неудачливые поклонники погибают на закате? Почему Господь навеки не отвел нас от тебя, о богиня тромбозов, бессонницы, астмы, несварения желудка и мигрени? Ибо все мы свободны – то есть обладаем свободой принимать все муки раздумий, все тяготы решений, основанных на ущербном, сомнительном знании, все попытки запоздалых сожалений, отчаяния и стыда за постигшие нас неудачи, бремя ответственности за все, что мы навлекли на себя и на других. Мы свободны бороться и голодать, свободны требовать от всех одного последнего решительного усилия, дабы наконец-то достичь обетованного края... а добравшись туда, заключить, что истинная цель по-прежнему впереди. Великой ценой заплатил я за такую свободу – и возроптал на Всемогущего, отчего не умер я от руки Господней еще в земле Египетской²⁶, когда я сидел у котлов с мясом, когда я ел хлеб досыта? Ибо тиран, если вдуматься, был не так уж плох и даже в своем яростном произволе никогда не убивал стольких, сколько пало вчера в славной битве во имя Свободы! Может, вернуться к нему?.. О нет, драгоценная Свобода! Я буду трудиться ради тебя, словно раб, пока не забуду любовь, некогда сжигавшую все мое существо, пока не состарюсь, не преисполнюсь горечи и не перестану видеть за грязными, скрюченными деревьями прекрасный зеленый лес. Тогда я прокляну тебя – и умру. согласишься ли ты хотя бы тогда считать меня истинным верным твоим приверженцем и правомочным порождением этой земли? И – ответь, о Свобода! – был ли я и вправду свободен?

...Далеко-далеко, за Эстуэйт-Уотером, за Сорэем и Уиндермиром, вставало солнце. Самые первые лучи пробивались сквозь низкие рваные облака, чтобы осветить заросли и поляны Гризидейлского леса. В небе, ожидая добычи, уже кружились сарычи, готовые тотчас налететь и разорвать на части всякую тварь, которая по медлительности и слабости своей не сможет убежать или защищаться. Перед взором парящих птиц разворачивалась величавая

²⁵ *Призови меня звуками трубы, свирели, цитры... ибо кому же захочется быть брошенным в печь, раскаленную огнем презрения соседей и ближних своих?* – Аллюзия на библейские стихи «Отныне, если вы готовы, как скоро услышите звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей, симфонии и всякого рода музыкальных орудий, падите и поклонитесь истукану, которого я сделал; если же не поклонитесь, то в тот же час брошены будете в печь, раскаленную огнем, и тогда какой Бог избавит вас от руки моей?» (Дан. 3: 15) и «Скудоумный высказывает презрение к ближнему своему; но разумный человек молчит» (Притч. 11: 12).

²⁶ *...отчего не умер я от руки Господней еще в земле Египетской...* – Парафраз библейского стиха Исх. 16: 3 «И сказали им сыны Израилевы: о, если бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом».

панорама: дымчатый хрусталь озера Конистон-Уотер, раскинувшегося на целых пять миль от Скул-Бека до Хай-Нибсуэйта и обрамленного с западной стороны пестрой гирляндой жилых прицепов – оранжевых, белых, синих. За озером виднелся небольшой городок Конистон – сероватое пятно среди осенних полей и тронутых золотом лесов. Еще дальше простирались Конистонские холмы, по которым солнечным днем скользят тени облаков – плавно, не зная преград, точно корабли в океане. Милях в четырех за ними, у самой линии горизонта, вздымался Конистонский хребет. У каждой его вершины – свое собственное имя. Коу, Торвер-Хай-Коммон, Уолна-Скар, Доу-Крэг, Олд-Мэн, Брим-Фелл и Свиэррэл. Олд-Мэн – Старик – выше всех. Если смотреть с востока, его острая вершина кажется наклоненной вправо, и восточный склон перечеркивает белая линия пенистого, стремительно сбегающего ручья.

Примерно в полумиле к северу от Лоусон-парка, над дубовыми рощами, простирается волнистая, всхолмленная пустошь Монк-Конистон-Мур. Здесь стоит старый, полуразрушенный каменный овечий загон, или, как выражаются в Озерном Крае, «хоггус», ибо словом «хог» здесь обозначают молодого барана. Рядом протекает ручей, и рябина опускает гибкие ветки с пернатыми – каждый о тринадцати перышках – листьями прямо на остатки провалившейся черепицы. Если идти через лес, держа путь от Хоксхеда к Нибсуэйту либо от Саттерсуэйта к Хоу-Хеду, с вершины пройденного холма открывается следующий, а за ним еще и еще – до самого водораздела. Здесь все неподвижно, не считая проворных ручьев да еще серых овец, которые испуганно выскакивают из зарослей высокого папоротника и поспешно бегут прочь от пришельца, будь то человек или зверь.

И все это – в серебристом утреннем свете, под низкими облаками, гонимыми холодным октябрьским ветром на запад...

– Нет, это точно не белые халаты устроили, – с отчаянием произнес наконец Надоеда. – Ни тебе домика, ни фонарного столба, ни забора! Так не бывает! Даже белые халаты точно не могли... – Не довершив мысли, пес вскинул голову, вбирая носом ветер. – Деготь! Ну да, точно... Только очень слабый... И ни одного мусорного бачка. Совсем нету! Как так? Не понимаю...

Из-за стены, блеснув белыми перышками на крыльях, вспорхнул самец-зяблик – синевато-серая «шапочка» на головке, розовая грудка. Проследив за ним взглядом, Надоеда снова уронил голову на вытянутые передние лапы.

– Ну правильно, – проговорил он затем. – Ни одного человека, так зачем все остальное? И это небо... Сколько неба! Понятно, почему тут все время дождь идет... Рауф! Эй, Рауф, проснись!

Рауф приоткрыл глаза, его верхняя губа сморщилась, словно он собирался гневно оскалиться.

– Чего тебе?

– Что нам теперь делать?

– Чтоб я сдох, если знаю...

– Они все убрали, Рауф. Дома, дороги, машины, обочины, помойки, канавы... Все подчистую! Вот спроси меня, каким образом они это сумели? Это ж невозможно! И сами они – куда они все подевались? Зачем они тут все сделали, а сами ушли? Куда? Почему?..

– Я же тебе говорил, – буркнул Рауф.

– Что ты мне говорил?

– Я тебе говорил про весь мир. О том, что по другую сторону сетки все то же самое. Нету никакого большого мира. Ты вот жалуешься, что снаружи все изменилось, что белые халаты... в общем, какие-то люди... все переиначили ради того, чтобы еще что-нибудь делать со всякими животными. Животные для этого и предназначены. Для того, чтобы люди с ними что-нибудь вытворяли. А люди, раз уж на то пошло... Люди, наверное, существуют для того, чтобы глумиться над нами...

– Полегче, Рауф! Вот мой хозяин... мой хозяин никогда не глумился ни над какими животными. Когда я жил с ним у себя дома...

– Все равно. Он непременно должен был, потому что иначе он не был бы человеком.

– Скажи лучше, каким образом они утащили прочь улицы и дома? И устроили все это?

– А они все могут устроить. Посмотри хотя бы на солнце! Спорю на что угодно – какой-нибудь человек поднял руку и сделал так, чтобы оно светило. Ну, примерно как человек-пахнувший-табаком в нашем собачнике. Ты бы в это ни за что не поверил, если бы мы сами не видели, как он поднимал руку к стене – и становилось светло!

Надоеда помолчал, дрожа на холодном утреннем ветру. Широкий склон перед ним был весь залит светом, на кустах и траве искрились капли недавно прошедшего дождя. В облаках появлялось все больше просветов, и вот уже в лесу подал голос зеленый дятел – словно человек рассмеялся.

– Надо бы людей отыскать, – поразмыслив, произнес Надоеда.

– Зачем?

– Затем, что собаки должны принадлежать людям. Нам нужны хозяева! Они дают пищу и кров... Вставай, Рауф, пошли! Мы все равно не можем здесь оставаться! Белые халаты будут искать нас.

Он поднялся и затрусил через папоротники, направляясь на северо-запад, вниз по склону холма. Какое-то время казалось, что Рауф, продолжавший лежать в кустах вереска, так и отпустит его странствовать в одиночестве. Но когда Надоеда скрылся из виду за изгибом склона и почти достиг леса, расстилавшегося на расстоянии двести ярдов, большой пес резко вскочил и во весь мах бросился следом, нагнав приятеля уже под сенью деревьев.

– Так ты думаешь, что они все куда-то пропали? – спросил он терьера. – Я к тому, что вдруг их совсем не осталось, ни одного, нигде... Вдруг они вообще...

– Не может такого быть. Они обязательно где-нибудь да найдутся. Смотри, вот тут, на земле, следы сапог! И оставлены день тому назад, не больше. Нет, люди точно где-нибудь есть. Вот чего я никак не пойму – на что им понадобилось так все переделывать? Я такого не ожидал, вот малость и растерялся. Я думал, будут улицы и дома... все как надо...

Они проскользнули сквозь решетку ворот, отделявших пустошь от леса, и теперь бежали по тропинке, что спускалась к дороге, шедшей вдоль озера. Воздух наполняли осенние ароматы. Пахло желудями, мокрым папоротником и свежими грибами, проклюнувшимися после дождя. Рябины так и горели обильными кистями оранжевых ягод. По ветвям тут и там прыгали малиновки. Они чирикали, бросая вызов друг дружке, вслушивались и отвечали, обозначая каждая свою территорию.

Невзирая на пустынный и странный вид местности, в сердце Надоеды стала пробуждаться надежда. Ощущение мокрой земли под лапами показалось ему смутно знакомым, только давно и прочно забытым. Солнце то пряталось за облаками, то вновь принималось светить ярко и весело. Ветер шевелил листья и ветки, в траве повсюду кругом мелькали яркие краски – то колокольчик, то мытник, то скабиоза, то калган... не говоря уже о мимолетных запахах и шорохах, издаваемых какими-то мелкими незримыми существами. В таком окружении было просто невыносимо долго предаваться унынию. Когда тропинку пересек кролик, Надоеда тотчас устремился в погоню. Однако кролик оказался слишком хитер, терьер быстро потерял его, начал было искать, рыская туда и сюда, но забыл о нем, едва остановился обнюхать жука-навозника, устроившегося под большим грибом возле камня.

Когда он вернулся к Рауфу, тот лежал на тропинке, грызя упавшую ветку.

– Во всяком случае кошки тут есть, – доложил ему фокстерьер. – Странные такие, длинноухие. Но для охоты сгодятся.

Ветка хрустнула на зубах Рауфа.

– Есть нечего, – сказал большой пес.

– Найдется, – заверил его Надоеда. – Смотри, как ветер гонит листья с деревьев! Вот бы знать, куда это они все спешат?.. Одни улетают, других все равно полным-полно... – И маленький терьер вновь умчался в погоню.

Когда шорох веток в подлеске переместился на другой берег мутного после непогоды ручья, Рауф поднялся и неторопливо двинулся за приятелем.

Пройдя вниз по склону около мили, они достигли дороги, огибавшей восточный берег озера Конистон-Уотер. Ветер к тому времени совершенно стих, так что полное безлюдье ощущалось особенно остро – тем более что на дороге в такую рань не было ни единой машины. Само озеро, кое-где мерцавшее сквозь деревья, выглядело стеклянно-спокойным – камни, палая листва и бурые водоросли на дне возле берега напоминали предметы обстановки в пустом доме, различимые снаружи через окна. Однако стоило показаться солнцу, как подводные картины тотчас исчезали, сменяясь отражениями туч и раскрашенных осенью крон деревьев, что росли вдоль берега.

– Гляди, Рауф, гляди! – крикнул Надоеда, подбегая к воде. – Видишь, как там все тихо! Окажись я там, и я не сошел бы с ума! Там все так спокойно... покрыто водой... там прохладно, там моя голова остыла бы наконец!

Рауф к озеру не пошел.

– Давай назад, Надоеда! – прорычал он, остановившись в некотором отдалении. – Если у тебя осталась хоть капля мозгов, держись оттуда подальше! Ты даже не представляешь, каково там барахтаться! Ты не сможешь выбраться.

Терьер, уже разбежавшийся было для прыжка в воду, спешно ретировался. Однако водная гладь продолжала притягивать его, и он, принявшись, носился туда и сюда, покрывая в

три раза большее расстояние, нежели Рауф. В какой-то момент хирургическая «шапочка» на его голове зацепилась за побег ежевики. Надоеда рывком высвободился, лишь красный листок остался висеть на черном липком пластыре. Мелкая прибрежная галька хрустела и подавалась под лапами. Надоеда жадно лакал озерную воду, плескаясь, забегал на мелководье, затем отряхнулся и воротился на дорогу, неловко перевалившись через ограждавшую ее каменную стенку.

– И все равно, старина, – сказал он Рауфу, который трусил вдоль обочины, поросшей зеленой травой, – все равно тут куда лучше, чем в клетках у белых халатов! Ты как хочешь, а я намерен как следует позабавиться. Вот только мухи в голове мешают, все жужжат и жужжат... А сам я – как дым! И лапы холодные, точно засов на воротах!

Так, в утренней тишине, не нарушенной присутствием человека, они и достигли северной оконечности озера, миновали поворот дороги, что вел на Хоксхед, пересекли мост через ручей Скул-Бек и двинулись дальше по направлению к Конистону.

Скоро впереди замаячили три домика – два по одну сторону дороги и один по другую. Облака больше не закрывали солнце, и вблизи стало слышно, как за садовыми заборами гудят пчелы, собирающие поздний мед с флоксов и львиного зева.

Обнаружив открытые ворота, Рауф задрал лапу у столбика, после чего целенаправленно затрусил по садовой дорожке и скрылся из виду за углом дома.

Вскоре оттуда долетел металлический лязг падающей крышки мусорного бачка. Потом опрокинулся и сам бачок. Следом распахнулось окошко первого этажа, послышались негодующие крики, глухой топот сбегавших по лестнице ног и наконец звук отпираемых дверных замков. Надоеда вновь увидел большой черный силуэт Рауфа. Ощетинившись, большой пес пятился от мужчины в коричневом халате и домашних тапочках. На лице человека белела «борода» из пенного мыла – он как раз брился, когда начался переполох. Вот Рауф перестал пятиться, и тогда человек наклонился, подхватил с цветочной клумбы камень и бросил в пса. Рауф ретировался за ворота и присоединился к Надоеде, ожидавшему его на дороге.

– Надо было мне потрепать его, – сказал Рауф. – Тяпнуть за ногу...

– Ну правильно, – ответил терьер. – Валяй, иди покусай полицейского. И почтальона, и вообще всех. Ну почему тебе непременно нужно все испортить? Так не годится, Рауф!

– Та мусорка... – вздохнул большой пес. – Там было столько еды! Вся в бумажных обертках, как та, что человек-пахнувший-табаком нам приносил...

– Ну и залез бы туда, да еще крышкой сверху накрылся. И на что мне понадобилось тебя из клетки выпускать? Послушай, с людьми надо правильно обращаться, если хочешь, чтобы они... Постой, он же не попал в тебя камнем?

– Промахнулся. Иначе я бы его живьем проглотил. Говорю тебе, я...

– Ох, эта проволочная сетка у меня в голове! – внезапно заскулил Надоеда. – Я ослеп! Ослеп! – И он рухнул прямо на дорогу, после чего принялся царапать и тереть лапами свою голову, жутковато дергавшуюся из стороны в сторону, словно терьер был заводной игрушкой, а не живым псом. – Эти мухи, проклятые мухи, они меня скоро съедят! Дорога черная с белым, и грузовик приближается, он приближается, Рауф!..

Большой пес, прижавшийся к садовой ограде, беспомощно наблюдал за тем, как Надоеда поднялся, медленно проковылял через дорогу и снова свалился. Рауф хотел было последовать за приятелем, но тут послышался шум подъезжавшего автомобиля. Когда машина приблизилась, он отступил обратно в ворота.

Автомобиль затормозил и остановился. Водитель остался внутри, а пассажир вышел наружу. Это был молодой человек в горных ботинках, синем вязаном свитере, куртке-анораке и желтой шерстяной шапочке. Он стоял возле кабины и смотрел на фокстерьера, лежавшего на дороге.

– Вот бедолага, – проговорил он наконец. – Смотри, Джек, его, похоже, машина сбила!

– Нет, не машина, – отозвался водитель. – Его, верно, к ветеринару водили. Повязку на голове видишь? Небошь живет у кого-нибудь здесь по соседству. Выбрался погулять, а силенок не рассчитал.

Молодой человек подошел вплотную к Надоеде. Тот лежал на боку, закрыв глаза и не двигаясь. Человек наклонился и, что-то успокаивающе и ласково бормоча, поднес руку к собачьему носу. Надоеда приоткрыл глаза, обнюхал костяшки пальцев и слабо шевельнул хвостом.

– Джек, на нем зеленый ошейник, но ничего не написано, кроме какого-то номера. Малыш совсем плох, значит издалека не мог прибежать. Давай-ка уберем его с дороги, положим пока на заднее сиденье, а я потом порасспрошу соседей. Уж кто-нибудь да подскажет, чей он.

С этими словами молодой человек поднял фокстерьера на руки. Не медля ни секунды, Рауф рванулся через дорогу и стремительно прыгнул, метя зубами в горло незнакомца. Водитель успел закричать, предостерегая товарища, и тот, уронив Надоеду, весьма вовремя вскинул левую руку. Зубы Рауфа сомкнулись на рукаве анорака немного ниже локтя. Молодой человек, шатаясь, отпрянул, а водитель выскочил из машины и принялся лупить Рауфа по голове увесистыми шоферскими крагами. Надоеда, свалившийся на дорогу, с визгом вскочил и успел удрать ярдов на двадцать, прежде чем Рауф, разжав наконец челюсти, бросился следом. Водитель принялся заворачивать пострадавшему рукав, одновременно разыскивая в кармане йодный прижигающий карандаш.

– Говорил я тебе, Надоеда! Говорил! Нечего воображать, будто тебе все известно о людях! А ведь я тебя предупреждал...

– Это были правильные люди. Это хозяйева. Просто моя голова... все в огне, я ничего не видел...

– Это были белые халаты! Неужели ты не понял? Они хотели тебя увезти, хотели вернуть... Надоеда, ты, вообще-то, в порядке?

– Я... я думаю... я думаю, да. – Терьер сел и с сомнением огляделся. – Я бы так хотел, чтобы мышка вернулась! А то без нее я совсем не знаю, что делать...

– Тут у дороги есть еще другие дома, – сказал Рауф. – Видишь их? По крайней мере, люди их не убрали. Может, не успели пока. Пошли туда? Тебе, наверно, лучше будет среди домов...

– Тот керн-терьер... Класкер... он ведь, знаешь ли, умер, – сказал Надоеда. – Я видел, как человек-пахнувший-табаком вчера вечером вытаскивал его тело из клетки. Помнится, Класкер этак прилег... прямо как я сейчас...

– Когда это он успел помереть?

– Тебя там не было, когда это произошло. Он, кажется, умер вчера после обеда, пока ты плавал в железной воде.

– А что я сейчас неправильно сделал?

– Ты не должен рыться в мусорках, даже если из них пахнет вкуснее некуда. Ну, по крайней мере если хозяйева смотрят. Они почему-то сердятся из-за этого. Если ты хочешь получить от человека еду, для начала нужно с ним подружиться. После этого, если повезет, он тебе что-нибудь даст. Правда, мне с моим хозяином этого не требовалось. Он и так меня вовремя кормил. И в те времена я точно знал, где нахожусь. В те времена я... да что толку теперь вспоминать! Я просто объясняю тебе, как надо себя вести, чтобы не швырялись камнями. Человека надо обрабатывать до еды, а не после. Вот доберемся до тех домов, и я все тебе покажу.

Они были уже на окраине Конистона, когда сзади в некотором отдалении снова раздался шум автомобиля. Рауф немедля вильнул в сторону, укрываясь в боковом проезде, между двумя серыми, обросшими лишайником каменными стенами. Надоеда последовал за ним – сквозь заросли щавеля и подорожника, минуя стайку вспугнутых мух и двух или трех пестрых бабочек-крапивниц, лениво махавших крыльями в стылом воздухе осени. До друзей понемногу стали доноситься звуки и запахи небольшого городка, начинавшего новый день.

Негромко гудел электрический двигатель тележки, развозившей молоко, звякали бутылки, хлопали двери, кто-то кому-то желал доброго утра, пахло дровяным дымком, поджаренным завтраком и курами, которых выпустили во двор из курятника. Обогнав приятеля, Надоеда повел его через задние дворы, садики и пустыри. Он высматривал подходящего человека, к которому они могли бы без опаски приблизиться.

Перемахнув незамеченными через несколько садовых оград и торопливо перебежав несколько улиц, друзья наконец оказались на левом берегу Чёрч-Бека, недалеко от центра городка, где этот ручей нырял под мост. Бурный после ночного ливня, Чёрч-Бек громко журчал, неся в озеро мутную воду, потоками сбегавшую с хребтов Уэзерлэма, из Лоу-Уотера, Леверс-Уотера и с восточных склонов Олд-Мэна. Рауфу хватило одного взгляда на стремительный ручей – ошестинившись, он подался назад к изгороди, через которую они с Надоедой только что перелезли.

– Рауф! Погоди!

– Еще не хватало! Я туда не пойду! Эта вода...

– Да не обращай ты внимания на воду! Тут недалеко магазин, а в нем уйма еды. Неужели не чуешь?

– Что такое магазин?

– Это... ну, это такой дом. Там полным-полно мяса, и булочек, и печенья, и... чего только там нет! Люди, которым нужна еда, приходят туда и берут что захотят. Обычно это делают женщины, не знаю уж почему, но не в этом дело. Короче, магазин тут поблизости! Ты был прав, среди домов мне и впрямь стало полегче. Глядишь, мы скоро и хозяина себе найдем.

С этими словами Надоеда устремился туда, куда вел его нос, и, пробежав немного по улице, без труда отыскал источник восхитительных ароматов холодного мяса, колбасок, сыра и печенья.

Это был недавно открытый, современного вида продуктовый магазин, где для сыров и мясных деликатесов были выделены отдельные прилавки. По другую сторону помещения располагались полки, заставленные упаковками песочного печенья и галет, банками джема, тушенки и супов быстрого приготовления, анчоусами и, конечно, разными сортами чая в ярких пакетиках и жестянках. Час открытия еще не настал, но входная дверь была приотворена. Паренек в холщовом переднике мыл выложенный плиткой пол, гоня шваброй воду в сторону выхода. Молодая женщина в белом рабочем халате проверяла полки с товаром, что-то меняя местами.

Надоеда остановился напротив входа в магазин на другой стороне улицы.

– Теперь, – сказал он, – смотри на меня, Рауф. Смотри и запоминай хорошенько! Первым делом надо найти подход к людям...

– Не люблю людей, – буркнул Рауф.

– Ладно, не глупи! Нам в любом случае придется найти человека, который станет о нас заботиться. Если собака хочет, чтобы жизнь удалась, она живет при хозяине! Ты, бедняга, просто попал не на тех людей, и они скверно обращались с тобой.

– Этот мир, он для нас вообще...

– Да ну тебя! Хватит метить один и тот же фонарный столб! Говорю же тебе, смотри и учись. Тебе еще понравится...

Перебежав через дорогу, терьер сунул нос в приоткрытую дверь. Молодой уборщик поднял глаза и увидел черную «шапочку» на голове Надоеды, а также возвышавшийся позади него мохнатый и непроглядно-черный силуэт Рауфа. Юноша отложил швабру и, оглянувшись, крикнул куда-то вглубь магазина:

– Эй, мистер Ти!

– Ну что там? – отозвался мужской голос.

– Гляньте сюда, вы такую собаку точно никогда не видели. Она берет носит! И тут еще вторая с ней, обе в двери заглядывают. Деловые такие, куда там! Вы их знаете?

Услышав что-то о собаках, стоявших у него на пороге, владелец магазина вышел из подсобки наружу. Это был добросовестный торговец съестным, привыкший соблюдать безукоризненную чистоту. Достаточно сказать, что перед открытием магазина он намывал руки антибактериальным мылом. Когда его окликнул уборщик, он вытер руки, повесил полотенце и вышел из-за полок, застегивая последнюю пуговку на свежевывстиранном белом халате, в котором обычно работал. По ходу дела ему попался на глаза нож для ветчины, почему-то лежавший на сырном прилавке. Мистер Ти взял его и пошел дальше, нетерпеливо похлопывая плоским лезвием по ладони.

– Где, Фред? – спросил он. – Какие собаки? А-а-а, вижу... Господи, нет, я их точно никогда в жизни не видел. А ты, Мэри? Мэри! Тебе известно, откуда взялись эти собаки?

Девушка вышла к ним, неся картонный планшет с прикрепленными к нему инвентарными ведомостями.

– И что это вообще такое у него на голове? – огибая прилавок, спросил хозяин.

Однако стоило ему выйти в торговый зал и, упершись руками в колени, наклониться, чтобы получше рассмотреть Надоеду, как обе собаки вдруг развернулись и кинулись наутек, будто свора, спущенная Весной по следу Зимы²⁷. Свернув за ближайший угол, они стремглав пронеслись мимо «Черного быка» и скрылись в переулке.

Надоеда позволил себе остановиться лишь ярдов через двести. Прислонившись к стене, он вывалил язык, силясь отдышаться.

– Ты видел, Рауф? – пропыхтел он. – Ты видел?..

– Белый халат!

– Да! И в руке у него был нож!

– И от него пахло... той штукой...

– А из кармана еще и ножницы торчали!

– Там еще женщина была, тоже в белом халате! Она несла бумагу на плоской картонке! Так они делают, когда приходят тебя забирать!

– Рауф, Рауф, жуть-то какая... Должно быть, это еще одно гнездо белых халатов! Может, в этом городе только они одни и водятся, как по-твоему? Похоже, никого другого тут нет. Прикинь, целый город белых халатов!

Эта мысль заставила их тронуться с места и вновь пуститься бегом.

– Нет уж, я туда не вернусь! У них тут вода через город бежит – спорю на что угодно, они туда собак бросают.

– А тот человек с ножом небось режет их на стеклянном столе. И вовсе это не магазин!

– Вот что, давай-ка скорее убираться отсюда! Бежим вон туда. Там по крайней мере людьми не пахнет.

– Ну и отлично... погоди, Рауф, это же рододендроны! Рододендроны!..

– Ну и что? Это тоже плохо?

– Нет, конечно. Я просто к тому, старина, что, прежде чем протянуть лапы, мы еще найдем себе правильного человека. Может, даже сегодня. А вообще – обязательно.

– Ты, Надоеда, обоих нас в могилу загонишь. Или еще куда похуже. Ну тебя! По мне, лучше держаться от людей подальше! Я ни разу не видал от них ничего хорошего...

Они бежали по окраинной улочке, переходившей в сельскую дорогу, что вилась по косо-гору над Конистоном. Внизу, у подножия крутого склона, заросшего деревьями и кустами,

²⁷ ...свора, спущенная Весной по следу Зимы. – Парафраз слов Хора из поэмы английского поэта Алджернона Чарльза Суинберна (1837–1909) «Аталанта в Калидоне» (1865), написанной на манер греческой трагедии: Весна на след зимы спускает свору, Равнины полнит дождь и звон листвы, Все впадины земли доступны взору Сезонов матери, царице синевы. (Перев. Э. Ермакова)

шумел ручей. Напоенный недавним дождем, он ревел, точно бурный горный поток. Когда деревья расступались, открывалось ущелье и видна была белая пена, хлеставшая по камням. Грохот стоял такой, что собаки не услышали приближения грузовика, вывернувшего из-за поворота. Они заметили его лишь в самый последний момент.

Надоеда, подвывая от ужаса, кинулся в заросли папоротника и там затаился. Рауф же попытался укунить машину за колесо. Некоторое время он несся наравне с грузовиком, грозно клая зубами, потом отстал и вернулся. Задний борт удалявшегося автомобиля был открыт, оттуда свисали лязгающие цепи, а перевозил он мокрый гравий с каменоломни. Наружу стекала красновато-желтая жижа, Рауф вернулся весь перемазанный, сел и принялся тереть морду передней лапой.

Фокстерьер выполз из папоротников и присоединился к нему.

– Ты чего удрал? – спросил большой пес. – Мы же вроде людей сторониться решили, а не...

– Грузовик, Рауф! Это был грузовик!..

– Правильно, но я же его прогнал! Прикинь, он меня всего обгадил со страху! Как я его гнал, гр-р-р-рауф...

– Грузовики... колеса... кровь!!! И тогда они меня заперли!.. Не делай этого больше, Рауф! Обещаешь?!

– Тебя не поймешь, Надоеда...

– Рауф, я знаю, о чем говорю! Верно, у меня с головой не в порядке, но это всего лишь ветер... Он, знаешь ли, продувает мне всю башку, то место, где раньше были мозги... Однажды туда мухи залетели...

– Больше не залетят, Надоеда. Пойдем дальше! Там, откуда приехал грузовик, могут быть еще люди. Кто знает, может, они окажутся лучше. Я-то в это не особенно верю, но раз тебе так хочется их отыскать...

Скоро они добрались до большого водопада у Шахтерского моста, и теперь уже Рауф оробел и попятился при виде потоков падающей воды.

– Спокойно, старина, – ободрил его Надоеда. – Тут нет никаких белых халатов.

– Ты-то откуда знаешь?

– А по запаху.

– Не важно. Я все равно туда не пойду!

С дороги по ту сторону водопада доносились тархтение двигателя грузовика, одолевавшего подъем на первой передаче, и периодический шорох, скрип и грохот нагружаемых в кузов камней. Собаки опасливо продолжили путь. Пахло дизельным топливом и людьми, и сама земля впереди испускала странный, беспокоящий запах. Это был давивший своей пустотой запах камней, которых лишили травяного покрова и нагими выставили под дождь. Надоеда и тянулся туда, и одновременно терзался сомнениями.

С горя он остановился полакать водички из ручейка, бежавшего вдоль дороги.

– Ничего понять не могу, – признался он наконец. – Они что, и траву дели куда-то? А вода! Что с этой водой? В ней такой привкус...

– Металл, – мрачно подтвердил Рауф. – Уж я-то его знаю. Вот что, Надоеда. Ты побудь здесь, а я пойду осмотрюсь. Если вдруг увидишь, что я возвращаюсь бегом, – ни о чем не спрашивай, просто дуй за мной!

Рауф вскарабкался на ближайшую груду камней и пропал из виду. Вскоре Надоеда услышал его лай и двинулся следом.

Их глазам предстало удивительное зрелище. Это была огромная впадина между холмами, на один из которых они теперь поднялись.

Пространство впереди было совершенно голым. Повсюду виднелись скалы и кратеры, напоминавшие поверхность Луны. Поперек впадины шла дорога с глубокими, залитыми дож-

девой водой колеями, а рядом с ней тянулось нечто вроде желоба, по которому мчался мутный поток. Все вокруг покрывала бурая грязь, а в отдалении возвышалась целая гора глинистого сланца – словно великан приготовил костер, только зажечь не успел. Там, уменьшенный расстоянием, полз серый грузовик. Он кренился из стороны в сторону, поднимая грязные брызги. Псы видели, как он сдал задом к сланцевой горе, повинувшись командам человека в желтой защитной каске, который что-то крикнул и взмахнул сперва одной рукой, потом другой. Еще где-то размеренно чавкал мощный насос. Его не было видно, но по земле тянулся толстый черный шланг, изливавшийся в желоб.

Надоеда и Рауф не знали, что это место называлось Медной долиной. Когда-то в ней добывали руду, но месторождение давно истощилось, и теперь здесь промышляли лишь мелкие добытчики гравия и вообще все, кому требовалась машина земли из отвалов и кому не лень было пригнать сюда грузовик. Как раз такие люди и возились здесь в это субботнее утро. Общий вид Медной долины являл собой типичную картину заброшенного карьера. Грязь, брошенная ржавая техника, изрытый во всех направлениях грунт... суцая мерзость запустения! Ко всему прочему, нагую рану земли во множестве пересекали похожие на мельничные ручьи канавы с бегущей водой, природные и искусственные. Вода стекала с крутых каменистых уступов, устремляясь вниз – туда, где на склонах виднелись непо потревоженные валуны с уцепившимися за них кустами. Оттуда слабо тянуло мхом и живой зеленью, но эти запахи заглушала техногенная вонь брошенной выработки.

Псы некоторое время молча созерцали эту картину.

– Это все объясняет, – произнес наконец Надоеда.

Рауф почесал задней лапой за ухом и принялся беспокойно скрести землю.

– Это все объясняет, Рауф, разве ты сам не видишь? – повторил терьер. – Вот как они все переделывают. Они только что утащили отсюда улицы и дома и собираются навалить большие камни. А потом укладывать землю с травой. Закончат здесь – и, наверно, спустятся ниже, к тем домам, откуда мы с тобой только что пришли. Уберут их и нагромоздят на их месте скалы. Вот бы еще знать зачем? Особенно если те дома принадлежат белым халатам... Не пойму. Смысла не вижу. И по ветру этого не учуешь.

Надоеда вздрогнул и лег на землю.

– По ветру? В этом мире вообще ничего не учуешь, – пробурчал Рауф.

– Наверно, здешние люди тоже неправильные, – с сожалением констатировал Надоеда. – По мне, на хозяев они не очень-то похожи. И все равно я бы сделал попытку... Что нам еще остается?

Оставив Рауфа изучать едко пахнувших рыжих муравьев, суевившихся вокруг своего жилища, фокстерьер быстро перебежал бывший карьер, одолел, поднимая брызги, с дюжину больших луж, собравшихся между горами сланца, и, виляя хвостом, приблизился к водителю грузовика, задумчиво пинавшему переднее колесо. Когда человек заметил его, Надоеда в нерешительности остановился, готовый в любой момент дать деру.

Шофер выпрямил спину и крикнул через капот человеку в желтой каске:

– Эй, Джек, ты видел этого пса? Чей он, не в курсе?

– Нет, – отозвался тот. – Тут никто с собаками не гуляет. Не то место... Эй, а что это у него на голове?

– А я почему знаю? А ну, брысь отсюда! Пошел, говорю! – И водитель грузовика схватил камень.

Надоеда кинулся прочь. Брошенный ему вслед камень пролетел мимо, и шофер снова принялся пинать колесо.

Рауф оторвался от задумчивого созерцания муравейника:

– Ну и как оно?

– Он пинал свой грузовик, – сообщил Надоеда. – Он уже был сердит, когда я подошел. Я понял это по запаху...

– Наверно, они силой заставляют грузовики бегать туда-сюда, – заключил Рауф. – Привязывают к ним проводочки, заставляют глотать стеклянные штуки и все такое. Помнишь, старина Кифф рассказывал, как к нему присоединяли проводочки, чтобы заставить его прыгать?

– Ну да, они обвязывали ему тряпочкой лапу и туго надували ее из такого резинового шарика. Нам с тобой снова попались неправильные люди, приятель.

– Все люди такие.

– Ладно, – обиженно согласился Надоеда. – Признаю, я был не прав. Только ты не думай, я вовсе не сдался. Надо просто пойти поискать других людей, вот и все.

– Куда идти-то?

– Я не знаю. Да хоть вон на ту горку! По крайней мере окажемся подальше от города белых халатов...

Они пересекли старый карьер, миновали заброшенный хостел, перебрались через мельничный ручей, потом – через ручей Леверс-Уотер-Бек и начали подъем. Идя против течения Лоу-Уотер-Бека, они постепенно достигли пустынных восточных склонов Конистонской гряды. Ветер между тем посвежел, так что вересковые поросли начали тонко посвистывать. Облака временами закрывали солнце, уже близившееся к полуденной черте. Тени туч бежали по склонам, обгоняя даже ласточек. Между камнями, испещрившими пустошь, не было заметно никакого движения. Собаки поднимались все выше, то останавливаясь передохнуть, то отвлекаясь на какой-нибудь запах. Время от времени, пересекая складку холма или огибая крупный валун, они вспугивали мирно пасшуюся овцу. Та испуганно удирала, и Рауф с Надоедой всякий раз гнались за ней ярдов сорок-пятьдесят, громко лая и порываясь цапнуть за заднюю ногу, пока не теряли к ней интереса или не отвлекались на какой-нибудь другой запах. Раз они увидели, как сарыч, круживший неподалеку, вдруг сложил крылья и камнем упал в гущу травы. Там заверещало какое-то мелкое животное, но, прежде чем псы подбежали, сарыч взмыл обратно в небо, и ни в клюве, ни в когтях у него не было видно добычи. Рауф проследил за тем, как птица развернулась по ветру и заскользила прочь, исчезая вдали.

– Лучше, – сказал он, – здесь спать не укладываться...

– На открытом месте точно не надо, – согласился терьер. – А то тебя цап-царап! – и не трудись открывать глаза, их тебе все равно уже выклевали...

Короткие лапы Надоеды ныли от усталости. Он улегся передохнуть на травянистой лужайке, усеянной овечьим пометом. Рауф, снедаемый любопытством, искал следы либо останки жертвы сарыча, но так ничего и не обнаружил.

Продолжив подъем, друзья пересекли нехоженую тропинку, после которой ручей сделался совсем узким. Он то звенел на перекатах, то падал в темные заводи, по краям которых блестели листья печеночника и свисала нежная травка, тонкая, как конский волос. Склон же становился все круче, пока, миновав еще одну маленькую долину, четвероногие путешественники не оказались, сами того не ведая, на берегу Лоу-Уотера – молчаливого и уединенного озера, притаившегося в ложбине между вершинами Олд-Мэн и Брим-Фелл.

Рауф первым прошел между странными узкими скалами, очень похожими на рукотворные колонны, и внезапно отшатнулся от края обрыва, за которым открывалась безмятежная водная гладь. Тихое, безветренное озеро и его берега, редко посещаемые людьми, вероятно, ничуть не изменились за прошедшие тысячелетия, их не коснулись ни природные катаклизмы, ни вмешательство человека. Сквозь прозрачную зеленоватую воду – ярдов сто пятьдесят в ширину и всего несколько футов глубиной – просматривалось каменистое дно, кое-где прикрытое торфяными отложениями. Дальний берег представлял собой почти отвесную осыпь, образовывавшую склон Старика, который вознесся на добрых девятьсот футов и заслонял полнеба. А озеро, так внезапно распахнувшееся на пути и такое неестественно неподвижное, каза-

лось неким существом, замершим в зловещем ожидании... подстерегавшим... В нем ощущалась какая-то холодная уверенность, как у того, кто молча ждет ничего не подозревающего беглеца и знает: вот сейчас тот обернется, вскинет глаза и поймет по бесстрастию каменного лица, что бежать или прятаться – бесполезно, ибо все, что казалось ему тайным, было ведомо этому соглядатаю с самого первого шага...

Взвыв от нахлынувшего испуга, Рауф кинулся вверх по склону в направлении скалистого Вороньего утеса. Надоеда еле нагнал его в каменистой теснине. Черный пес задыхался и злобно рычал:

– Говорил я тебе, Надоеда! Скажешь, не говорил?! Куда бы мы с тобой ни пошли, эти белые халаты...

– Рауф, да где ты их нашел? Тут нет никого!

– Видел бы ты тот бак, в котором они меня топили... он был точно такой же! Это *и есть* бак, только побольше! Вода не двигается! Все видно прямо до самого дна! А потом тебя поднимают и...

Подобно честному, храброму и стойкому солдату, который во время страшного боя оказывается бессилён перед паникой своего товарища, Надоеда, предприняв несколько тщетных попыток успокоить Рауфа, умолк и просто лег рядом с ним, всем телом ощущая напряжение и страх, сковавшие его друга.

– Я думаю, – наконец проговорил Рауф, – белые халаты где-то здесь засаду устроили. Как по-твоему, где они могут прятаться?

– Она не для нас налита, эта вода, – отозвался Надоеда. – Ее слишком много. Наверно, ее приготовили для другого животного, покрупнее...

Он не мог объяснить самому себе внезапное появление тихого озера, и пугающая уверенность Рауфа почти его убедила. Тем не менее маленький фокстерьер все старался придумать какое-нибудь средство от страха.

– Для какого животного? – переспросил Рауф. – Они ведь сделали его, так? Ну те люди там, внизу... Которые с грузовиками...

– Для овец. Я даже не сомневаюсь, – ответил Надоеда, надеясь про себя, что угадал. – Ну конечно, для овец. Мы от всех убежали, точно тебе говорю! Здесь это делают с другими животными – не с нами. Посмотри только на облака, на ручей! Они все бегут в одном направлении и не возвращаются, так? Вот и нам незачем возвращаться!

– И здесь оставаться тоже незачем, – буркнул Рауф, поднялся, вызвав небольшой камнепад, и поплелся к вершине холма.

Вскоре впереди открылось другое каровое озеро, большего размера, – Леверс-Уотер. Здесь человек успел побывать, воздвигнув бетонную набережную и запруду в истоке ручья, но, как ни странно, панического ужаса Рауф на сей раз не испытал. Как лиса или олень, переполошенные первыми звуками рога или запахом охотничьей стаи, вскоре собирается с духом и пускает в ход кто хитрость, кто быстроту ног, так и Рауф, смирившись с мыслью о повсеместном присутствии ненавистных белых халатов, похоже, решил теперь противостоять им всеми возможными средствами. Поглядев несколько секунд с расстояния четыре или пять сотен ярдов на озеро, он отпрянул и укрылся за большим валуном. Когда Надоеда присоединился к нему, большой пес осторожно переполз вперед, туда, где имелась возможность выглянуть из-за камней и все осмотреть, не показываясь на глаза белым халатам, если они сидели в засаде.

В этом месте псы провели около часа, высматривая и вынюхивая малейшие признаки приближения человека. Им удалось заметить только одного пешехода, который появился в миле от них, на фоне высокого склона Хай-Фелл по другую сторону озера. Человек был различим всего лишь несколько мгновений: он громко кричал и махал рукой кому-то, кто находился вне поля зрения. Тонкое «Э-ге-гей!» отчетливо донеслось через водную гладь. Потом человек двинулся дальше и пропал из виду.

– Он был не из... Ну, по крайней мере не очень похож на белые халаты, – неуверенно проговорил Рауф.

– А по мне, он здорово смахивал на человека-пахнущего-табаком, да и голос... – возразил Надоеда, играя роль адвоката дьявола. – В любом случае та, другая вода... ну, там, откуда мы только что пришли... знаешь, она не слишком напоминала то, что ты мне рассказывал про железный бак.

– Еще как напоминала! Просто она железом не пахла, а так...

– Запах, вообще-то, первейшее дело, – сказал терьер. – Чему верить, если не запаху? Я, правда, не утверждаю, что там действительно было безопасно. Если уж на то пошло, грузовики злобой не пахнут. Ни крови, ни зловония из пасти. И тем не менее они приходят и убивают...

Он не договорил и умолк. Рауф ничего не ответил, и через некоторое время Надоеда вновь подал голос:

– И все-таки, что с нами теперь будет? Как мы будем жить? Они куда-то подевали весь обычный мир. Здесь совсем есть нечего! Хотим мы того или нет, нам придется вернуться...

Рауф опять долго не отвечал.

– Тут есть что-то, – проговорил он наконец. – Запах вспомнить пытаюсь... топ-топ-топ, лапки семят... и усики такие маленькие...

Сильный порыв ветра ударился о валун, промчался по склону и сморщил озерную гладь, вдребезги разбив отражения облаков. Острая рябь побежала в сторону запруды, словно подгоняемая незримым течением.

– Мышка, – сказал Рауф. – Ко мне в вольер один раз забрела мышка. Мы с ней поболтали...

– На полу остаются крошки корма. Сделай себе острые зубки из осколков костей, подбери хвост – и вперед... Чем не житье? Даже блохи и те стараются жить лучше. Мне мамка рассказывала... Наверно, той блохе, что поселилась у меня в голове, неплохо живется. Они такие, в любую щелку пролезут...

– Мышка сказала, что люди никогда ничего с ней не делали. Не то что с нами...

– Ну, значит, и не кормили.

– Не кормили. Она сама себе пропитание искала. Поэтому и ко мне забрела. У меня еда была. Но мышка – она... как сказать... жила помимо людей. Ничего общего с ними не имела. Обходилась как-то. Просто брала, что могла, с того и жила.

– Да, но ведь белые халаты ее бы пришибли, если б застукали, разве не так? А то я не помню, как человек-пахнущий-табаком гонялся за одной и все норовил сапогом затоптать...

– Ага, точно! – сказал Рауф. – И что сделала та мышка?

– Удрала через сливной желоб в полу.

– Ага. – Рауф проследил взглядом за сарычем, появившимся в небе прямо над ними.

Несколько мгновений птица парила, покачиваясь в воздушных потоках, потом легко заскользила прочь.

– Белые халаты непременно убили бы ту мышку, если бы только сумели, – сказал Рауф убежденно. – Но она из всех сил старалась им не попадаться. Так вот и жила. Она сама мне рассказывала. Днем спала в норке, а ночью выходила и...

– И плясала на хвосте, чтобы не оттоптать лапки. Подобрала бумажный мешочек и носила его, чтобы под дождем не промокнуть...

Рауф собрался огрызнуться, а то и цапнуть терьера, но Надоеда мигом вскочил и отбежал на безопасное расстояние, лавируя между камнями. Рауф хотел было погнаться за ним, но вдруг заметил, что фокстерьер замер, и остался на месте.

– Что там?

Надоеда не ответил. Тогда Рауф подошел к нему и тоже стал смотреть.

Там, вдали, на противоположном краю долины вновь появился человек. Как раз когда они смогли расслышать его громкие возгласы, на склоне замелькали серые шубки двух овец, быстро бежавших откуда-то сверху. Позади них сновала между кустами вереска черная с белым собака. Беглые псы хорошо видели, как она описала широкий полукруг и стала спускаться к овцам, отчего те поменяли направление и устремились вниз по склону. Тем временем быстро шагавший мужчина достиг берега озера. Вот он вновь прокричал что-то – и собака тотчас остановилась, легла и замерла неподвижно. Вскоре показалась другая собака – она гнала третью овцу, направляя ее к первым двум.

Надоеда вскочил на лапы, повизгивая от восторга:

– Рауф! Смотри, Рауф! Смотри хорошенько! Это хозяин, Рауф! Настоящий собачий хозяин! Вот мы и попали домой, Рауф, и с нами ничего не случилось, и я был прав, Рауф, а ты ошибался! Надоеда – хороший пес! Дайте мне кусочек синего неба, чтобы я мог его поглотить! Бросьте мне фонарный столб вместо палочки, и я принесу его домой! Идем, Рауф, идем скорее!

– Куда? Зачем? погоди, Надоеда!

– Мы побежим туда и станем делать то, что они делают, неужели не ясно? А потом этот человек возьмет нас к себе домой! Как же нам повезло! Идем скорее!

И Надоеда помчался вниз со всей скоростью, на которую были способны его короткие лапы. Он обдирал подушечки об острые камни, спотыкался на торфяных буграх, грудью раздвигал густой вереск... Рауф какое-то время оставался на месте. Но когда фокстерьер одолел порядочное расстояние и продолжал все так же упорно и уверенно бежать вперед, Рауф все-таки покинул свое укрытие и двинулся следом.

Он нагнал Надоеду, когда тот с плеском переправлялся через ручей Коув-Бек, сбегавший по крутым скалам с северо-западной стороны озера.

– Надоеда, да погоди же! Я не понял ничего, объясни!

– На самом деле, – сказал фокстерьер, – я тоже не совсем понимаю. Но мой хозяин часто бросал мне палочки, и тут что-то похожее. Когда идешь на прогулку с хозяином, ему нравится, чтобы ты бегал взад-вперед и что-то для него делал. У этого человека, должно быть, овцы вместо палочек, только и всего.

В этот момент овца, которую друзья прежде не видели, вскочила неподалеку от них и затрусила прочь. Надоеда тотчас устремился в погоню. Он громко лаял, и Рауф последовал его примеру. Овца поскакала характерным галопом, делая неровные скачки и бросаясь из стороны в сторону, так что на кустах дрока оставались пряди нестриженной шерсти. Привлеченный ее грубоватым, теплым запахом, смешанным с запахом жидкости для мойки овец, Надоеда все больше проникался азартом погони. Вместе с Рауфом они выгнали из зарослей еще одну овцу, и большому псу, бежавшему теперь рядом с другом, передалось волнение настоящей охоты.

– Р-рауф! Гр-р-р-рауф! – эхом отдавался по склонам его восторженный лай. – Мы им покажем, мы всем им покажем! Рауф-рауф-рауф!

Обе овцы вдруг развернулись и кинулись туда, откуда только что прибежали. Стуча ловкими узкими копытцами, они промчались мимо собак. Надоеда не отставал – его зубы шелкали возле самых овечьих хвостов. Краем глаза он заметил человека внизу – на этом же берегу озера, под отвесным обрывом. Сдвинув шляпу со лба, человек размахивал длинным посохом и что-то кричал, без сомнения подбадривая своих новых помощников. Сделав еще одно усилие, Надоеда цапнул-таки отставшую овцу за ногу прямо над скакательным суставом и успел ощутить вкус крови, но тут овца лягнула его копытом, угодив прямо в морду. Надоеда ошеломленно остановился, сел и тяжело задышал, высунув язык.

– Эй! Какого рожна вы тут делаете? В игрушки играетесь? Или вконец спятили оба?

Фокстерьер поднял голову. Прямо над ним на торфяной насыпи стояла одна из черно-белых овчарок. Ее глаза горели яростью и недоумением, и от нее исходил запах, полный невообразимого гнева.

Надоеда ответил, чувствуя себя совершенно сбитым с толку:

– Не сердись, пожалуйста, мы ничего такого... мы ничего плохого не хотели... Нам, понимаешь, нужен хозяин. Мы пока бродячие... вот и решили присоединиться...

Рауф подошел к нему и молча выжидал, что будет дальше.

– Нет, вы точно с ума спрыгнули, – сказала черно-белая. – Это ж надо, гонять овец вверх-вниз по склону, гавкая и кусаясь! Вы вообще с какой фермы, ребята? Хозяин ваш где? Ты, чучело, нашу овечку покусал, у нее кровь идет! Да я за это тебя...

Ошеломленная овчарка от возмущения просто не находила слов. Она источала такой гнев, что Надоеда напрочь потерял способность соображать – точно от близкого раската грома или запаха суки в пору течки. Азарт погони, уверенность в дружелюбии человека у озера, надежда обрести дом – все исчезло, когда он оказался (столь же внезапно, как давеча Рауф перед озером Лоу-Уотер) перед недоумевающей и негодующей овчаркой. Разговорам и спорам больше не было места. Все происходило точно в дурном сне. Что бы они с Рауфом, действуя из самых лучших побуждений, ни натворили, это, судя по всему, было много хуже, чем наблевать на ковер или цапнуть ребенка. Весь мир положительно ополчился на двоих беглецов, и разгневанная овчарка была всего лишь его острым оружием.

Надоеда лег и лежал неподвижно, позволив черно-белой собаке подойти и обнюхать себя.

– Простите, – покаянно сказал он. – Видите ли... мы правда не хотели... мы не...

– А ну отвяжись! – свирепо зарычал Рауф, обращаясь к овчарке. – Не тронь его, говорю! Не у себя во дворе!

– Не у себя, говоришь? А чьи же это тогда, спрашивается, холмы? Слышь, Лентяй! – обернулся он к подбежавшему товарищу. – Этот чудак говорит, что тут место не наше!

– Во оборзел! – оцетинился Лентяй. Надоеда он показался настоящим задирой, вечно искавшим случая подраться. – Они-то тут что забыли?

– Полегче на поворотах, приятель! – Рауф поднялся, показывая клыки. Из всех четверых он был самым крупным. – Вы-то что тут делаете, если уж на то пошло?

– Овец сгоняем, дурья твоя башка! Они разбегаются, а мы их отыскиваем и собираем! И тут вдруг откуда-то приносит двоих идиотов, которые сводят на нет добрый час нашей работы...

– А-а-а, это, видать, туристы безмозглые виноваты, – сообразил первый пес. – Ты! Который с нашлепкой на башке! Где, спрашиваю, твой хозяин? На вершине холма? Вы с этим черным балбесом, небось, погулять удрали без разрешения?

– У нас нету хозяина, – смиренно ответил фокстерьер. – Мы хотели познакомиться с вашим. Мы ничего плохого...

– Он вас для начала свинцом нашпигует, – сказал Лентяй и быстрым движением схватил мотылька, взвившегося из травы. – Это я вам обещаю!

– У него ружья нет, – заметил Надоеда.

– Представь себе, есть, – ответил первый пес. – Если будешь тут околачиваться, скоро сам убедишься. Помнишь, Лентяй, как прошлым летом хозяин застрелил негодную шавку, гонявшуюся за овцами?

– Точно, было дело... – Лентяй хотел было предаться приятным воспоминаниям, но тут снизу, из-под обрыва, донеслись вопли потерявшего терпение пастуха:

– Дон, лежать! Дон, лежать! Лентяй, ко мне! Лентяй, ко мне! Ко мне!..

– Просто катитесь подальше отсюда, вот и все, – сказал второй пес. – Подальше и побыстрей!

И он умчался исполнять дальнейшие приказания пастуха. Первый пес, Дон, напряженно замер в траве, вывалив наружу язык и вытянув передние лапы. Ни Надоеду, ни Рауфа он больше не достаивал ни малейшим вниманием.

– Дон, вперед! Дон, вперед! – внезапно долетело снизу, и пес, мгновенно вскочив, гавкнул и черно-белой стрелой унесся по склону, чтобы, забежав сверху, развернуть в нужном направлении двух овец, которых гнал Лентяй.

Надоеда и Рауф переглянулись.

– Ты впредь смотри повнимательнее, – с горечью проговорил Рауф. – А то будет дело...

– Не смешно! – Фокстерьер выглядел очень расстроенным. – Нет, я правда не понимаю. Мы же делали то же самое, что и они...

– Они просто не захотели, чтобы мы были у их человека. Приревновали, так это называется.

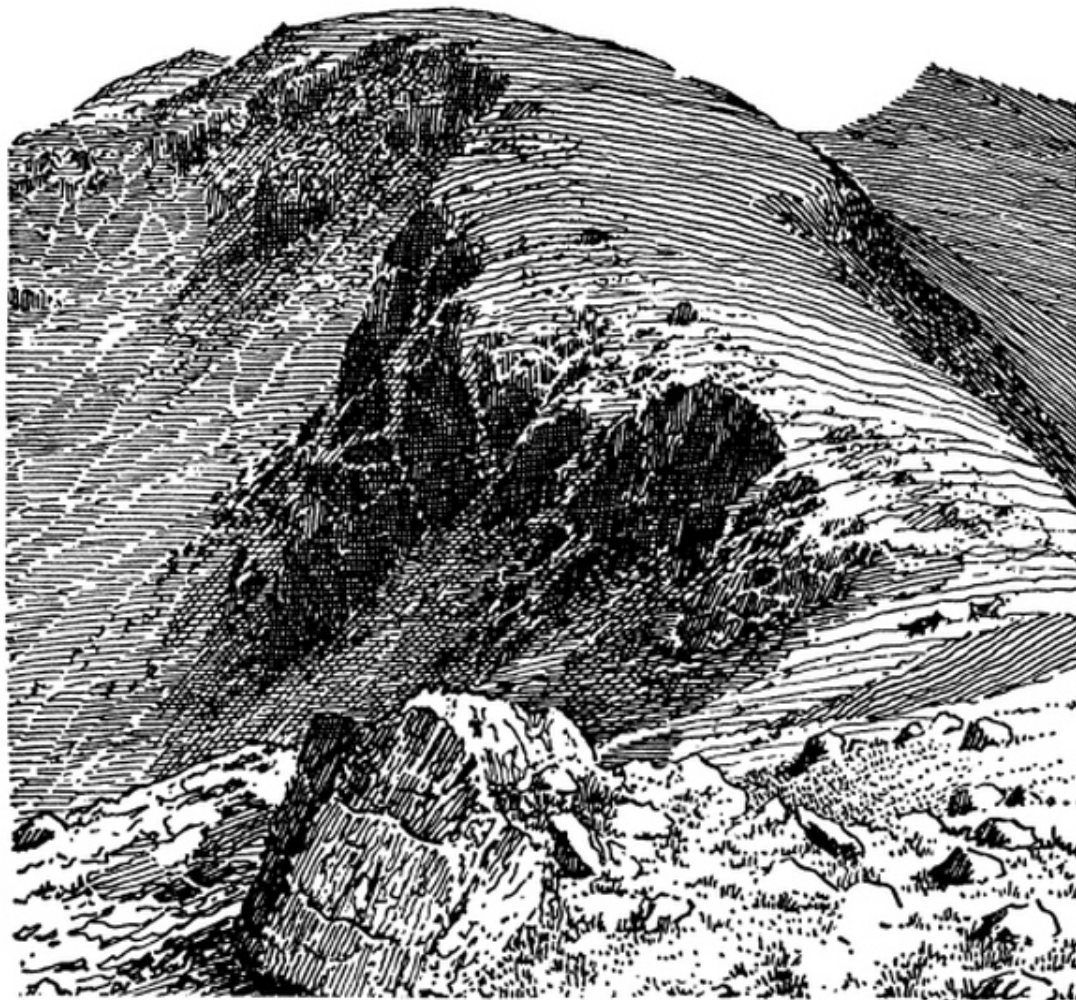
– Может быть, – понуро согласился Надоеда. – Помню одного кота, который любил прятаться за дверь. Пш-ш, пш-ш, царап-царап – и деру. Вот и они... Хотя нет, они... глянь, облака в небе, а на дереве листья, и можно полаять, когда ключ поворачивается в двери... И они точно были у себя дома, правда ведь? Носом чую... И ни один белый халат их пальцем не тронет. Вот... Ну а нам-то с тобой, Рауф, что делать, а?

– Для начала – валить подальше отсюда, – сказал большой пес. – А то вернутся еще, и тогда нам несдобровать... Мать моя сука, смотри – человек идет!

И правда, человек с посохом обошел скалистый обрыв и молча, торопливо шагнул прямо к ним. Уже можно было рассмотреть зубы у него во рту, уловить мясной запах его пота и дух от пропахших хлевом ботинок. Псы невольно попятнулись, забираясь выше по склону, но тут человек повернулся и пропал из виду. Должно быть, его вполне удовлетворило зрелище их поспешного бегства; оставлять на попечение овчарок с таким трудом собранное стадо ради каких-то двух бродячих псов – еще не хватало!

Время шло. Надоеда и Рауф забирались все выше в холмы. Ветер стих окончательно, а вершины вдаль затянуло невесть откуда взявшимся туманом. Все вокруг словно отражало их одиночество и растерянность. Теперь они просто брели без какой-либо определенной цели – молча, все вверх и вперед, понятия не имея куда и зачем... Псы плелись бок о бок, повесив головы и хвосты, и даже не обращали внимания, когда какой-нибудь зверек – кролик или крыса, – вспугнутый их приближением, удирал во мглу.

Постепенно трава сделалась реже, а потом и вовсе исчезла. Они оказались на бесплодном каменистом пространстве, где царствовали голые осыпи и высокие скалы. Туман вился клубами и становился все плотнее, по мере того как они поднимались. Пахло сыростью, мокрыми лишайниками на валунах, издохшей где-то овцой... и – совсем слабо – соленой морской водой. Сами того не зная, наши герои поднимались на Леверс-Хауз – почти отвесную перемычку между Брим-Феллом и Свиррэллом высотой две тысячи триста футов. Это было дикое, угрюмое и безжизненное место, как, впрочем, многие места в Озерном Крае. Между тем дело шло к ночи, а нигде поблизости по-прежнему не было ни еды, ни гостеприимного крова...

Брим-Фелл и Леверс-Хауз

– Я себя чувствую точно яблоня осенью, – вдруг сказал Надоеда. – Яблоки червивые с веток валяются... А потом, знаешь, и листья опадают. Так что чем скорее ты меня бросишь, тем легче тебе будет...

– Я тебя не брошу.

– Я сегодня много чего пробовал, и все мимо. Это совсем не тот мир, где я жил, пока меня не продали белым халатам. Все изменилось... Я даже думаю – может, это я сам его изменил? Может, я ненормальный даже тогда, когда сам этого не чувствую? Но откуда взялся весь этот дым? Уж точно не из моей головы.

– Это не дым. Нигде ничего не горит. Принюхайся! А белые халаты – сами они сумасшедшие, вот что. Для этого они тебя и порезали. Чтобы ты спятил, как они.

Туман, сквозь который они пробирались, был очень плотным, а склон – очень крутым. Лужицы воды, собравшиеся на скалах, уже покрывал хрупкий ледок. Надоеда чувствовал, как под его лапами лопаются и исчезают тончайшие льдинки.

– Есть хочешь? – спросил он приятеля.

– Лапы себе отгрызть готов, – проворчал Рауф. – В это время нас уже покормили бы, так?

– Ну да. Если бы сегодня ты опять выжил в железной воде. Ты, помнится, говорил, что они собирались в конце концов тебя утопить...

Круча неожиданно кончилась. Здесь, на высоте, ощущался даже легкий ветерок. Туман заструился и потек мимо псов, создавая иллюзию движения, даже когда они стояли на месте.

Вымокшие, усталые и отчаянно продрогшие, они улеглись наземь, понятия не имея, как быть дальше.

– Теперь мы даже не нашли бы дороги назад к белым халатам, – сказал Рауф погодя. – Ну, если бы захотели вернуться...

– С какой это стати?

– Человек-пахнувший-табаком наши порции небось приносил. А люди, которых мы сегодня видели, кормят только свои грузовики и своих собак... или других животных, которм причиняют боль... Таких, как мы. Если тебе не собираются причинять боль, тебя, стало быть, и кормить не станут!

– Так ты что, хотел бы вернуться?

– Не знаю. Без еды нам так и так не прожить. Слушай, а зачем мы сюда вообще забрались? Тут, по-моему, никто не бывал с тех самых пор, как люди сделали это место... не знаю уж когда...

– Его создали те люди с грузовиками. И сюда никто не решается забираться, потому что все боятся с голоду помереть. Даже ихний человек-пахнувший-табаком, который разносит еду. Когда он хочет спуститься, то прыгает прямо вниз, в воду, чтобы сапоги не запачкать. Понимаешь, он превратился в ветер. И своих животных он носит подвешенными к поясу. Он весь одет в красные листья, а кормит их червяками. Он раскуривает свою трубку от молнии, а шапка у него из кошачьего меха...

– Если он явится сюда, – сказал Рауф, – я буду с ним драться. Я его пор-р-рву...

– Он сюда не придет. Он заблудился в саду и вышиб мне мозги, пока искал выход.

Наступила ночь, очень тихая и темная. Только дикая утка пролетела над их головами, и хлопанье ее крыльев замерло где-то вдалеке. Сонный жук свалился с камня и остался лежать на спине, не в силах перевернуться и уползти. Никаких других звуков, выдававших чье-либо присутствие, не было слышно.

Прошло довольно много времени, когда Рауф поднялся и, вытянув морду, стал так напряженно всматриваться куда-то в даль, что Надоеда невольно повернул голову в ту же сторону, гадая, какого нового врага послала им судьба. Однако ничего не было видно, и фокстерьер хотел уже окликнуть Рауфа, но тот вдруг, не оборачиваясь, пролаял во тьму, словно обращаясь к кому-то:

– Я знаю, что я трус и беглец! Я пес, который не смог делать то, чего хотели от него люди! Но я не собираюсь просто лежать здесь и подыхать! Помогите нам! Помогите!..

Потом он быстро повернулся и ткнулся носом фокстерьеру под брюхо.

– Мы пробовали делать по-твоему, Надоеда. Давай теперь попробуем по-моему! Та мышка была не единственной, кто научился обходиться без людей. Мы сможем *измениться*, если захотим! Сможем одичать! Понимаешь?! Стать дикими зверями. – Вновь вскинув голову, он провыл в невидимое, затянутое сырой мглой небо: – Будь прокляты люди! Все люди! Измениться! Мы должны измениться!..

Кругом по-прежнему царил тишина и не ощущалось никакого движения, но терьер внезапно уловил приближение густого, воистину дикого запаха. Запах этот показался ему очень древним. Он восходил как будто из недр земли под лапами пса – жуткий, кровавый, запах, полный первозданной свирепости, от которого веяло короткой жизнью и быстрой кончиной слабейшего, разорванного на куски торжествующим врагом или собственной стаей, не ведающей жалости и пощады.

От этого запаха, проникшего в самую сердцевину его существа, голова у Надоеды пошла кругом, он вскочил, нетвердо держась на лапах, и кинулся прочь по холодным камням, не разбирая дороги. Рауф стоял неподвижно, чего-то ожидая, и, казалось, даже не заметил бегства приятеля. Вскоре фокстерьер остановился, вернулся, робко поджав хвост, и обнюхал косматую черную шубу Рауфа словно впервые.

– Рауф?..

– Сова и крыса, землеройка и ворона, – хрипло бормотал большой пес. – Только старше и злее...

– Разве ты сова, Рауф? Или крыса? Я что-то в толк не возьму...

Рауф опустил морду к земле.

– Очень давно, – проговорил он. – Лютый отец, а мать и того свирепее. Куда злее людей. Убивай, или будешь убит...

– Рауф...

– Волк и ворона. Овцы с ягнятами, запертые в овчарне. Разметать овчарню, набить брюхо. Челюсти крушат, клыки рвут... – И он зарычал, царапая землю когтями. – Как совы, только злее. Как крысы, только хитрее...

Оскалившись, он улыбнулся Надоеде. Из пасти у него капала густая, пеннистая, остро пахнущая слюна. Терьер прижимался брюхом к земле в знак полного подчинения – и ощущал, как в нем самом пробуждается древняя, неукротимая, вроде бы давно утраченная, но оказавшаяся неистребимой сила, хитрая и беспощадная, гонимая голодом и живущая лишь для того, чтобы вынюхивать, преследовать, убивать, пожирать. Надоеда нырнул навстречу этой силе, заливаясь слюной и мочой в экстазе радостного повиновения, и она захватила его целиком, так что он тоже принялся кусать и царапать каменистую землю. Туман превратился в дурманящие испарения, которые в действительности исходили из его покалеченной головы. Надоеда сам чувствовал себя существом, которое соткано из тумана, высшей мудростью предназначенного укрывать охотника от намеченной жертвы. Туман окутывал долины между холмов, где совсем недавно люди прятались в мазанках и пещерах, пытаясь оградить себя от острых зубов хищных четвероногих недругов, кравшихся во мраке, – недругов, которых они не могли увидеть, покуда те не бросались из темноты на их скот и на них самих.

– Еда, Рауф! Еда, Рауф! Убьем ее! Убьем! Убьем!

– Да. Пойдем и убьем, – сквозь зубы ответил громадный черный вожак.

– Людей? Людей?

– Людей или их животных.

– Куда мы отправимся, Рауф? Куда?

– Туда, куда ведет меня запах...

Поспешая за Рауфом, Надоеда сперва чуял только пустоту высокого перевала и мокрую траву, словно бы сплошь укутанную бисерным покрывалом... Глаза и уши тоже ни о чем ему не рассказывали, да и нос бессилён был определить внятное направление. Запахи листьев, соли, дождя, вереска, папоротника, камней наплывали одновременно отовсюду и ниоткуда, и все их перекрывал запах клубящегося тумана. Возможно, внизу журчал ручей, но ватный туман поглощал его голос. Возможно, вверху продолжали гореть звезды, но их свет не достигал земли. Тьма, окружавшая собак, не была простой темнотой. Скорее их окутывала непроглядная пустота. Надоеда смутно понимал, что Рауф вызвал на помощь силу, принадлежавшую им по древнему праву и в то же время внушавшую ужас как людям, так и зверью, – ибо эта сила дышала первобытной жестокостью, не ведавшей моральных запретов. В обмен на призрачный шанс случайного выживания ты связывал себя единственным в мире законом – убивай, не то сам будешь убит! Надоеда вдруг понял, каким образом получалось так, что, хотя они с Рауфом продвигались вперед, камни, редкая трава и скалы вокруг ничуть не менялись, и почему он не мог уловить направление ветра, отличить дождь от тумана и глухую тьму от звездного света. Ибо они двигались сквозь время – двигались туда, где собаки и люди знали друг для друга одно слово: «враг»! Враг, которого надо оборотить, перехитрить и убить! Острые сполохи боли вспыхивали и гасли у Надоеды в голове. Влажный воздух не проникал в легкие. Фокстерьер озирался кругом – и с ужасом видел, что они с Рауфом уже не одни. Бок о бок с ними сквозь туман бежали другие животные. Призрачные твари с настороженными ушами, болтающимися

языками, пушистыми султанами хвостов – молчаливые, хищно-внимательные, знающие, что смогут заполучить только то, что удастся схватить, разорвать, отстоять в драке и затем проглотить.

– Рауф!.. – прошептал фокстерьер. – Кто это? Куда мы попали?..

Большой пес, не отвечая, вдруг прыгнул вперед. Мелькнув между двумя валунами, он помчался вниз, туда, где скалы прикрывали каменистую площадку. Надоеда услышал его рык. И еще – судорожное биение тяжелого тела. Терьер прыгнул в расщелину, и в этот момент Рауф отпрянул и сшиб Надоеду. Рядом простучали копыта, загремели осыпающиеся камни, и овца исчезла во тьме. Рауф поднялся и выплюнул клочок шерсти. У него шла кровь.

– Шустрая слишком, – пробормотал он недовольно. – Не ожидал. Не удалось за глотку схватить.

– Ты хотел убить? Это... это... это здесь они убивают?

– И едят, – сказал Рауф. – А если не убьют, то голодают. Пошли.

Он снова начал принюхиваться, взял след и нашел добычу. И снова та увернулась от разящего прыжка, и черный пес кинулся в погоню по головокружительной круче. Надоеда скоро потерял его из виду и побрел наугад, хромая и взлаивая, пока почти случайно не наткнулся на Рауфа: тот лежал в расщелине, зализывая окровавленную переднюю лапу.

– Не бросай меня, Рауф! Это место пугает меня! Если я потеряюсь здесь и останусь один... совсем один...

– Очень уж они проворные, – сказал Рауф. – И сильные. И еще они очень хорошо знают эти холмы...

– Те собаки... Ну, которых мы встретили сегодня под вечер, – робко начал терьер.

– Чтоб им провалиться!

– Да, ты прав, но... погоди... сейчас мысль откопаю... Ага! Вот! Если одна собака гонится за овцой, та от нее убегает куда захочет. А те псы разделялись... я видел... они заходили с разных сторон, и так им удавалось гнать овец к своему человеку. Он их окликал и подсказывал, и так они выполняли то, что он хотел.

Надоеда не знал, понял ли его Рауф, и просто ждал в темноте, тихо тыкаясь носом в мокрую, всклокоченную шерсть приятеля. Наконец тот отозвался:

– Ну и?..

– С разных сторон, – повторил Надоеда. – Две собаки с разных сторон. Одна гонит, вторая ждет. Знаешь, я как-то ловил на улице кошку... Она было удрала, завернула за угол – а там как раз другая собака!

– И что?

Рауф в мрачном нетерпении скреб лапами камни. Надоеда смутился, чувствуя, что теряет нить:

– Кошка... да... Она уплыла по сточной канаве, а меня сдуло ветром вместе с осенними листьями. Та вторая собака несла в зубах хозяйскую ногу... а потом появился грузовик... Ох, моя голова!..

Когда Надоеда пришел в себя, кругом была все та же темная пустота, а Рауф заботливо вылизывал ему морду.

– Только не кусай меня, Рауф! Я видел овцу! Она была как кошка! Она свернула за угол, а там ее поджидал ты!

– Я понял, – сказал Рауф. – Пошли.

Они вновь пустились на поиски, сперва карабкаясь по склону, а потом, когда увидели свежий овечий помет, – по узкой тропинке, где им удавалось идти только гуськом.

– Их там две, – вдруг сказал Рауф. – Прямо перед нами, недалеко. – Он вновь понюхал воздух и молча сошел с тропы. – Я буду ждать вон за той скалой.

Дальнейшие разговоры были излишни. Надоеда знал, что им следует делать, и понимал, что Рауф тоже это знает. Ибо Рауф тоже увидел кошку, завернувшую за угол. Увидел, потому что они больше не были разными существами. В самой их природе, как оказалось, было заложено умение сливаться и расходиться, как сливаются и расходятся гонимые ветром облака, как перемешиваются и разбегаются по руслам воды ручьев, повинувшись земной тяге. Им было свойственно то же чувство, которое заставляет сотенную голубиную стаю разом поворачивать в полете, а пчелиный рой – сообща нападать на противника, приходя в ярость от запаха, принесенного ветром. Утратив самость, Надоеда и Рауф стали единым существом, способным находиться в двух местах одновременно, и теперь это существо собиралось добыть себе пищу. Сейчас оно таилось за скалой, готовясь к прыжку, – и оно же тихонько пробиралось в траве, поднимаясь все выше, чтобы обойти овец на тропе и подкрасться к ним сзади.

И вот она, тропа, вот он – крепкий, сладкий запах овечьего дыхания и шерсти, вот они, округлые тени в тумане...

Надоеда взорвался яростным лаем и устремился вперед. Обе овцы тотчас повернулись и кинулись наутек. Одна из них заблеяла и рванула напролом по круче. Вторая осталась на тропе. Преследуя ее, терьер неведомо как – носом? ушами? – уловил предупреждение сопровождавших его призрачных охотников: «Первая овца убежала вниз по склону холма, потому что ты бросился на них слишком внезапно и перепугал до смерти. Не спеши! Пусть эта вторая бежит спокойной трусцой и никуда не уходит с тропы».

Надоеда остановился и зарычал, потом отрывисто залаял. Он слышал, как цокают удаляющиеся копытца. Вот плеснула неглубокая лужа, покатались камешки... А потом из-за валуна выпрыгнул Рауф и погрузил клыки прямо в горло добычи. Терьеру почудилось, будто тяжелое тело снесло с ног его самого. Кто-то кого-то тащил, волок, валял по камням; кто-то бился, извивался, брыкался... Фокстерьер бежал сквозь тьму, ориентируясь на звук. Там, впереди, была кровь. Горячая, дымящаяся кровь. Горячее, перемежающееся глухим рыком дыхание. Тяжелая поступь нетвердых, слабеющих ног. Кровь, впитываемая в шерсть. Задушенный хрип где-то там, впереди...

Где?

Ага! Вот они!

Рауф был внизу, где пахло кровью, пометом и ужасом овцы, бившейся в предсмертной агонии. Надоеда укусил ее в голову, успев заметить судорожно разведенные челюсти и выпученные глаза. Потом он увидел край раны на ее горле, запустил туда зубы и рванул что есть силы. Из овечьей шеи внезапно ударил густой фонтан крови, заливший ему всю морду. Клок шерсти вперемешку с кожей и мясом остался у него в зубах – терьер завалился назад, вскочил и вновь сделал захват. На этот раз он ощутил замирающее биение пульса, и вот добыча затихла. Рауф уже вылезал из-под овцы – огромная глыба окровавленного черного меха. Надоеда облизнулся и почувствовал на языке смесь овечьей и собачьей крови. На левом боку Рауфа виднелась большая царапина, на его передней лапе красовалась рваная рана. Черный пес мощно толкнул терьера своим телом.

– Рви! – сказал он и повторил: – Рви!

Они сообща разодрали брюхо овцы и выволокли дымящиеся внутренности. Потом обглодали ребра. Слегка подрались из-за печенки. Сжевали теплое, влажное сердце. Рауф вцепился в заднюю ногу, отгрыз ее от туши, одолев сухожилия со шкурой и вывернув шар сустава, и улегся смаковать окровавленную кость.

В этой ночи, где других снедал страх, псов неожиданно наполнило чудесное тепло, а с ним пришла и уверенность. Надоеда принялся бегать от скалы к скале, оставляя повсюду свои метки:

– Пусть знают, кто здесь на самом деле хозяин!

Рауф, свернувшийся на окровавленных камнях, точно в уютной корзинке, сонно приоткрыл один глаз:

– Знают? Кто?

– Если здесь еще раз появятся те овчарки, Рауф, мы их на части порвем, правда ведь? Разгрызем, как печенье! Эй, что тут за крошки? А это крошки собак! Собак, которые оказались слишком беззаботны! Слышишь, Рауф, я не знаю забот! Вот! Вот! Полный живот!

Деяние, которое они совершили, было преступным. И приводило в сумасшедший восторг. Перед ними распаивалась дикая жизнь, полная ярости, крови, опасностей, невероятных случайностей, мерзости и бесчестья, отчаянного мужества и лицемерия... Это что, лопатка овцы, отдавшей концы? Шерсть по скалам, измазанная калом. Учись, Рауф, в папоротниках алых, встанем брат за брата, нет нам возврата... Убийцам овец приходит скорый конец, подольше жить чтобы, смотри в оба. Облака в луже, а у фермеров ружья. Чуть какой запах – уноси лапы! Если все тихо – не проспи лиха! Окровавил морду – и глядишь гордо? Пропадешь сдуру, береги шкуру!

Что до Рауфа, он еще не успел в полной мере ощутить себя диким зверем, но ему было ясно, что они с Надоедой претерпели очень важную перемену. На душе у него сделалось беспокойно, он поднялся и принялся расхаживать, трогая носом землю, вслушиваясь, вскидывая голову и нюхая воздух.

Туман в Озерном Крае имеет свои повадки. В самый ясный вечер он может затянуть все вокруг с быстротой стаи грачей, опускающейся наземь из поднебесья. Гуляющему по холмам едва хватит времени, чтобы торопливо выхватить компас, освободить иглу и дожидаться, пока она укажет на север. И все, и закружилась ледяными прядями белая мгла, и уже кажется, что каменные пирамиды, выложенные для ориентировки, начинают водить хоровод, а жерла ущелий готовы оборваться в безвоздушную пустоту. А потом туман так же стремительно рвется и расплывается, словно поспешно вскрываемый конверт, полный дурных известий.

Сперва Надоеда увидел звезды. В зените стоял яркий Денеб, а издали подмигивал угрюмый Арктур. Небесные огни то возникали, то снова скрывались в тумане. Чуть погода неслышно дохнул ветер, пахнувший водорослями и солеными брызгами на песке, – и белое звуконепроходимое одеяло унеслось неведомо куда. Все изменилось настолько внезапно, что Рауф инстинктивно спрятался под скалу, словно опасаясь показываться при ярком свете луны на том месте, где они совершили убийство.

Как выяснилось, они находились чуть ниже верхней границы седловины Леверс-Хауз. Здесь проходил водораздел, причем по обе стороны разверзались такие высокие и крутые обрывы, что свободно пасшиеся овцы исключительно редко перебирались из одной долины в другую. За лето таких набиралась сущая горстка, не больше полудюжины. Когда овец сгоняли всех вместе, беглянок обычно определяли по отметкам на ушах и передавали хозяевам на сходке пастухов возле Уолна-Скара.

В тумане собаки миновали водораздел и находились теперь на стороне Даннердейла. Южнее нависал мрачный восточный склон Доу-Крэга – изборожденная трещинами стена, погубившая немало опытных скалолазов, в том числе одного, тренировавшегося в Кашмире. К северо-западу вздымалась плоская вершина Серого Монаха, а прямо внизу лежала горная долина, которую пастухи Ситуэйт именовали попросту Бездорожьем. И все ручьи здесь бежали в каровое озеро, называвшееся Ситуэйт-Тарн.

Ветерок ерошил поверхность озера, пуская по нему неровные осколки лунных бликов. Маленькие волны бежали от заболоченного устья большого ручья к глубокой воде у выпуклого изгиба запруды. С расстояния мили ночной пейзаж казался безмятежным даже подозрительному Рауфу, хотя на самом деле там могли таиться и жадная Харибда, и обманчиво замершие

Симплегады²⁸. На целую милю вокруг, от края до края долины, не было заметно никакого движения, только прыгали с камня на камень пенистые ручьи – и тем не менее псы, глядевшие с каменной площадки, где пролилась кровь их добычи, внимали неясному предупреждению все той же древней, дикой, опасной силы. Обоим казалось, что они выбрались из укромного логова на слишком открытое и ненадежное место, где их могли увидеть чужие, недружественные глаза.

Воодушевление Надоеды вспыхнуло и потухло, словно отгоревшая спичка. Он задумчиво скреб когтями заклеенную пластырем голову, разглядывая пустынное дно долины.

– Мы тут как птички на лужайке, Рауф, – сказал он. – Как мухи на окошке. Сейчас луна спустится вниз и прогонит нас обоих.

Рауф задумался над его словами:

– Ну да, может появиться человек. Откуда нам знать? Ведь те, другие овцы, которых мы видели днем, принадлежали человеку. Значит, и эта была чьей-то. И у человека, который появится, может оказаться ружье, как говорили те овчарки.

– Это их хозяин придет?

– Или другой, какая разница. Короче, надо отсюда уходить.

– Но куда?

– Не знаю, Надоеда. Они, я смотрю, свои баки с водой всюду понаставили. Вон там, внизу, еще один поджидает...

– Погоди, Рауф, ты ведь помнишь, что белые халаты никогда не появляются ночью! У нас уйма времени, чтобы найти себе убежище. Мы уйдем туда от солнца, мы запрыгнем сквозь оконце, человек ружье несет, только он нас не найдет...

Рауф вздохнул, выпустив облачко пара:

– Убежище? Может, они прямо сейчас на нас смотрят...

– Это каким образом?

– Ну, может, у них есть такая штука, через которую далекие вещи кажутся ближе? Вдруг они засели во-он там и нас разглядывают?

– Да ладно тебе, Рауф, что ты несешь! Они правда много чего умеют, они могут исчезать, выдыхать огонь, создавать свет и всякую всячину, но это уже чересчур!.. У тебя воображение слишком разыгралось!

Черный пес широко зевнул и облизал брылы. Надоеда увидел, что в зубах приятеля застряли клочки мяса и овечьих сухожилий.

– Ну хорошо, – сказал Рауф. – Пошли вниз, ведь все равно разницы нет. Если только у меня получится...

– Что значит – если получится?

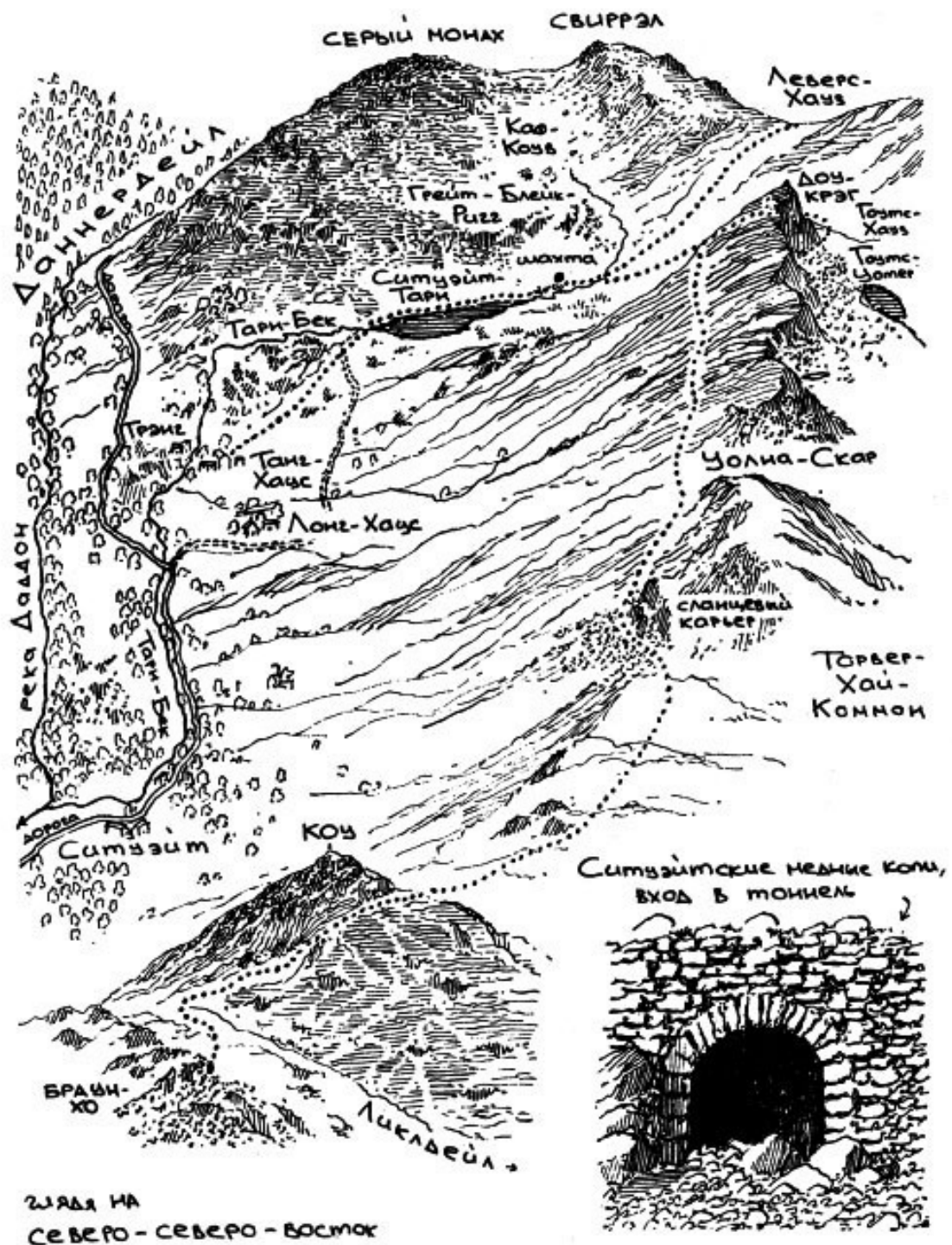
– Да я так избит, что все кости трещат. Я висел, вцепившись зубами, а эта тварь меня молотила обо что ни попадя. Не веришь, в следующий раз сам попробуй... Я, конечно, пойду, только медленно!

Так они и двинулись вниз по склону. Рауф то и дело оступался, ковыляя на трех лапах. Надоеда, который в одиночку спускался бы в два раза быстрее, беспокойно сновал туда-сюда, то суя нос под камни, то оглядывая пустынную долину. Шум далеких ручьев затихал и вновь возвращался, эхо дробило его, и даже далекое, отлого вздымавшееся плечо Серого Монаха словно колебалось в воздушных потоках. «А может, – думал Надоеда, – это у меня кружится голова, потому что я засмотрелся в освещенную луной тьму».

²⁸...и жадная Харибда, и обманчиво замершие Симплегады. – Харибда – обычно упоминаемое в паре со Сциллой чудовище из греческих мифов, персонификация опасного водоворота; Симплегады – движущиеся скалы из греческих мифов, способные раздавить корабль, доверчиво вошедший в пролив.

Суббота, 16 октября —
четверг, 28 октября

от ЛЕВЕРС-ХАУЗА
до
БРАУН-ХО

Когда под лапами зачавкал сырой мох долины, иллюзия улетучилась. Земля здесь была торфянистая, пропитанная водой. Надоеда все убеждал Рауфа идти быстрее, хотя никакой ясной цели впереди не просматривалось. Дальше озера вообще ничего не было видно. Даже вершины отсюда выглядели не так, как с водораздела, — такими бесформенными горбами на фоне лунного неба.

Рауф остановился поплакать водички из лужи, потом улегся, подмяв тростники.

– Хватит с меня, – сказал он. – Ты иди, Надоеда, если охота. А я отсюда никуда не двинусь, по крайней мере до завтра.

– Но если ты уснешь прямо здесь, Рауф... на открытом месте...

– А где лучше? По мне всюду одинаково. Или мы что, куда-то спешим? Мне надо передохнуть, Надоеда. Лапа болит.

– Нас поймают, тра-ля-ля, скажут – крали со стола...

– Надоеда, отстань!

Рауф ощерился. Терьер уловил запах боли, усталости и раздражения и проворно отбежал прочь, устремившись в заросли тростника. Ему вдруг показалось, что бросить Рауфа было бы самым разумным и правильным. Надоеда все равно не мог ничем ему помочь. Он не то чтобы устал, ему просто не приходило в голову, что еще можно придумать. Зато он начал осознавать всю глубину собственного неведения – оно было словно болото, а безумие, владевшее терьером, казалось стоячей водой в его голове. И Надоеда ничего не знал об этой искусственной, созданной человеческими руками дикой стране. Что может здесь появиться? В какой момент? И откуда? Что таится за границей его восприятия? Впрочем, даже если бы он мог видеть в этой тьме, все равно оставалось бы неясным, что с этим делать.

Когда-то у него был хозяин, был дом. Потом – ну, после грузовика – он оказался в виварии Ж.О.П.А. Там был человек-пахнувший-табаком. И белые халаты с ножами, порывшиеся у него в голове. Они с Рауфом удрали оттуда. Но вся их хитрость, мужество, воля и ум на поверку оказались тщетны. Им все равно некуда было идти, и они не знали, как им жить дальше. Он вспомнил, как Рауф, еще находясь в виварии, говорил, что там, за дверью, может быть еще хуже, чем внутри. Так и получилось. Правда, пока к ним вроде бы не подкрадывались враги, но с самого момента побега они не встретили и ни единого друга, ни двуногого, ни четвероногого. И хотя ничего не случилось с ними после убийства овцы, Надоеда интуитивно чувствовал: они совершили преступление и рано или поздно оно будет обнаружено. И тогда их не простят. Нашпигуют свинцом, как выразилась та овчарка.

Так, может, просто положить конец страху и беспокойству? Признать, что у них не было иного выхода, кроме как терпеть любой произвол белых халатов? Ведь Рауф так с самого начала и говорил. Он пошел за ним, Надоедой, хотя и считал, что все это зря, – пошел просто потому, что не мог больше видеть железный бак с водой. И куда же им теперь идти? Что делать? Что вообще можно предпринять в таком месте, как это? Похоже, они так и будут бесцельно бродить, покуда какой-нибудь фермер их не пристрелит или не поймает, чтобы вернуть белым халатам.

А если решиться все прекратить? В какой хоть стороне проклятый виварий? «Простите, сэр, вы не подскажете, где тут белые халаты живут? Вы не видели тут где-нибудь улицы, магазина, дома, помойки? А то я, знаете ли, потерялся. Мне раскроили башку, и я туда провалился. А потом разбрызгал последние мозги, силясь вылезти. Листья плавают в черном молоке. Я заплутал и дорогу ищу. Только нет, это не дорога домой. Нельзя называть это домом...»

Ручей, пересекавший Мшаник, был довольно широким – добрых пять футов в том месте, где оказался Надоеда, – и ощутимо глубоким с его стороны. Фокстерьер засмотрелся на бегущую воду... и вдруг заметил в ней отражение человека у себя над головой. У человека были седые волосы, он был одет в старое коричневое пальто и желтый шарф, держал в руке прогулочную трость и складывал губы так, словно собирался свистнуть. Вот он наклонился, протягивая руку, чтобы погладить Надоеду...

Пес крутанулся на месте и с радостным лаем вскинулся на задние лапы, желая поскорее ткнуться мордой в хозяйскую ладонь.

Позади никого не было. Надоеда завалился вперед, только чавкнул торфяник.

«Вот бы это прекратилось. Насовсем. Я думал, такого больше не будет. А оно происходит, и я опять попадаюсь. Никакой памяти не стало. Я всякий раз обещаю себе, что больше не стану

обращать внимания, но ничего не получается. Нет, нельзя сидеть здесь и думать об этом. Надо срочно чем-то заняться...»

Бросившись в ручей, Надоеда перебрался на другой берег, взбежал на пригорок и отряхнулся. Влажная земля здесь была точно такой же, как на том берегу ручья, но в двух сотнях ярдов, за краем болота, виднелась насыпь с крутыми склонами и плоской травянистой вершиной. Насыпь эта выглядела столь неестественной, что Надоеда и ее поначалу счел галлюцинацией. Он даже сел и принялся ждать, не появится ли снова силуэт в твидовом пальто. Но вокруг по-прежнему было пусто и тихо, и спустя некоторое время, втайне надеясь на встречу с белым халатом, которому можно было бы сдать, Надоеда пробежал остаток торфяника и одолел крутой подъем.

Наверху он увидел ровную лужайку размером примерно с половину теннисного корта, совсем пустую, если не считать небольших камней. Однако в дальнем ее конце, где отвесной стеной поднимался Грейт-Блейк-Ригг – южный склон Серого Монаха, Надоеда заметил темное отверстие, обрамленное каменной аркой. Это явно был вход, но вход без двери, шириной примерно в человеческий рост, а высотой в целых два. И вел этот ход, очевидно, под землю, прямо в сердце горы.

Надоеда даже сел от удивления. Изнутри не доносилось ни единого звука, и он не ощущал никаких следов человеческого присутствия. Пес принялся. Нет, человеком здесь точно не пахло.

Фокстерьер осторожно приблизился. Внутри подземелья гулял только ветер, вздыхавший между каменных стен. «У него тоже сад в ухе, – рассудил про себя Надоеда. – Но там точно никого нет. Разве что затаились или спят. Или еще как-то скрываются от моего носа...»

Изнутри пахло только голыми камнями и еще сыростью. Терьер вполз внутрь почти что на брюхе, прижимаясь к стене, готовый к немедленному бегству.

Он оказался в обширном, пустом тоннеле, размеры которого соответствовали ширине входа. Высокий арочный потолок, выложенный из плотно пригнанных друг к другу камней, чистый сухой пол из таких же камней, но лежавших более свободно. Иные камни покачивались под лапами пса, но в целом пол был ровным. Тоннель уходил куда-то в недра горы и, судя по движению воздуха и отдаленному эху, на изрядную глубину.

Озираясь по сторонам, Надоеда двинулся вперед. Свет, шедший от входа в тоннель, постепенно слабел, но больше ничего не изменилось. Коридор тянулся все так же ровно – округлый потолок, мощный пол. Потом с одной стороны открылся боковой ход. Надоеда остановился, чтобы прислушаться и приняться. Воздух в этом боковом тоннеле показался ему сухим, прохладным, но не промозглым, и, по-видимому, сам ход был не очень глубок.

Здесь Надоеда решил повернуть обратно. Оглянувшись, он увидел темно-синий контур выхода и мерцающую посредине одинокую звезду.

Еще через полчаса Надоеда отыскал Рауфа. Тот лежал на прежнем месте – в тростниках, под кустиком болотного мирта, и мирно спал. За время отсутствия терьера начал моросить легкий дождик, но луна, клонившаяся к западу, еще виднелась среди облаков.

– Рауф, просыпайся! Слушай-ка, что я расскажу!

– Ты почему не ушел? Я же велел тебе уходить. Я думал...

– А я и ушел. Я нашел для нас мышиную норку, Рауф! Сточный желоб в полу! Настоящий! Мы станем мышами...

– Да отвяжись ты от меня, наконец, щенок безмозглый!..

– Белым халатам не поймать мышку, старина Рауф! В рододендронах нам ничто не грозит... То есть в дыре под полом...

– Жаль, что они тебе голову распотрошили, а не совсем отрезали! Сколько можно нести чушь! У меня лапа отваливается, а ты...

Надоеда сделал последнее отчаянное усилие:

– Я правда нашел место, Рауф! Потайное, безопасное и сухое! Там нет дождя! Там они нас не найдут!

– Они?

– Ну, люди... белые халаты... фермеры... кто угодно!

– Почему не найдут, если они сами все тут сделали?

– Если уж на то пошло, они и стоки в полу сделали. Мышка в них пряталась, а нам кто мешает? Рауф, ты же весь вымок...

– Это чистая вода.

– Простудишься и заболеешь. – Надоеда ущипнул его зубами за лапу и проворно отскочил, когда Рауф, зарывчав, с трудом поднялся. – Пошли, я правда нашел нечто очень хорошее!

– Как может быть в таком месте что-то хорошее...

– Пошли. Сам увидишь.

Кое-как Надоеде удалось уговорить Рауфа пересечь ручей и вскарабкаться на травяную насыпь. Луна к тому времени уже скрылась, и вход в подземелье стал почти не виден. Надоеда смело повел приятеля внутрь. Рауф сильно хромал, его когти неровно постукивали по сланцевым плиткам. Добравшись до бокового хода, Надоеда улегся, и вскоре Рауф присоединился к нему.

Довольно долго они молча лежали на сухих камнях. Затем Надоеда спросил:

– Как ты думаешь, если мы продолжим добывать себе еду убийством, у нас будет шанс? Нора ведь глубокая... как та дыра в голове... здесь тепло, ветер не задувает... мы могли бы уйти еще глубже, если понадобится. И никто нас здесь не найдет...

Рауф, растянувшийся на боку, сонно приподнял голову:

– Двигайся поближе, теплей будет... Может, это все же ловушка, вдруг сейчас войдет белый халат, поднимет руку к стене и сделает свет...

– Тут совсем не пахнет людьми.

– Верно. Они сделали это место, а потом ушли. Или это что-то типа сточной трубы...

– Нет, это точно не сток, – сказал Надоеда. – И мы должны все время помнить про это. Белые халаты не могут проникнуть в стоки. Даже человек-пахнувший-табаком не может... Но сюда они легко войдут, если захотят. К примеру, когда мы будем спать. Поэтому они нипочем не должны узнать, что мы здесь поселились.

– Если они уже не знают. Если не наблюдают за нами прямо сейчас.

– Да, но... я каким-то образом чую – они про нас не знают. А как тебе кажется?

Рауф долго не отвечал.

– Я верю... – проговорил он наконец. – Я почти не смею в это поверить, но мне все-таки верится, что ты прав, Надоеда. А коли так...

– Ну?

– Коли так, значит мы все-таки правильно сделали, что убежали. Остается доказать – хотя бы самим себе, – что собаки могут жить без людей. Мы будем дикими. Дикими и свободными.

Приступ III

Воскресенье, 17 октября

Спустя двенадцать часов, воскресным утром, Тайсон, не то чтобы сняв шапку (это было бы для него столь же немислимо, как для Санта-Клауса – сбрить бороду), но сдвинув ее на затылок почти вертикально – таким загадочным знаком затаенного почтения, – стоял перед мистером Пауэллом возле комнаты отдыха персонала Лоусон-парка.

– Ну да, эти двое взяли и пропали неизвестно куда, – объяснял он уже во второй раз. – Я решил, лучше уж я перво-наперво сам вам сообщу. Типа того, что нигде в виварии их нету. Смылись, короче. Только вряд ли далеко ушли, небось где-нибудь поблизости ошиваются...

– Вы уверены, что их нет в здании? – спросил мистер Пауэлл. – Я хочу сказать, что решительно не представляю, как они могли выбраться наружу. Вы точно все проверили? Они не спрятались где-нибудь в дальнем углу?

– Нет, – сказал Тайсон. – Я все осмотрел, нету их. Я и рядом со зданием поглядел – тоже нету. Хотя говорю же, навряд ли они ушли далеко.

– Хорошо бы нам удалось отыскать их прямо сегодня, – сказал мистер Пауэлл. – Нам с вами, я имею в виду. Тогда можно было бы и не докладывать о случившемся доктору Бойкотту или мистеру Фортескью. Тем более что их обоих не будет до завтрашнего утра. В общем, на поимку у нас с вами сутки.

– Их наверняка кто-нибудь видел, – сказал Тайсон. – Кормили-то их последний раз в пятницу вечером! Небось жрать захотели, может, где попрошайничают... – Он помолчал и добавил: – Или, чего доброго, взялись гонять овец в холмах. Вот это было бы скверно! Это ведь незаконно – если собака беспокоит овец, как бы владельца не привлекли...

– Господи!.. – вырвалось у мистера Пауэлла, который был неприятно поражен внезапно открывшейся перспективой персональной ответственности. – Ну-ка, расскажите еще раз, как вы обнаружили их отсутствие.

– Ну, значит, я и говорю, являюсь я вечером в субботу, как всегда, зверье покормить и все такое, – начал рассказывать Тайсон. – И первое, что вижу, – это что того здорового черного пса, ну того, семь-три-второго, в клетке нету! Смотрю, а дверка-то открыта, и у замка пружина лопнула. Сломалась она, должно быть, где-то уже после пятничного вечера, поскольку тогда все точно было нормально...

На самом деле Тайсон кривил душой. Запирающий механизм сломал он сам – поддел большой отверткой и надавил. Не то чтобы он боялся увольнения или так уж переживал, что получит выволочку от директора или доктора Бойкотта. Скорее он бессознательно пытался задним числом изменить случившееся. Пружина ведь могла лопнуть сама по себе? Могла. Усталость металла, знаете ли. Или дефект изготовления, что тоже бывает. И тогда никаких вопросов о том, как собаки выбрались из вольера. И раз она оказалась сломана – хотя бы постфактум, – значит вот вам и причина побега, и можно понапрасну не ломать голову. Во всяком случае, сам Тайсон в это верил. В его мире уж если что случилось, значит случилось, и доискиваться причин было пустой тратой времени. Если бы, к примеру, обнаружить пропажу выпало Тому и он Тайсону о ней рассказал, старик, по всей вероятности, вклеил бы ему затрещину и как следует отругал, не особенно интересуясь, был ли Том виноват (той же логикой руководствовались древние ацтеки, которые казнили гонца, доставившего дурные вести), а уж потом стал бы сообщать, как все исправить.

Так или иначе, теперь пружина всяко была сломана. Невелика важность. Если уж на то пошло, судьба пружины вполне соответствовала судьбе всего исследовательского центра. Разрешение на его планирование тоже добывали у министра задним числом.

– Да, но как же второй пес? – спросил мистер Пауэлл. – Восемь-один-пятый? Он-то каким образом вылез?

– А под сетку пролез, – объяснил Тайсон. – Носом приподнял и прошмыгнул. Я посмотрел, там внизу пара скоб отошла. Он и протиснулся, он же что, маленький...

– М-да, нелегко будет все это объяснить, – вздохнул мистер Пауэлл. – Этот восемь-один-пятый был очень ценный экземпляр. Взрослый, домашний пес – такого непросто заполучить для исследований! Ему сделали сложную операцию на мозге, собирались тестировать... Ты представляешь хоть, сколько это все стоит?

– Да я, я что, я же перво-наперво побежал вам рассказать, – согласно закивал Тайсон. – Вчера вечером тут никого не было... – Этим Тайсон пытался намекнуть (и небезуспешно, поскольку мистер Пауэлл, в общем-то, годился ему во внуки и вдобавок тщетно пытался скрыть – зачем, кто бы знал? – свое родство с людьми из той же среды, что и Тайсон), что он был в субботний вечер единственным сотрудником Лоусон-парка, добросовестно исполнявшим свои обязанности. – Ну, так нынче утром я сразу и пошел посмотреть, на месте ли мистер Бойкотт. В общем, коли это все, так я пошел...

Дескать, пусть кто угодно отправляется на поиски беглецов, только не Тайсон. Он не собирается тратить на это свое законное воскресенье.

– И еще вы сказали, что они весь виварий прошли? – спросил мистер Пауэлл.

– Ну да. Там ящик с мышами перевернули – в отделении, где для залетевших девок что-то исследуют. А кто еще ее мог свернуть, если не те два кабысдоха?

– Вот черт! – воскликнул мистер Пауэлл. Воображение уже рисовало ему, какой оборот примет переписка с практикующими медиками и иными чиновниками, которые представляли интересы предположительно беременных молодых женщин. Неожиданная мысль поразила его, и он быстро спросил: – Тайсон, так они и в раковом отделении побывали? Где крысы?..

– А как же? Конечно побывали.

– Но хотя бы в лабораторию доктора Гуднера не влезли? – быстро спросил Пауэлл.

– Нет, там все крепко-накрепко запирается. Туда вообще никто, кроме самого доктора Гуднера, не заходит.

– Мистер Тайсон, скажите откровенно: вы абсолютно уверены, что они туда не вломились?

– Ну да, да. Самого его спросите, он подтвердит.

– Значит, слава богу, нам повезло, – выдохнул мистер Пауэлл. – Иначе... да что говорить, это был бы финиш. Ладно! Пойду сам взгляну на виварий, а потом, если собаки не объявятся, поспрашиваю снаружи. Может, встречу того, кто их видел. Полицию покамест не будем оповещать. Вернется директор, пускай он и решает, надо ли... Черт возьми! – выругался мистер Пауэлл. – Их непременно должны были заметить! На них зеленые ошейники – издалека видно! Думаю, нам скоро кто-нибудь позвонит... Что ж, мистер Тайсон, спасибо большое. Если сами вдруг что услышите, обязательно позвоните в центр и оставьте мне сообщение, хорошо?

* * *

Некоторые полагают, что самый глубокий наш сон лишен сновидений, что они посещают нас лишь в последние секунды перед пробуждением и в эти-то секунды мы успеваем пережить множество событий, которых хватило бы на много минут, если не часов.

Другие склоняются к мысли, что сновидения длятся все время, пока мы спим, – примерно так же, как чувственное восприятие и приобретение нового опыта занимают все время нашего

бодрствования. Другое дело, что вспоминаем мы – если вообще вспоминаем – лишь последние клочки и обрывки своих сновидческих путешествий. Так, если кто-то в ночи пересекает целое море, шагая по дну, ему все равно запомнится лишь зеленый свет на подводных склонах, по которым он в итоге выберется на утренние пески.

А третьим кажется, что в глубоком сне, когда бдительный стражник-разум наконец закрывает глаза, в нашем мозгу падают все затворы и распахиваются двери потайных, древних пещер, где ведать не ведают о таких новомодных вещах, как молитвы или чтение книг. И тогда приступают к делу неисследованные древние силы, дают усталым труженикам отдых²⁹, лечат и возрождают к жизни... Что это за силы, незримые даже для сновидческих глаз, неизъяснимые словами человеческого языка? Мы этого не знаем. Быть может, мы сумеем что-то прояснить для себя, когда умрем.

Иные из этих сил, впрочем, как гласит одна теория, коренятся в недрах психики куда глубже индивидуального рассудка и обладают свойством притягивать к себе разрозненные осколки наших личных воспоминаний. Примерно так, говорят, феи – струйки перетекающей пустоты – любили украшать себя всяческими клочками и остатками драгоценной роскоши, потерянной беспечными людьми. Если так, получается, что сновидения суть бестелесные комки яви, всплывающие, точно пузыри, из глубин сна. Надо думать, их такое множество, что спящий не в состоянии уловить и запомнить их все. Перед пробуждением он просто выхватывает один-два пузырька, примерно так, как ребенок осенью ловит на лету один-единственный лист из целой тучи, уносимой ветром.

Но как бы ни обстояло дело в действительности, до чего ужасным бывает для некоторых возвращение из этих подводных пещер! Господи, только представить себе: вот мы, шатаясь, преодолеваем полосу прибоя и валимся на песок. За спиной у нас – воспоминание о сновидении, а впереди – пустынный или, наоборот, кишачий кровожадными дикарями берег. А ведь волна может подхватить нас и протащить по острым кораллам, и тогда встреча с суши превращается в пытку, от которой мы с радостью сбежали бы назад в океан. Во сне мы подобны амфибиям, способным дышать в водной стихии, но эта стихия в конце концов отвергает нас и вышвыривает вон, да еще и отрезает все пути к немедленному возвращению. Ручейники ползают по дну пруда, укрыв свои тельца домиками, слепленными из всяких обломков, но наступает урочный час, нимало не зависящий от их воли, и они покидают уютное дно и карабкаются, беспомощные и беззащитные, по травяным стеблям к поверхности. Какие опасности подстерегают бедняг в эти последние минуты их водной жизни! Жадные рыбы хватают их, рвут на части, заглатывают целиком! И этого крестного пути им не избежать, они могут только надеяться на удачу. А что потом? Потом они вылезают в ничуть не менее враждебный мир воздуха, где их ждет короткая жизнь насекомых, где снизу, из воды, на них запросто может броситься форель, а сверху – атаковать голодная птица.

Примерно так и мы ползем к утру понедельника. Нас ждут служба, чековая книжка и суровый начальник. Гнетущее чувство вины, подступающей болезни, предчувствие гибели в последней битве или бесчестья поражения. «Пора вставать, – сказал король Карл, последний раз просыпаясь в то далекое холодное январское утро. – Сегодня мне предстоит великое дело!»³⁰ Он был благородным джентльменом и не лил слез о своей судьбе. Но как нам не плакать о нем, мужественно, упрямо и одиноко явившемся на роковой берег, куда сон выбросил его навстречу несправедливой смерти?

...Когда Надоеда проснулся в почти крошечной тьме старой шахты, к нему сразу вернулись привычное чувство невосполнимой утраты и сознание собственного сумасшествия. Глухо

²⁹ ...дают усталым труженикам отдых... – Цитата из трагедии У. Шекспира «Макбет» (акт II, сцена 2, перев. Б. Пастернака).

³⁰ «Пора вставать, – сказал король Карл, последний раз просыпаясь в то далекое холодное январское утро. – Сегодня мне предстоит великое дело!» – Имеется в виду 30 января 1649 г., день казни английского короля Карла I Стюарта.

болела голова, стянутая порванной и промокшей повязкой, которая сползла на глаз. Он тотчас вспомнил, что они с Рауфом были бездомными, бесхозными беглецами, и вся их свобода заключалась в том, чтобы выживать, сколько смогут, в незнакомом и неестественном месте, о природе которого они не имели никакого понятия. Фокстерьер теперь ни за что не нашел бы дорогу назад в исследовательский центр, но даже если бы и нашел – кто сказал, что там их приняли бы обратно? Может, белые халаты и человек-пахнувший-табаком уже решили, что их надо убить.

Надоеда неоднократно видел, как человек-пахнувший-табаком вытаскивал больных собак из вольеров. Но не помнил, чтобы хоть одна возвратилась. Зато он помнил Брота, которого, как и его самого, белые халаты на время усыпили и который, проснувшись, обнаружил, что ослеп. Он несколько часов бродил по своей клетке, натываясь на стены. Потом, в обычное вечернее время, появился человек-пахнувший-табаком – и увел Брота прочь. Надоеде врезалось в память его беспомощное, полное отчаяния тьяканье. Сам-то фокстерьер ослепнуть не боялся, но что, если приступы и видения будут постепенно усиливаться и наконец совсем поглотят остатки рассудка, и вот тогда...

Надоеда даже вскочил со своей лежки на сухих сланцевых плитках:

– Рауф! Рауф, послушай! Ты ведь убьешь меня, правда? Ты сумеешь все сделать быстро. Это будет нетрудно! А, Рауф?

Большой пес проснулся в то самое мгновение, когда теплое тельце приятеля исчезло из-под его бока.

– Ты о чем это болтаешь, рехнувшийся балбес? Ну-ка повтори!

– Да так, ни о чем, – сказал Надоеда. – Я просто к тому, что если вдруг я превращусь в стаю ос... в червяков... если я свалюсь в сточную трубу, ты... Рауф, тебе по-прежнему не по себе?

Рауф поднялся, осторожно поставил наземь раненую лапу, вздрогнул и снова улегся.

– Бегать не смогу, – сказал он. – К тому же я весь избитый, ни в одном месте не гнусь. Надо еще полежать, пока в себя не приду.

– А прикинь, Рауф, если бы все эти камни вдруг превратились в куски мяса...

– Если бы... что?

– А сверху посыпалось бы печенье!

– Ляг и уймись!

– А потом пришло животное без зубов и когтей, состоящее сплошь из конской печени...

– Хорош чепуху пороть! Как такое может быть?

– Ну, я видел, как дождь шел снизу вверх, от земли к облакам. Знаешь, черное молоко...

– Я от таких разговоров слюной сейчас захлебнусь! Прекрати!

– Может, мы с тобой выйдем наружу и... ну, как прошлой ночью, а?

– Я сейчас не смогу, Надоеда. Сперва мне надо поправиться. Если меня еще раз так поколотят, я... Короче, не сегодня. Завтра еще куда ни шло.

– Давай по крайней мере вернемся туда, где мы ее бросили, – сказал фокстерьер. – Там еще полным-полно оставалось.

И он побежал в сторону выхода. Рауф, хромя, последовал за приятелем. День успел перевалить за полдень, и красноватое октябрьское солнце, уже клонившееся к западу, расстилало лучи вдоль широко раскинувшегося Даннердейла. Далеко внизу пламенели папоротники и расстилалась сверкающая гладь озера. За ними Надоеда смог рассмотреть коров на лугах, серые каменные стены, деревья в багряной осенней листве и беленые домики, замершие в неподвижности и тишине, словно залитые в толщу золотого стекла. Двигалось, казалось, одно лишь солнце, плывшее в жидкой синеве неба, – ослепительный расплав, который медленно сползал к горизонту, мало-помалу остывая, но продолжая гореть.

Надоеда, моргая, постоял некоторое время на теплой земле у входа. Осенний воздух был напоен запахами сухого папоротника и болотного мирта. Повязка съехала псу на глаз, и он потряхнул головой.

– Слушай, – сказал он, – а была когда-нибудь на свете собака, которая умела летать?

– Конечно, – ответил Рауф не раздумывая. – Только белые халаты поймали ее и отрезали крылья, чтобы посмотреть, что получится.

– Ну и что получилось?

– Она не смогла больше летать.

– Ну, значит, ей было не намного хуже, чем нам... Не торопись, я пойду так медленно, как тебе будет удобно.

Рауф неловко заковылял вперед, и скоро псы добрались до ручья. В безветрии и тепле бабьего лета у Надоеды само собой поднялось настроение, и он запрыгал по мху, расплескивая неглубокие лужи, вспугивая то каменку, то лугового чекана и всякий раз по-щенячьи бросаясь в погоню.

Долго искать недоеденную тушу им не пришлось. Еще не успев учуять ее, Надоеда и Рауф услышали хриплую перебранку двух сарычей, а потом увидели, как те дерутся, подпрыгивая и хлопая крыльями над их вчерашней добычей. Поначалу крупные птицы свирепо усталились на приближавшихся псов, но потом сочли за лучшее ретироваться и, медленно хлопая бурными крыльями, уплыли по воздуху в направлении озера.

– Не много оставили, – буркнул Рауф, разгоняя мух и запуская зубы в покрытую загустевшей кровью тушу.

Надоеда озирался, не торопясь к трапезе.

– Здесь не только они побывали, – сказал он погодя. – Сюда приходило еще какое-то животное.

Рауф вскинул глаза:

– А ты прав! Я тоже почуял! Во дела – нюхаю этот запах и почему-то злюсь! – Он обежал ближние камни. – Поймаю сейчас! По запаху – вроде мышь, но не совсем... А ты что думаешь? – Из его пасти нитями свисала слюна.

– Да ладно, – сказал Надоеда, прижимая лапой овечью ногу и отрывая от нее кусок. – Побывало и ушло. Здесь его в любом случае нет.

– Сидит где-нибудь и наблюдает, – сказал Рауф. – Подсматривает, прячась где-то неподалеку.

– Давай постараемся ничего здесь не оставлять, – сказал Надоеда. – Съедем сколько сможем, а остальное возьмем с собой в рододендроны. Каждый по большому куску.

В пещеру они возвратились уже перед самым закатом. Надоеда тащил переднюю ногу овцы, Рауф волок заднюю. Некоторое время они полежали на солнышке, согревавшем травку у входа, и ушли в подземелье, только когда ступились сумерки и с озера потянуло холодным западным ветром. Внутри Надоеда принялся скрести неплотно уложенные плитки, пока не вырыл удобную продолговатую ямку, после чего улегся в нее с приятным ощущением сытости и вскоре уснул.

Пробуждение оказалось неожиданным. Надоеда открыл глаза в кромешном мраке и услышал, как в нескольких ярдах от него Рауф осторожно крадется по тоннелю. Фокстерьер уже хотел было спросить друга, чем это он занят, но, прислушавшись к движениям и дыханию Рауфа, внезапно передумал подавать голос. Надоеда замер, напрягшись всем телом, и стал ждать.

Очень скоро его обоняние уловило ту же странную вонь, что витала вокруг останков овцы. Надоеда лежал тише паука в паутине, пропуская сквозь себя этот запах, извлекая из него все, что тот мог рассказать. Запах этот не дышал злобой и опасностью. И тем не менее это был дикий, резкий, волнующий, убивающий запах, крадущийся и подстерегающий во тьме. И

двигался он очень быстро. Неведомое животное было совсем близко, прямо рядом с ними, в этой пещере! Вот почему насторожился Рауф, разбудив своей тревогой Надоеду!

Зачем пришел сюда этот зверь? Чтобы убить и съесть их обоих?.. Инстинкт тотчас подсказал терьеру, что это не так. Что бы ни замышлял незнакомец, он стремился избежать столкновения, но Надоеда уже знал: если его вынудить, он будет драться, да еще как. Зачем же он здесь? Может, эта пещера – его дом? Но запах у зверя был сильный, притом такой, что ни с чем не спутаешь, а вчера, когда они входили, его здесь не ощущалось.

Оставалась одна причина: зверь пришел, чтобы стащить их еду.

В этот момент в темноте что-то метнулось, загремели каменные плитки, и Рауф сказал:

– А ну-ка стой, где стоишь! Попробуешь шмыгнуть мимо меня, и я тебя прикончу!

Ответа не последовало. Надоеда, подрагивая от возбуждения, поднялся и занял позицию в нескольких футах от Рауфа, окончательно перекрыв непрошеному гостю выход.

– Я тебя тоже убью, – сказал он. – Получается, ты умрешь сразу дважды! Оно того стоит?

В следующий момент он от неожиданности отпрыгнул назад и даже тьякнул, потому что тот, кто им ответил, говорил хотя и на собачьем языке, но с очень странным акцентом. Надоеда едва понимал сказанное, но сомнений не было: незнакомец состоял с ним и с Рауфом в некотором родстве.

– Что толку тебе в моей смерти, приятель? Ты сам навряд ли увидишь послезавтрашний рассвет.

Вкрадчивый тон говорившего мешался с угрозой. Казалось, неведомый зверь еще не решил для себя, что ему делать – драться, удирать или брать хитростью. Кажется, он склонялся к последнему варианту, а насмешку подпустил, добавляя веса своим словам.

– Кто ты? – требовательно спросил Рауф. Надоеда, впрочем, явственно ощущал его нерешительность и гадал, чувствует ли ее незнакомец. – Ты собака?

– Ну да. А то как же. Собака. Сзади!!!

Это был крик отчаянного предостережения. Надоеда крутанулся на месте – и понял, что его надули. В следующий миг в него со всего маху врезался Рауф, пытавшийся перекрыть незнакомцу путь наружу. Это ему, в общем, удалось, оба лаяли и кусались, но, когда к схватке подоспел Надоеда, чужак уже отскочил обратно в тоннель.

– Ни с места, говорю! – грозно повторил Рауф. – И не пробуй бежать – догоню и шею сломаю!

– Да куда уж мне бежать, старина, – отозвался зверь все с тем же странным акцентом. – Ну что нам делить-то с тобой? Ты да я, да мы с тобой...

От этого голоса у Надоеды кровь все быстрее бежала по жилам, неприятие в нем мешалось с приязнью. Голос у существа был подобострастный и хитрый – голос воришки, лжеца, бесхозного бродяги, черствого, бездушного, не внушающего доверия. А еще в нем звучали язвительный юмор, смелость, ум и полное отсутствие жалости – в том числе и к себе самому. Все это властно взывало к покалеченному разуму Надоеды. Он зачарованно вслушивался в наступившую тишину, надеясь, что голос зазвучит вновь.

И дождался.

– На третий день от сегодняшнего вы умрете. Оба. Истечете кровью и сдохнете. – Голос не говорил, а словно заклинание выпевал. – Кровь на землю капы-капы, и уже не встать на лапы, и вороны тут как тут, ваши глазки расклюют...

Надоеда, к собственному изумлению, ответил мигом, не думая:

– Небо распахнулось, знаешь ли! Была гроза, и ударила молния, и попала мне прямо в темечко. А перед тем все было черное с белым... В смысле, дорога была черная и белая, и появился грузовик, и человек-пахнувший-табаком подпалил мою голову. А я лаю и скачу, кинь мне сахар – проглочу!

Он запрокинул голову и гавкнул.

– Помолчал бы, – сказал Рауф.

– Да неужели? – сказал голос, обращаясь к Надоеде. – Ну, бывает. Вы со мной лучше повежливее, и я, может, правильную дорожку вам укажу. А то, понимаешь, всего-то клочок серой шерсти, а они – бах, бух...

– Точно, – сказал Надоеда. – Ты же все понимаешь, так? Я пойду с тобой, только покажи куда!

И он понемногу двинулся в темноту, ориентируясь на голос.

– Ух ты, а тебя здорово попортили, – раздался тот где-то совсем рядом. – Кто это тебе котелок так раскроил? Та молния?

– Белые халаты, – ответил терьер.

Запах сплошь окутал его, а боль в голове исчезла. Он и голос просто плыли, изящно и легко, в направлении мерцавшего звездами выхода.

Надоеда не сообразил, что Рауф вновь сшиб его с ног, до тех пор пока не услышал, как странный зверь снова отбежал вглубь тоннеля. Потом до него дошло, что Рауф был зол настолько, что ляпни он что-нибудь лишнее – и старый друг его бы как следует оттрепал. Надоеда замер, прижимаясь к камням, и тихо сказал:

– Рауф, нет смысла его убивать, кем бы он ни оказался. Он станет сопротивляться, а это лишняя возня...

– Ты чуть не проспал все на свете, – проворчал Рауф. – Не перехвати я его, он удрал бы с той овечьей ногой, которую ты принес!

– Он говорит, что он собака. Если бы твоя тень умела петь...

– Плевать мне на то, что он там говорит. Он ворюга! И сейчас он об этом пожалеет!

– Да ладно вам, – сказали из тьмы. – Лучше сами подумайте. Будем жить дружно, будет и ужин. Пойдете со мной, всем хорошо будет. А нет – помрете скоро, как я и говорю...

– Помрем? – спросил Надоеда.

– Да, помрете, боже мой, и не спорьте вы со мной. В перебранке толку нет, где-то там нас ждет обед...

– Почему мы должны умереть?

– Тот, кто скачет по холмам, поднимая шум и гам, кто на зуб берет овец, встретит скоро свой конец... – пропели из мрака. – Да еще ты тут с этой дурацкой нашлепкой на голове! Будешь так разгуливать, чего доброго, и меня убьют... Надо тихо пробираться, на глаза не попадаться, кто шумит, поскольку глуп, тот в итоге –дохлый труп!

– Ты, вообще-то, к чему клонишь? – спросил Надоеда. Ему становилось все интереснее, поскольку он, в отличие от Рауфа, до некоторой степени понимал речь этого существа.

– Мы станем охотиться. Я научу вас правильно убивать. Мы будем выходить голодными, а возвращаться с полным брюхом, вот как. По горам и по долам, по заросшим по углам, вы с меня пример берите, вот и будет пузо сыто.

Его речь снова обрела завораживающий, коварный, гипнотический ритм. Надоеда насто-рожил уши и расширил ноздри, внюхиваясь во тьму:

– Слушай, Рауф, слушай его!

– Кем бы он ни был, верить ему нельзя, – отозвался большой пес. – И что он там бормочет? Ни слова не разберу!

– А я разбираю, – сказал фокстерьер. – Я принялся и услышал. Знаешь, я ведь слушал птиц, садившихся на трубу, и жучков под порогом. У меня даже голова прошла... Смотри, она распускается, как цветок!

И он, ликуя, запрыгал по сланцу.

Грозный рык Рауфа привел его в чувство.

– Он говорит, – сказал Надоеда, – что мы тут чужаки и запросто можем беду себе на хвост подцепить. Мы ведь не знаем этих мест и понятия не имеем, как о себе позаботиться. Сами

того гляди пропадем и его по какой-то причине опасности подвергаем. Вот он и предлагает: мы поделимся с ним добычей, а он нас всему научит и будет советовать, как правильно поступать.

Рауф задумался, а потом сказал:

– Он нас обманет и сбежит, когда сочтет нужным. Говорю тебе, нельзя ему доверять!

– Рауф, а что нам терять? Кстати, он умный. Мозговитый, как говорится...

Надоеде не терпелось увидеть обладателя голоса или хотя бы удержать его подольше рядом с собой. От невидимого зверя исходила такая мощная жизненная сила, что воздух в мрачном тоннеле едва не потрескивал от разрядов.

– Стереги-ка ты добычу, – посоветовал Рауф Надоеде. – И я сделаю то же самое. Эй, ты, – крикнул он в темноту, – если ты пробудешь здесь до утра, мы посмотрим, кто ты такой и стоит ли тебя кормить! Как тебя звать?

– Если нам тепло и сухо, это значит – будет пруха, – донесся из глубины тоннеля насмешливый и непостижимый ответ. – Если мясо сэкономите, значит дольше проживете... Ну наконец-то разумные речи слышу! Кто я, спрашиваете? Двое вас, а я один, но зато я лисовин. Умный – жуть, охотник – ах! Самый хитрый на холмах!

Понедельник, 18 октября

– ...Ну вот, – рассказывал Рауф. – Вылезти оттуда мы вылезли, а куда дальше идти, не знаем. Пришли было к каким-то домам, но там я покусал мужика, который собрался засадить Надоеду в машину... То есть он увидел его лежащим на дороге, поднял... Короче, сбежали мы оттуда. Потом мы еще встретили человека с грузовиком, он в Надоеду камнем бросил...

– И еще один человек был, он со своими собаками охотился на овец, – вставил фокстерьер. – Мы хотели ему помочь, но те псы нас прогнали.

Лис на всякий случай устроился чуть поодаль и внимательно слушал рассказ беглецов, догрызая между тем переднюю ногу овцы. Снаружи медленно занималось серое, хмурое утро. Мелкий дождик задувало ветром в устье тоннеля.

– Надоеда все ждал, что мы найдем человека, который позовет нас к себе домой и станет о нас заботиться, – продолжал Рауф. – Мне, правда, с самого начала казалось, что из этого ничего не получится. Хотя бы потому, что, пока мы торчали у белых халатов, люди утащили куда-то все улицы и дома, все, к чему мы привыкли... Ну да, с этим даже Надоеда согласен... И вообще это глупая затея – хозяина себе искать. Люди существуют для того, чтобы причинять вред животным, а не заботиться о них!

– Верно сказано, приятель, – отозвался лис. – У них ружья, собаки, капканы. Надо быть полным придурком, чтобы искать сближения с ними! – На зубах лиса хрустнула кость. – О, да тут мозг...

– Я знаю, где мое место, – сказал Рауф. – Я должен быть там, у белых халатов, как все другие собаки. Но я не смог и сбежал. Я бы очень хотел быть хорошим псом, просто... просто я не хочу опять в этот бак с железной водой...

– А тут у вас, куда ни глянь, всюду баки. Только очень большие, – сказал Надоеда. – Люди часто туда животных засовывают? А каких, не знаешь? Наверно, огромных...

Лис лукаво глянул на одного, потом на другого. Но предпочел промолчать.

– Сам-то ты по-настоящему дикий, правда ведь? – спросил Рауф. – И никаких дел с людьми не имеешь?

– Приходится, – сказал лис. – Время от времени. – И показал зубы. – То уточку схватишь, то ягнечка новорожденного... – Он перекатился на бок, показав длинный белый шрам на животе. – А это я котят крал из амбара.

– Котят?.. – изумился Надоеда.

– Ну, одного. Явилась их мамка, пришлось хватать, который подвернулся, и удирать.

– Который подвернулся?.. – ничего не поняв, переспросил Надоеда.

– Ну да. Остальных не успел.

– В общем, лично я намерен остаться здесь и жить жизнью дикого животного, – подытожил Рауф. – Надоеда, ты, если тебе охота, иди своей дорогой и ищи себе человека. А я буду, как мышка, жить в этой вот норке.

– Только ты не забывай, приятель, что без меня ты здесь и трех дней не продержишься.

– Объясни наконец, – сказал Надоеда, – почему?

– Потому что я вижу, как вы валяетесь на этом склоне, точно гуси, сбитые дробью, и ведете себя так, словно тут, в холмах, нет ни овчарок, ни пастухов! Бегаете, шумите, орете, точно два глупых щенка... Поговорили давеча про пастуха с его собаками и ружьем, да и забыли. Как есть – недоумки!

Едкая насмешка, звучавшая в тонком, отрывистом голосе, заставила шевельнуться щетину на загривке Рауфа, и лис тотчас поменял тон, добавив с откровенным восхищением:

– Но зато овцу ты здорово взял. Крутой ты малый, однако! Я таких еще не встречал. Раз – и куча мяса готова!

– Она меня там об каждый камень ударила, – сказал Рауф. – До сих пор все бока болят.

– Так с умом действовать надо, старина. Ты меня держись, я тебя научу, как уворачиваться от копыт. Можно, конечно, стоять как пень и ломить силой, но по-умному оно лучше... Я тебе подскажу, что к чему, и ты мигом справишься, ты здоровяк! Большой пес быстро всему научится, если рядом будет умный лис!

– А ты сам овец убиваешь? – удивленно осведомился Надоеда.

Лис был уж никак не крупнее его самого.

– Только маленьких ягнят по весне, и то если здорово повезет. Но твоему приятелю взрослому овцу зарезать – раз плюнуть, если умеючи, – сказал лис, с уважением поглядывая на рослого Рауфа. – На самом деле из вас обоих очень даже может быть толк.

– То есть ты хочешь остаться и пожить с нами? Я тебя правильно понял? – спросил Надоеда, вновь, как тогда в ночи, чувствуя таинственное родство с этим странным, лукавым созданием, которое, казалось, каждым своим словом и каждым движением ткало какую-то тщательно продуманную сеть.

– Насчет меня вы, ребята, не беспокойтесь. Я вас не объем, мне мяса много не надо – так, кусок перехватить... – Поднявшись, лис легко перебежал к выходу, выглянул наружу, под дождь, и сразу вернулся. – Мы, лисы, живем на бегу и не останавливаемся, пока не приходит Тьма. Тьма – хорошее дело; когда она приходит, то – поди-ка меня поймай!

– Значит, если мы тебя правильно поняли, ты нам вот что предлагаешь: мы с тобой делимся добычей, а ты за это учишь нас, как правильно жить, чтобы люди не увидели нас и не поймали?

– Вот-вот. Правильно говоришь. А не то Тьма быстренько вас накроет. Тот фермер все шкуры вам свинцом издырявит – и вот она Тьма, бултых!

Перекатившись на спину, лис подкинул в воздух кость овцы, поймал на лету и метнул Надоеде. Тот неуклюже бросился ее ловить и промахнулся на несколько дюймов. В раздражении он прыгнул к тому месту, куда откатилась кость, подхватил ее и оглянулся, ища глазами лиса.

– А я тут, сзади! – Оказывается, легконогий дикарь успел, точно тень, проскользнуть за его спиной. – Чтобы не маячить, папоротник спрячет. Будешь нюхать тропку – съешь овечью...

– Тебя как зовут? – спросил Надоеда.

Проворный лис, казалось, почти не касался каменного пола, скорее он невесомо парил над ним, словно сарыч – в воздухе над холмами.

Вопрос фокстерьера явно поставил его в тупик. В первый раз за все время их знакомства.

– Имя, – повторил Надоеда. – Как нам тебя называть?

– Ну-у... я как бы... типа того... – неуверенно пробормотал лис. Он попросту не понял вопроса, но сознаваться в том не хотел. – А ты, приятель, прикольный. Занятно с вами, ребята.

В старой шахте повисло молчание.

– У него нет имени, – вдруг сказал Рауф. – Так же, как не было его у мышки.

– Но как же они без...

– Опасная эта штука, имя. Кто-нибудь может им завладеть, а с ним и тобой! И попался!

По мне, он просто не может позволить себе такую роскошь, как имя. Некому его этим именем называть. Он дикий!

По колючим дебрям перекрученного разума Надоеды вдруг огненным вихрем пронеслось всепоглощающее чувство покинутости. Вот, стало быть, и конец всем его заботам. Он тоже мог больше не отягощать себя именем, не ворошить прошлое, не задумываться о будущем. Ни сожалений, ни памяти, ни потерь! Страхи сменяются осторожностью и опаской, тоску вытеснит голод, вместо горя и душевных мук останется лишь телесная боль. Никому больше не придется открывать душу, он станет жить настоящим, тем единственным мгновением, которое настает и стремительно пролетает – точно муха, которую промахнулся схватить летним вечером во дворе. Надоеда увидел себя смелым, настороженным, спокойно плывущим по течению жизни – без особых нужд, забот и хлопот, прислушиваясь лишь к велениям инстинкта. Он станет красться сквозь папоротники, тая добычу, он будет легкой тенью уходить от погони, спать в надежном убежище... и рисковать жизнью, пока однажды не проиграет. И тогда он в последний раз ухмыльнется и отбудет в последнее путешествие, уступая место другому, еще большему хитрецу... такому же безымянному, как и он.

– Пусть он остается! – крикнул Надоеда, наскакивая на Рауфа, словно щенок. – Пусть! Пусть! Он научит нас, как быть дикими! Дикими!

Он в восторге закувыркался по полу и принялся что есть силы драть когтями и без того уже измочаленную повязку на голове.

* * *

– Весьма неприятные новости, – сказал доктор Бойкотт, глядя на мистера Пауэлла поверх очков. – И боюсь, из ваших слов я так и не понял, как подобное могло случиться.

Мистер Пауэлл нервно переступил с ноги на ногу.

– Ну-у... Если честно, мне очень не хотелось бы во всем винить Тайсона, – ответил он. – Тайсон, в общем-то, славный малый... Но, насколько я понимаю, в пятницу вечером он не заметил, что в вольере восемьсот пятнадцатого внизу отошел кусок сетки и образовалась дыра, через которую восемьсот пятнадцатый сумел среди ночи проникнуть к соседу – семьсот тридцать второму.

На этом мистер Пауэлл умолк, как бы намекая, что ему нечего сказать. Однако доктор Бойкотт продолжал смотреть на него, не соглашаясь с намеком, и после паузы мистер Пауэлл продолжил:

– В общем, после этого на двери вольера семьсот тридцать второго сломалась пружина замка, и обе собаки вышли наружу.

– Но если бы дверь была закрыта как следует, – сказал доктор Бойкотт, – она в таком положении и осталась бы. Поломка пружины ни на что не могла повлиять. Эти двери сами по себе не открываются.

У мистера Пауэлла горели уши от смущения и стыда. В такое положение нередко попадают молодые офицеры, которые из робости, неопытности и неуместного почтения не решаются задавать неприятные вопросы своим старшим годами и тертым жизнью подчиненным, а потом сами оказываются вынуждены отвечать на те же вопросы вышестоящим начальникам.

– Я тоже думал об этом, – сказал он наконец. – Но пружина действительно сломана. Тайсон мне ее показывал.

– Вы уверены, что он не сам ее испортил?

– Не понимаю, зачем бы ему делать это, шеф.

– Затем, например, что в субботу он понял, что накануне неплотно притворил дверь, – с нескрываемым раздражением проговорил доктор Бойкотт, демонстрируя младшему коллеге, что тот и сам мог бы до этого додуматься.

– Наверняка утверждать нельзя, – сказал мистер Пауэлл. – Но если он сам ее сломал, он ведь никогда в этом не сознается, верно?

Он полагал, что подобный ответ избавит его от дальнейшего развития этой темы.

– А вы его спрашивали? – поинтересовался доктор Бойкотт.

– Ну, именно так вопрос я не ставил...

– Говорите толком – да или нет?

Доктор Бойкотт совсем спустил очки на нос, но зато поднял брови. Мистер Пауэлл на миг пожалел, что в реальной жизни, в отличие, скажем, от шахмат, нельзя просто сдать партию – и тем самым отправить просчеты, приведшие к поражению, в историю.

– Ладно, как бы то ни было, – снова заговорил доктор Бойкотт с видом страдальца, который вынужден искать выход из безнадежной ситуации, созданной чужой некомпетентностью, – обе собаки выбрались наружу через вольер семьсот тридцать второго. Что произошло дальше?

– Дальше, судя по всему, они пробежались по всему виварию, потому что в отделе определения беременности оказался перевернут ящик с мышами...

– Полагаю, вы сообщили об этом Уолтерсу? – осведомился доктор Бойкотт таким тоном, словно предполагал услышать в ответ новые откровения безалаберности и легкомыслия.

– Конечно сообщил, первым делом, – ответил мистер Пауэлл, хватаясь за возможность вернуться к бесстрастно-деловому тону, как если бы его компетентность и профессионализм ни на миг не подвергались сомнению.

– Рад *это* слышать, – парировал доктор Бойкотт, очерчивая этой фразой, как художник-импрессионист – одним мазком, множество не требующих уточнения вещей, которые он вовсе не был рад услышать. – Итак, как же они покинули здание? И в какую сторону убежали?

– Этого никто не знает, – с многозначительной неопределенностью заявил мистер Пауэлл, как будто он уже обращался и в Скотленд-Ярд, и в Общество ветеранов Кольдица³¹, и в редакцию «Альманаха старого Мура»³² и отовсюду получил один и тот же ответ, гласивший, что эта загадка еще более непостижима, чем тайна исчезновения «Марии Селесты»³³.

Доктор Бойкотт громко цокнул языком. У него был вид труженика-верблюда, который каждодневно выносит невыносимое; уж верно, можно простить ему невольную жалобу, когда последняя соломинка грозит сломать спину?

– Вы имеете в виду, что вы с Тайсоном этого не знаете?

– В общем, да, – признал мистер Пауэлл голосом жабы, угодившей под борону³⁴.

³¹ ...*Общество ветеранов Кольдица*... – Кольдиц – средневековый замок близ Лейпцига, где во время Второй мировой войны располагался сверхсекретный концлагерь для особо важных пленных из войск антигитлеровской коалиции; считалось, что побег оттуда невозможен, однако же более 300 узников пытались сбежать, но удалось это лишь 30.

³² *«Альманах старого Мура»* («Old Moore's Almanack») – издающийся с 1697 г. по настоящее время ежегодник астрологических и метеорологических предсказаний, основанный британским астрологом Фрэнсисом Муром (1657–1715).

³³ *«Мария Селеста»* («Мария Целеста») – американский бриг, обнаруженный в Северной Атлантике в декабре 1872 г. – на плаву, в отличном состоянии, однако без каких-либо признаков команды. Судьба экипажа и причина, по которой судно оказалось покинуто, до сих пор остаются загадкой.

³⁴ ...*голосом жабы, угодившей под борону*. – Английская идиома «попасть под борону» означает «оказаться в бедственном положении»; здесь также аллюзия на строки из стихотворения Р. Киплинга «Пэджет, член парламента»: Как уцелеть под бороной — Известно жабе лишь одной; Однако бабочка с высот Советы жабе подает. (Перев. Е. Витковского)

– А вы уверены, что они не проникли в лабораторию Гуднера? – резко и неожиданно спросил доктор Бойкотт.

– Уверен, – в тон ему ответил мистер Пауэлл.

– Абсолютно?

– Да. И сам он тоже уверен. Я его уже спрашивал. Он говорит, что культуры...

– Ладно, – произнес доктор Бойкотт, взмахом руки пресекая поток никому не нужных подробностей, вдобавок отдававших самооправданием. – Он удовлетворен – и слава богу.

Поднявшись, он засунул руки в карманы, отошел к окну и уселся на батарею. Это означало, что, хотя мистер Пауэлл по-прежнему находился «на ковре» у начальства, основная гроза над его головой уже отгремела. На данном этапе шефу нужен был его совет – за неимением лучшего, конечно.

– Полагаю, – сказал он, – вы удостоверились, что они не прячутся в здании или где-нибудь на территории?

– Определенно, – сказал мистер Пауэлл. – Мы с Тайсоном все проверили независимо друг от друга. Я думаю, есть надежда, что они вскоре обнаружатся. Я имею в виду, они могут вернуться...

– Могут вернуться, – задумчиво повторил доктор Бойкотт. – Или их могут нам вернуть. Жаль, у них на ошейниках нет адреса нашего центра. Надо будет изменить вводимые данные. Впрочем, в данном случае поезд, как говорится, ушел. – Он немного помолчал, а потом резким тоном, так, словно мистер Пауэлл затруднился ответить на какой-то вопрос и заставил его ждать понапрасну, спросил: – Ну так что? – Мистер Пауэлл вздрогнул, и доктор Бойкотт пояснил: – Ну так что, по-вашему, нам теперь следует предпринять?

Как раз об этом мистер Пауэлл успел основательно поразмыслить. Ему оставалось только перечислить имевшиеся варианты, возможно, расставить какие-то приоритеты. Но когда он выскажется и умолкнет, принимать решение – и отвечать за него – предстоит уже кому-то другому.

– Можно вообще ничего не предпринимать, – сказал он. – Можно своими силами организовать поиски, не вынося сор из избы. Можно раздать описания пропавших животных всем окрестным жителям с просьбой по возможности отловить, если кто их заметит, и в любом случае сообщить нам. А можно и вовсе в полицию обратиться... Причем три последних варианта, – рассудительно добавил мистер Пауэлл, – не исключают друг друга.

– А к какому варианту склоняетесь лично вы? – настаивал доктор Бойкотт.

– Если честно, шеф, я бы некоторое время не делал резких движений. Десять против одного, что они либо вернуться, либо объявятся где-нибудь, и мы просто их заберем. Если же этого не случится, их можно просто списать. Иначе поднимется шумиха на всю округу и наша репутация будет подмочена, причем безо всякой пользы для дела. Они отсутствуют уже около трех суток и теоретически могут быть на полдороге к Кендалу³⁵. Они...

– А если они начнут нападать на овец? – спросил доктор Бойкотт.

– Тогда какой-нибудь фермер пристрелит их и тем самым избавит нас от дальнейших хлопот. Или поймает, сообразит, откуда они, и позвонит нам. В этом случае нам придется умиrotворять всего одного дуболома, а не всему графству бесплатный сыр раздавать, – заключил мистер Пауэлл.

– Что ж, может, это и впрямь наилучшая линия поведения, – задумчиво кивнул доктор Бойкотт. – Право же, сейчас неподходящее время, чтобы беспокоить директора по таким пустякам. Действительно, скорее всего, собаки сами вернуться либо их нам вернут... Кстати, что сказал Фортескью, когда вы сообщили ему о восьмьсот пятнадцатом?

– Он сказал – что за незадача, столько сил и времени псу под хвост.

³⁵ Кендал – город в южной оконечности Озерного края, в графстве Камбрия.

– Да уж, точнее не выразиться, – сказал доктор Бойкотт, явно не отдавая себе отчета, что решение побережь честь мундира и не предавать побег огласке слабо вяжется с его же заявлениями о том, какую ценность представляют подопытные псы. – Если они не объявятся сегодня, результаты проведенных с ними опытов окажутся перечеркнуты, по крайней мере частично. Это особенно касается семь-три-второго – на нем испытываются пределы физических возможностей, и погружения должны происходить строго по графику. Насчет восемь-один-пятого с уверенностью утверждать не берусь, но, по-моему, как раз сегодня Фортескью собирался приступить к тестированию... – Тут его посетила внезапная мысль, и он сказал: – А как по-вашему, не мог Тайсон взять и сам похитить собак?

– На самом деле я думал об этом, шеф. Но вздумай он заняться чем-то подобным, вряд ли он начал бы с тех двоих. Тайсон ведь не дурак и знает, что одному из этих псов делали операцию на мозге, а второй успел прославиться свирепостью и дурным нравом...

– Ну ладно. – Доктор Бойкотт деловито вернулся к столу и взял в руки какие-то бумаги, давая понять, что тема беглецов на данный момент исчерпана. – Итак, перейдем к другим делам. Вы хотели мне еще что-то сказать?

– Верно, шеф, есть еще два вопроса, – проговорил мистер Пауэлл с видимым облегчением. – Первый касается той гуманной ловушки для серых белок, которую Министерство сельского хозяйства прислало нам для апробации.

– И что с ней?

– Сказать по правде, она оказалась не очень-то гуманной, – смущенно хихикнув, сказал мистер Пауэлл. – Она вроде как должна убивать их мгновенно, да? Ну а она в среднем четыре раза из десяти их только калечит. Если хотите, могу нарисовать...

– Меня не очень интересуют технические подробности, – остановил его доктор Бойкотт. – Эта работа не предполагает ни научного прогресса, ни новых открытий. Как бы то ни было, министерство вряд ли потребует результатов раньше чем через несколько недель. Полагаю, белки не станут их торопить, – добавил он несколько шутливо, вызвав на лице мистера Пауэлла улыбку облегчения. – Хорошо бы вы сами придумали более удачную модификацию, такую, что будет срабатывать наверняка. Только не забывайте, устройство должно появиться на рынке по приемлемой цене... Что у вас еще?

– Последний вопрос, шеф, и уж он-то должен вас заинтересовать, – сказал мистер Пауэлл, и выражение его лица говорило: «Вам нужны лучшие места? Пожалуйста, вот билеты». – Помните, вы заказывали налимов, чтобы исследовать, как они меняют цвет в зависимости от фона? Так вот, с полчаса назад звонил Митчелл – они у него, может прямо сегодня доставить. Я ему сказал, что переговорю с вами и отзвонюсь попозже.

– Может Фортескью выделить кого-нибудь на этой неделе, кто мог бы ампутировать им глаза и удалить некоторые части мозга? – спросил доктор Бойкотт.

– Да, он говорит, Прескотт в среду будет свободен и сможет ими заняться.

– Вот и отлично. Пускай их сразу везут сюда, только проследите, чтобы аквариумы были готовы. Ну и конечно, я жду от вас примерный план испытаний.

– Будет сделано, шеф. Э-э-э... Возвращаясь к нашей проблеме... – начал мистер Пауэлл, надеясь продемонстрировать добрую волю и тем хоть как-то восстановить свое доброе имя.

– Да? – не поднимая глаз от бумаг, спросил доктор Бойкотт.

– Следует ли мне представить вам отчет в письменной форме? Дело в том, что пара вопросов еще не прояснена...

– Не трудитесь, – с прежним отстраненным видом сказал доктор Бойкотт. – Я сам переговорю с Тайсоном... Кстати, а что там с той обезьянкой? – спросил он, по-видимому ощущая, что предыдущая фраза прозвучала излишне оскорбительно для подчиненного, который не мог ответить ему в том же тоне, и потому резко меняя тему разговора.

– Обезьянку отправили в цилиндр в пятницу вечером, как вы и велели, – ответил мистер Пауэлл – Получается, на данный момент она пробыла там двое с половиной суток.

– И как реагирует?

– Временами неистовствует, – сказал мистер Пауэлл. – И, как бы это сказать, плачет. В общем, шумит.

– Пищу принимает?

– Тайсон не сообщал, чтобы отказывалась от еды.

– Ясно, – сказал доктор Бойкотт и опять уткнулся в бумаги.

Вторник, 19 октября

– Далеко мы от них сейчас? – прошептал Надоеда.

– Пробираемся леском, поглядим одним глазком, старина... Все леском – одним глазком!

Лис, казалось, даже не произнес вслух ни слова – его ответ как бы телепатически проник в сознание фокстерьера, не потревожив окружающей тишины. Они ползком приблизились еще на три фута к краю весело журчавшего ручья Тарн-Бек.

– Мы отправимся вверх по течению, в сторону фермы?

– Нет! – Лис, прижимавшийся к земле у подножия скалы, казалось, сплюснулся, точно пивяка, и даже поменял окрас, став из рыжего серым. – Пригнись!

– Что?

– Пригнись, говорю!

Надоеда понял, что следует затаиться в укрытии и наблюдать. Выше по течению ручья, под деревянным пешеходным мостиком, что вел на луга возле Трэнга, плескались и крикали утки с фермы Танг-Хаус. Фокстерьер вдруг остро ощутил, что его черно-белый окрас бросается в глаза, точно столб с почтовым ящиком в конце улицы. Увидев чуть в стороне поросль папоротников, он тихо заполз под бурые перистые листья.

Несколько мгновений спустя Надоеда повернул голову в сторону скалы, где, как он помнил, прятался лис, но рыжего хитреца там теперь не было. Осторожно оглядевшись, фокстерьер заметил его чуть впереди. Лис стелился по земле, вжимаясь брюхом и подбородком во впадину крохотного ручейка, стекавшего в Тарн-Бек с ближнего луга. Внезапно замерев, лис некоторое время лежал совершенно неподвижно в ледяной воде, сочившейся сквозь его мех. Криканье между тем сделалось ближе. Скоро Надоеда расслышал плеск и барахтанье – утки плавали и резвились в быстром течении всего в каких-то тридцати футах, там, где ручей бежал через луг. Пес ощутил, что весь дрожит. Лис находился теперь в трех прыжках от ручья, хотя Надоеда так и не заметил, чтобы рыжий охотник двигался. Потом терьер снова стал смотреть на короткий отрезок бегущей воды, видимый между кустами ольшаника при впадении меньшего ручейка в Тарн-Бек.

И вот наконец в поле его зрения оказалась утка! Спустившись вниз по ручью, она развернулась, выгребла против течения и нырнула, разыскивая что-то на дне, – только белый треугольник хвоста, покачиваясь, торчал из воды. Надоеда вновь стрельнул глазами туда, где последний раз видел лиса, и уже не удивился, обнаружив, что его там нет. Что же ему-то, Надоеде, следует делать?..

Выбравшись из папоротников, он двинулся было вперед, но тут появилась еще одна утка, а за ней – бурый селезень с блестяще-синими полосками поперек крыльев.

Селезень с уткой тут же поссорились из-за какого-то лакомого кусочка, который она нашла на дне, и, пока они громко препирались и выхватывали друг у дружки съестное, их снесло ярда на три вниз, на мелководье.

Тут-то к ним и метнулся лис – беззвучно, словно струйка рыжего дыма. Казалось, он и двигался-то неспешно, напоминая некую природную силу, принесенную то ли ветром, то ли

водой. Надоеда кинулся туда же, но прежде – как ему показалось, намного раньше, – чем он поравнялся с уткой, лис уже скользнул на отмель, сгреб селезня за шею и поволок его, отчаянно бьющего крыльями, на берег и дальше на луг. За ними раздалось многоголосое кряканье и плеск – напуганная утиная стая в панике улепетывала вверх по течению ручья.

Надоеда встретил лиса ярдах в двух от берега. Тот крепко держал в зубах вырвавшегося селезня. За биением крыльев и мельканием лап не видна была даже черная маска на мордочке лиса. Не ослабляя хватки, удачливый охотник закашлялся, и в глаза пса полетело облачко мелких перьев и пуха.

– Мне... мне-то что делать? Ты хочешь, чтобы я... – Надоеда, как ни глупо это выглядело, по-прежнему готов был броситься в опустевший ручей.

– Бежим! – чуть приоткрыв угол рта, невнятно выговорил лис и, не удостоверившись, что Надоеда понял его, побежал вниз по течению, хотя и без излишней спешки.

Вскоре они оказались под прикрытием высокого берега, заросшего ясенем и ольхой, и, пользуясь им, стали пробираться в сторону открытого склона.

Лишь один раз лис остановился, опустил наземь наконец-то затихшую добычу, посмотрел на фокстерьера и ухмыльнулся.

– Скоро ты выучишься ступать неслышно, приятель. В следующий раз первым пойдешь! И уж точно что-нибудь словишь – либо пулю, либо вкусненькое на ужин.

Надоеда ухмыльнулся в ответ.

– Умеешь уток ощипывать? – спросил лис. – Столько перьев летит! Ничего, я тебя научу.

Четверг, 21 октября

Рауф, свернувшись калачиком, укрывался от холодного ветра за большим камнем ярдах в двухстах от вершины Доу-Крэга. Луну затянули облака, так что было почти совсем темно. Света едва хватало, чтобы различить устье обрывистого овражка, круто уходящего вниз.

Надоеда пребывал в беспокойстве. Лис лежал вытянувшись, опустив голову на передние лапы.

– Говоришь, драться, скорее всего, не придется? – спросил Рауф.

– А зачем, старина? Чем быстрее она будет бежать, тем быстрее полетит вниз. Ты смотри только сам с ней не улети... – Лис умолк и покосился на фокстерьера. – Если только ты, приятель, не подкачаешь, все должно пройти как по маслу.

Рауф еще раз заглянул вниз, в непроглядную глубину, и тоже повернулся к Надоеде.

– Короче, слушай сюда, – сказал он. – Она со всех ног будет бежать вверх по склону, уж мы-то с лисом ее погоним. Когда она доберется сюда, то либо проскочит, либо свалится в ущелье. Так вот, миновать тебя или повернуть обратно к подножью холма она ни в коем случае не должна, ты понял?

– Не проскочит, – напряженно проговорил Надоеда.

– Смотри в оба, умник, и все получится, – сказал лис.

И с этими словами побежал следом за Рауфом вниз по склону.

Надоеда устроился под камнем, еще хранившим тепло тела Рауфа, и принялся ждать. Ветер подвывал и постанывал, летя между отвесными стенами ущелья. Капли дождя пахли солью и мокрыми листьями. Потом фокстерьер встал, прислушался и принялся расхаживать взад и вперед возле устья расселины. С западного склона по-прежнему не доносилось никаких звуков охоты. Казалось, Надоеда был единственным живым существом на всем пространстве от Доу-Крэга до Ситуэйт-Тарна...

Спустя некоторое время пес забеспокоился. Вглядываясь в темноту и время от времени тихо поскуливая, он отбежал на несколько шагов в направлении вершины. Отсюда было видно, как далеко внизу, за краем обрыва, тускло поблескивает озеро Гоутс-Уотер. Еще один из вели-

кого множества баков с водой, которыми люди оснастили эту недобрую и неестественную землю. Обнюхав тропинку, фокстерьер обнаружил на ней окурочек – и испуганно отскочил: ему успел представиться человек-пахнувший-табаком.

Чувствуя себя окончательно сбитым с толку, Надоеда улегся там же, где стоял, потом задрал заднюю лапу и принялся в тысячный раз сдирать с головы клеенку и пластырь. Сегодня его когти нашли за что зацепиться – какую-то складку, которой там раньше не было. Он надавил сильнее, что-то подалось, заскользило... и оголенная макушка ощутила прикосновение холодного воздуха. Отдернув лапу, Надоеда увидел на ней сорванную повязку – мокрую, изорванную, черную. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы сообразить, что это такое. Придя в полный восторг, фокстерьер схватил ее зубами, стал грызть, подбрасывать и ловить...

И тут со склона внизу докатилось эхо свирепого лая.

Оглянувшись, Надоеда вдруг понял, что забыл дорогу ко входу в ущелье. Пока он силился что-то сообразить в темноте, снизу приблизилось быстрое цоканье маленьких копыт. Пес бросился навстречу, двигаясь на звук. Он только-только успел добраться до камня, под которым оставил его лис, как на тропинке появилась овца. За ней, щелкая зубами у самых копыт, мчался Рауф.

В это же мгновение из ниоткуда возник лис – и залег на тропе, щеря пасть. Овца повернулась в сторону Надоеды и остановилась в нерешительности. Надоеда бросился на нее, и овца, отшатнувшись, полетела вниз головой в черный провал. Рауф, преследовавший ее по пятам, тоже исчез. Послышался рокот катившихся камней, потом раздалось жуткое предсмертное бление, оборвавшееся внезапно и резко. Рауф вновь появился, сверкая белками глаз в скудном свете, и лег, тяжело дыша, в каком-то ярде от края.

– Я видел, как она падала, – сказал он наконец. – Во имя легких и печенки, я не мог остановиться! Я сам чуть не свалился. Ты молодец, Надоеда! Не дал ей развернуться... Эй, погоди-ка! – И Рауф вскинул голову, явно не веря своим глазам. – Что это с тобой?..

– Ты о чем? – спросил фокстерьер.

Но Рауфу было не до разговоров – он принялся обнюхивать и вылизывать глубокий штопаный рубец, тянувшийся через всю голову Надоеды. Помалкивал и терьер. Рауф обращался с ним как с чужаком, постепенно примиряясь с неожиданной переменной в облике друга.

– Так, говоришь, это человек-пахнувший-табаком тебе голову поджигал?

– Точно не знаю. Я же спал, когда это случилось. Просто я довольно часто чувствую, что она как будто горит. Я ведь разок в нее провалился. Если бы не проволочная сетка... – Надоеда нерешительно поднялся. – На самом деле ничего странного, правда. Дырки, ну да. Я видел дырки в крышах. И в машинах. Люди иногда их открывают. И еще трубы. Знаешь, иногда под дорогами с одной стороны на другую тянутся трубы. Как-то раз к нашим воротам пришли люди и стали копать. Я все это видел. Понятно, до того, как появился грузовик...

– Время, время уходит! – поторопил лис. – Вы что, ребята, есть не хотите? У меня, например, брюхо к спине липнет.

Поднявшись, лис отбежал на несколько ярдов, затем оглянулся на двоих псов, по-прежнему лежавших на каменистой тропе.

– Идти-то куда? – спросил Рауф. – Как далеко вниз? Я думал, эта овца будет падать бесконечно! Даже не слышал удара. Далеко, спрашиваю, спускаться?

– Да нет, нет, всего-то бугорок обогнуть. Два шага.

Они и вправду довольно быстро спустились к подножию Доу-Крэга через седловину Гоутс-Хауз. Но лишь через час им удалось отыскать тушу овцы, застрявшую на узком уступе у самого дна Большого ущелья.

Суббота, 23 октября

– Давай, старина, давай! Ломай, круши!

Надоеда раз за разом налегал всем весом своего небольшого тела на сеточное ограждение курятника. Когда проволочные ячейки наконец разошлись, лис в одно мгновение проскользнул внутрь. Терьер еще не успел как следует отдышаться, а его дикий напарник уже забрался в птичник, воспользовавшись трещиной между досками пола, в которую, по мнению Надоеды, не пролезла бы даже крыса.

Внутри тотчас поднялся переполох – послышалось кудахтанье и отчаянное хлопанье крыльев. Еще миг, и в ближнем сарае загавкала собака. В хозяйском доме зажегся свет, на верхнем этаже стукнуло отворяемое окно. Пока Надоеда прятался за одной из кирпичных опор, подпиравших курятник, одновременно мобилизуя все свое мужество, чтобы не удрать без оглядки, – наземь рядом с ним одна за другой свалились две подергивающиеся куриные тушки. Лис ужом вывернулся из щели, и Надоеда вскочил на ноги:

– Собаку слышишь?

– А то! Бежим, старина, бежим!

Голые желтые лапки добычи были настолько горячими, что Надоеда еле удерживал их в пасти. Наверху включили мощный фонарь, и слепящий сноп света заметался туда-сюда, обшаривая двор. Когда охотники нырнули в живую изгородь, сзади бабахнул дробовик.

Лис положил наземь курицу, собираясь перехватить ее поудобнее. И сказал:

– Это тебе не кошек гонять!

Воскресенье, 24 октября – понедельник, 25 октября

В серых предрассветных сумерках Рауф вскочил с моховой подушки навстречу двоим охотникам, вернувшимся из-за Ситуэйт-Тарна. Большой пес был с головы до пят забрызган свежей кровью, на камнях краснели отпечатки его лап. Неподалеку на берегу ручья лежала еще теплая туша суэдейлской овцы, вспоротая от горла до брюха.

– Я знал, что смогу сделать это, стоит мне только отдохнуть несколько дней, – сказал Рауф. – Оказывается, ничего трудного. Я просто погонял ее взад-вперед через ручей, а когда она стала выбиваться из сил, схватил и свалил. Давайте присоединяйтесь, если хотите...

Он запнулся на полуслове, потому что лис, шурясь против резкого восточного ветра, смотрел на него с какой-то смесью растерянности и презрения. Когда же лис подал голос, было непонятно, говорит он или плачет.

– Дурень безмозглый! Совсем рехнулся! Стоило мне отвернуться, и этот олух уже торчит у всех на виду, как петушиный гребень! Олух мохнатый! Который день меня слушаешь, а так и не поумнел! Сил моих нет, ухожу я от вас! Мне своя шкура дороже...

– погоди! – закричал Надоеда. – погоди, лис!

Тот уже отвернулся и затрусил прочь, направляясь к запруде.

– Что такого стряслось-то?

– Начать с того, что ты убил на холме, прямо на тропе, которой пользуются пастухи, да еще и залил все вокруг кровью. А теперь сам торчишь на видном месте – дескать, смотрите все кому не лень, вот он я! Ты что, думаешь, у фермера глаз нету? Он явится сюда и сразу все просечет. Помяните мое слово, парни, – Тьма схватит вас за задницы еще до рассвета!

– погоди, лис, куда ты-то идешь?

Дикарь зарычал.

– Аррх! Пойти, что ли, сразу на ферму и лечь на пороге! Или голову сунуть прямо в дуло ружья, – проговорил он с горечью. – Все хлопот меньше будет!

И в самом деле, когда из-за вершин Свиррэла и Грейт-Каррса поднялось солнце, причина отчаяния лиса сделалась очевидной. Труп убитой овцы торчал посреди мхов Тарн-Хед-Мосса на самом виду, заметный отовсюду, словно знамя свободы, порванное, но по-прежнему реющее на ветру. К нему со всех сторон начали собираться сарычи, вороны и синие мухи, слетавшиеся, казалось, со всего Озерного Края.

Свиррэл и Каррс

Пока занимался рассвет, Надоеда лежал в пятистах ярдах от входа в пещеру и хмуро наблюдал за тем, как над тушей хлопают крылья и раздается клекот дерущихся птиц. Жадных трупоедов не разогнал даже дождь, налетевший со стороны Даннердейла. Серая пелена скрыла запруду и озеро.

Лис, которого с трудом уговорили остаться, после полудня ушел на западную сторону Блейк-Ригга, откуда была видна тропа, что вела от озера к ограбленной ими ферме.

Тем не менее к закату, когда снова проглянуло солнце и вода в небольших ручейках поднялась и потемнела, ни собак, ни людей в долине так и не появилось. Насквозь вымокший лис, волоча хвост, вернулся к пещере, бормоча что-то насчет «доброего дождя, которого некоторые не заслужили». В этот вечер они не охотились – останков овцы хватило всем троице.

На следующее утро, пока Надоеда блаженно валялся в ставшей уже привычной ямке в сланцевом полу, его разбудил лис. Молча, соблюдая предельную осторожность, он повел фокс-терьера к выходу из пещеры.

Внизу, на покрытой мхом пустоши, стоял человек. Он курил сигарету, и две черно-белые собаки, валлийские колли, сопровождали его. Человек тыкал посохом в оголенный хребет почти начисто обглоданной овцы.

Вторник, 26 октября

– А у нас, похоже, крупный хищник завелся, – сказал Деннис Уильямсон. – Точно вам говорю.

Обойдя свой фургон, он с силой пнул заднее колесо.

– Да ладно тебе, – отозвался Роберт Линдсей. – Ты что, правда так думаешь?

Деннис прислонился к белой стене фермы Холл-Даннердейл и закурил сигарету.

– Не думаю, – сказал он, – а уверен. За неделю с небольшим гибнут две овцы, а ведь еще даже снег не выпал! Как это тебе, Боб? Причем обе валяются на открытых местах, где неоткуда упасть и ноги переломать.

– Где ты их нашел-то? – спросил Роберт. – Где все это было и как ты на них набрел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.